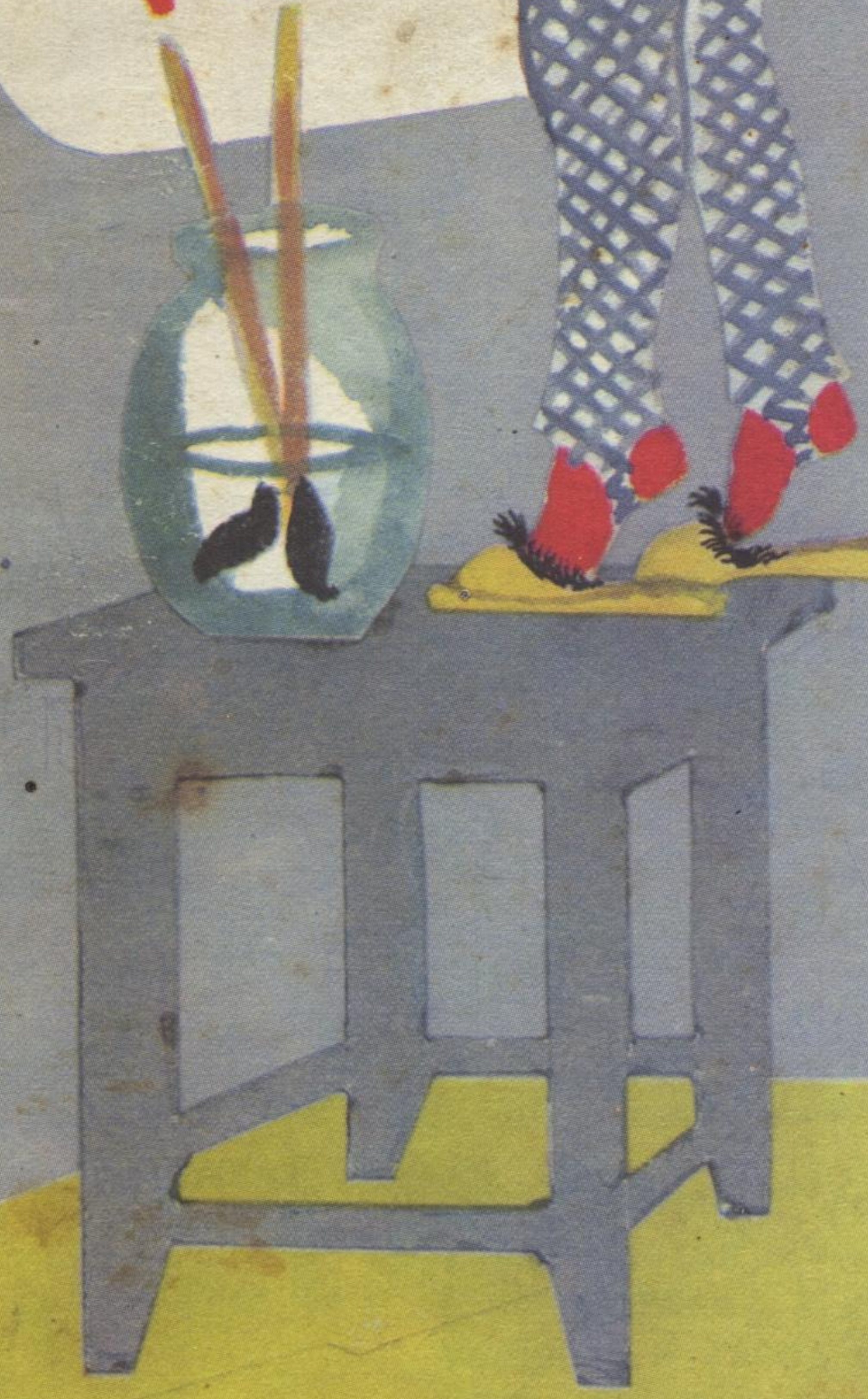

ПОЗДРАВЯЙ
МАМУ
С
8
МАРТА

... У клоуна Ням Нямыча большое личное хозяйство. Главное место в нем занимает корова Манюня, медалистка и рекордсменка, которая дает сразу сметану, кефир и брынзу. На глазах у изумленных зрителей Ням Нямыч (Кеша Богомолов) производит экспериментальную дойку и угощает молоком всю команду фрегата. В финале Ням Нямыч и Манюня показывают парные модные танцы...

Хотите узнать подробности — читайте в этом номере очерк „Операция АС“.

В ЭТОМ НОМЕРЕ

Растите романтиками

беседа А. ТРЕШНИКОВА 2

Команда Борзых

маленькая повесть Г. МУХАМЕТШИНА 5

Дружба

интернациональный клуб «Костра» 15

Пятно на скатерти

из воспоминаний Л. ПАНТЕЛЕЕВА 17

„Рыжуха“ и ее друзья

очерк М. МАМЕДОВА 21

Нынче все наоборот

повесть Ю. ТОМИНА 24

Операция АС

очерк В. ПОПОВА 39

Стихи

А. КУШНЕРА 44

Самоубийцы по профессии

комментарий Г. АЛЕКСАНДРОВИЧА 46

Несколько дней в барханах

А. ТОМИЛИН 48

Как петух грозился лес поджечь

африканская сказка 49

Что? Где? Когда? Почему?

заметки, фото, рисунки 50

Хлеб наш насущный

рассказ КОЛЬО ГЕОРГИЕВА 51

Уголок веселого архивариуса 54

Спорт 55, 62

Уголёк

журнал для малышей 57

Школа „Спринт“ 59

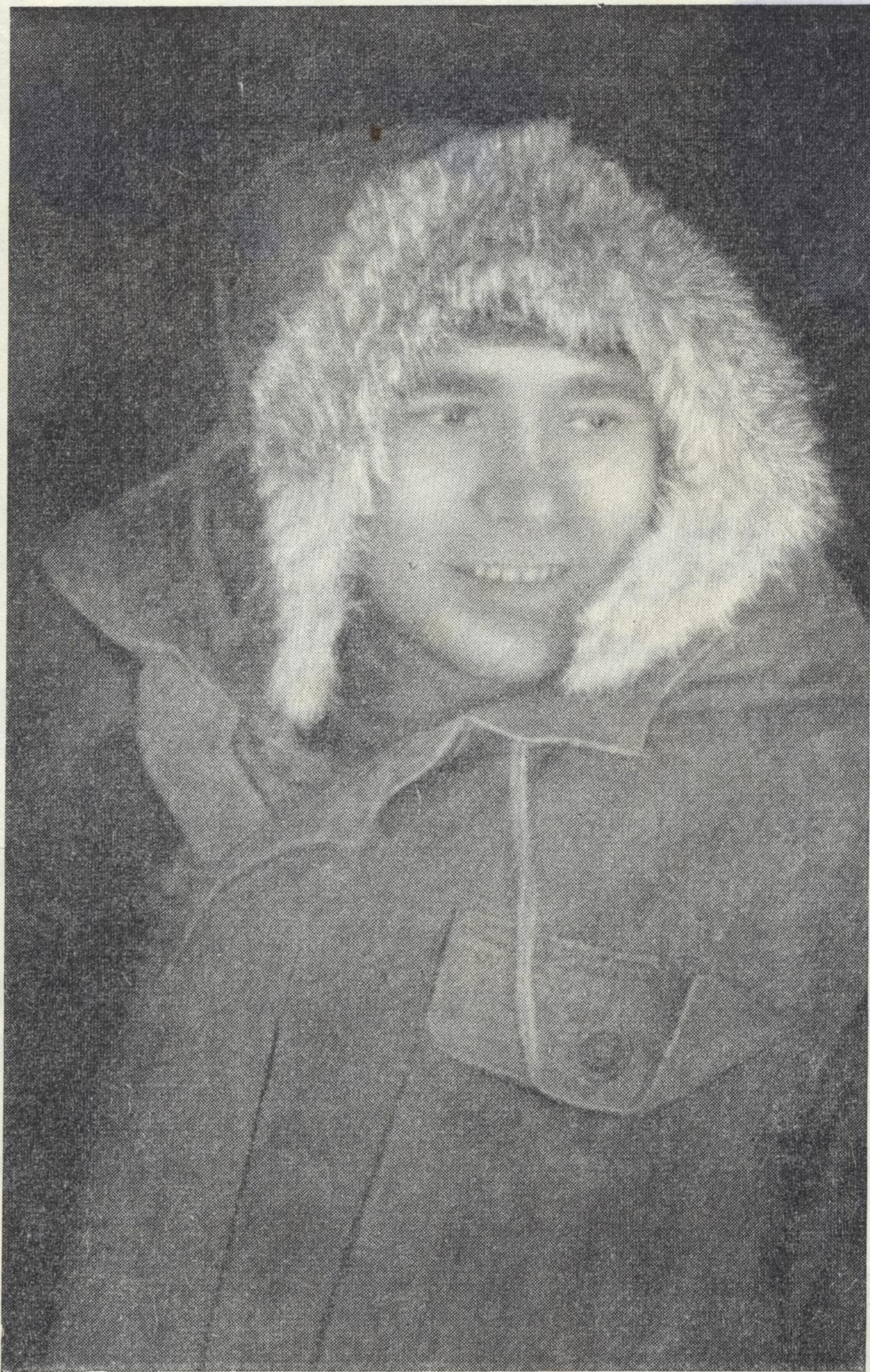
Морская газета 60

Шахматы и шашки 64

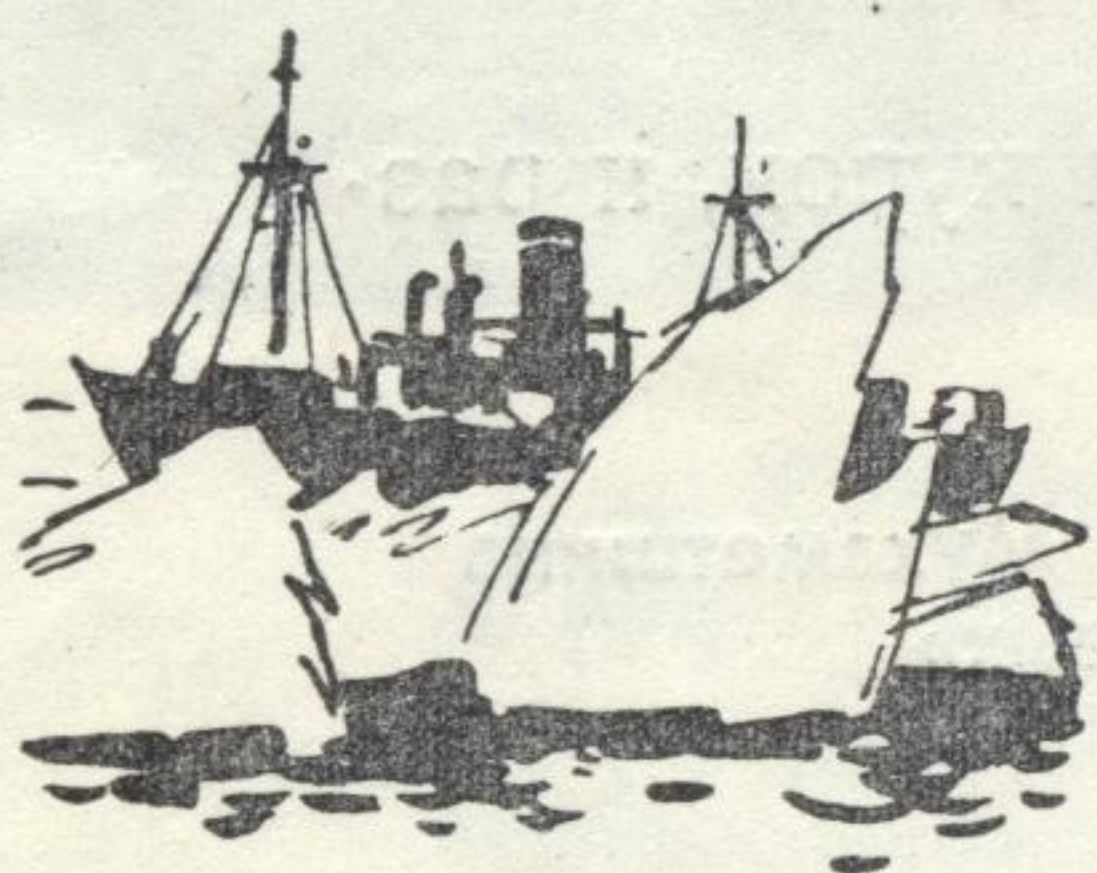
«Партизан нажал на курок, и раздался выстрел».

Читайте повесть Газиза Мухаметшина
«Команда Борзых»

РАСТИТЕ РОМАНТИКАМИ

Об Арктике и Антарктике рассказывает Алексей Федорович Трешников, полярник, Герой Социалистического Труда, директор Института Арктики и Антарктики

лось путешествие к Северному Ледовитому океану. Теперь экспедиции доставляются на дрейфующие льды самолетами, времени на дорогу почти не тратится. И оснащение экспедиций сейчас совсем другое. Во время экспедиции на Новосибирские острова группа в три человека обследовала центр пролива Санникова. Три дня ушло на преодоление семидесяти километров. Собаки смертельно уставали, нарты приходилось тащить самим. Жили в палатке на двадцатиградусном морозе.

На глобусе почти не осталось белых пятен. Кажется, все земли известны. И все же время открытий, время романтики и подвигов не прошло.

Только романтика слово не простое. Все дело в том, как его, это слово, понимать.

В пятидесятом году осенью я впервые прилетел на дрейфующую льдину, на станцию «Северный полюс-2». Там работала экспедиция М. М. Сомова. Никогда не забудутся первые ощущения на льду! Ночь темная-темная. В небе крупные чистые звезды, вокруг палатки сугробы, изморозь покрыла сверкающей бахромой и антенны, и мачты, и оттяжки радиомачты. Под ногами мягкий слой кристаллов инея... Красиво!

— Эта красота обходится нам в копейчку, — возразил скептически Сомов. — Недавно на оттяжках мачты осело столько инея, что они порвались, а мачта сломалась.

Вот и получается, красиво-то оно красиво, да красота эта только для тех, кто смотрит со стороны, а те, кто работает, порой не замечают блеска снега. Знают и видят только, как снег валит своей тяжестью мачты — этого нельзя не заметить, это мешает работать.

Работа и в Арктике и в Антарктике трудная. Ее романтика в том, что, работая, мы хотим найти, пережить что-либо новое, необычное.

Впервые я прочел о путешествиях в Арктику давным-давно, в детстве. Растрепанную, старую книжку. Путешествия в ней описывались тоже старые.

Прошло четверть века, я побывал в Арктике не раз. В сороковом году мы ехали туда поездом до Иркутска, на автомашине до Качуга, вниз по Лене на лодке. В Усть-Путице перебрались на трехпалубный пароход — он доставил нас в Якутск. Потом плыли на барже. Более двух месяцев дли-

Сейчас иная жизнь. Палатки отапливаются, в распоряжении зимовщиков автомашины, тракторы, вертолеты.

Однако Арктика остается Арктикой. Когда в 1953 году я руководил работой станции «Северный полюс-3», мы пережили там очень беспокойное время.

Помню, начались циклоны с неравномерными подвижками льда. Колоссальных масс льда. С грохотом, гулом сталкивались ледяные поля вблизи нашей станции. И вот тревога — трещина через весь лагерь. Наша льдина раскололась, трещину развело метров на тридцать. Несколько палаток и аэрологическая площадка почти повисли над водой... Мы перекинули трап через трещину, как перекидной мост, стали спасать имущество. Трап прогибался над водой, порой сползал. Нелегко было устоять на обледенелых досках. Но люди работали, забывая, что под ними тысячеметровая пучина. Через два дня трещину затерло. Еще через сутки — новые трещины, новый аврал...

В начале дрейфа мы жили спокойно. Нашему кинооператору Яцуну казалось, что даже слишком спокойно.

— Вроде бы мы не на льдине даже, — сетовал он, — зрители так и не увидят, как под лагерем разламывается лед...

Но при очередном торошении, когда трещина прошла прямо под палаткой кинооператора, он сказал, что, пожалуй, для картины теперь хватит материала.

Да, у зимовщиков дрейфующих станций много трудностей.

Есть в Арктике белые пятна. За последние двадцать лет сделано, например, чрезвычайно важное открытие целой подводной горной страны Арктиды. Ее хребты на дне Северного Ледовитого океана простираются от Новосибирских островов через район Северного полюса, хребет Менделеева, хребет Гаккеля... Кто знает, к каким открытиям приведет дальнейшее исследование Арктики?

Еще адмирал Макаров говорил, что Россия обращена своим фасадом к Ледовитому океану. Наш полярный «фасад» протянулся на многие тысячи километров и занимает колоссальную территорию. Полярные районы Арктики влияют на климат, на жизнь людей. Вот почему так важно изучение ее капризного характера: течений, дрейфа льдов, распространения вечной мерзлоты, снежных бурь и свирепых штормов.

Надо научиться предсказывать погоду не только на день-два, а на месяцы, чтобы знать, что ждет нас в Арктике весной и летом, какой период будет наиболее благоприятен для проводки караванов судов. А ведь Северный морской путь — это подчас единственно возможный путь сообщения.

Ведь ни автомобильных трасс, ни железных дорог там нет, а самолеты не всегда могут совершать рейсы из-за сильных ветров и снежных бурь.

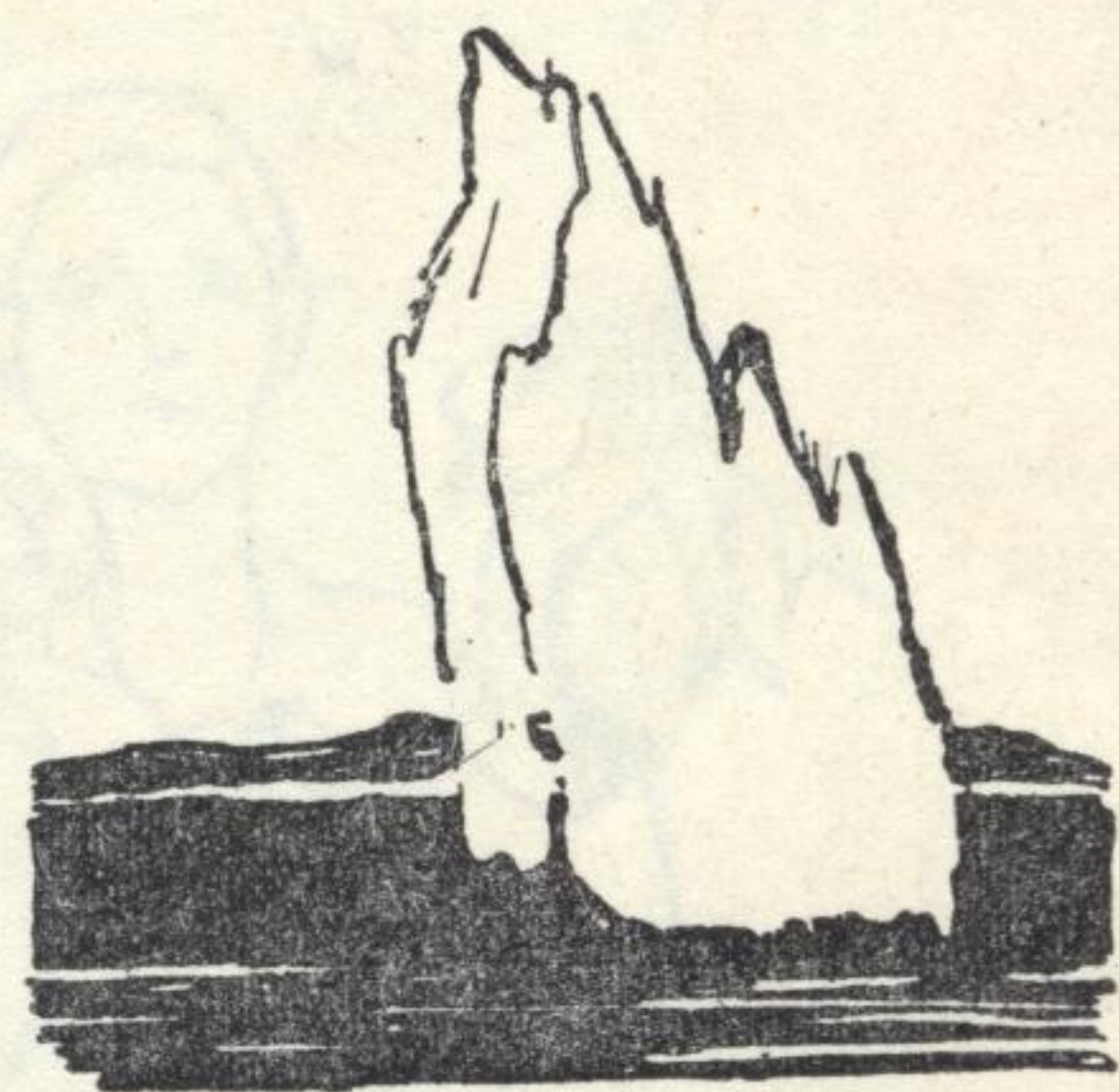
Радиофизики, физики атмосферы, арктические океанологи полярных и дрейфующих станций решают сложнейшие задачи, изучая день за днем закономерности в земной коре, в атмосфере, ионосфере.

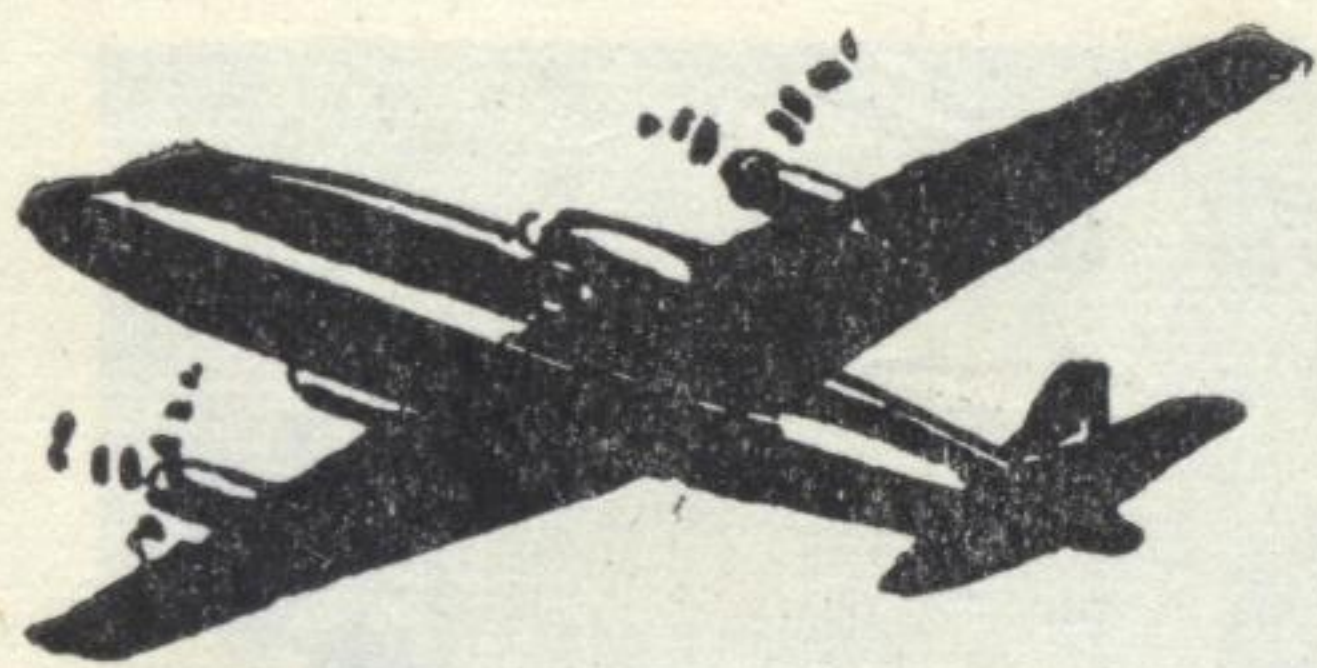
А край этот — наша огромная кладовая. Есть в ней и уголь, и нефть, и ценные полиметаллические руды.

Но добыть все это не просто. Край очень суров, и долгое время казалось, что он совсем не приспособлен для жизни людей.

Еще несколько лет назад мы мечтали о фантастических, почти сказочных городах под куполом, городах с искусственным климатом. Город с домами и улицами, цветущими деревьями и клумбами, спортивными площадками, автобусами, школами, кинотеатрами, газетными киосками в районе вечной мерзлоты, в белом безмолвии Арктики, среди ураганных ветров и жестоких снежных бурь.

Совсем недавно каждый посетитель Международной выставки в Монреале мог увидеть в павильоне СССР макеты таких полярных

городов. А для того, чтобы макет или проект превратился в город, нужны смелые и отважные люди — романтики. Арктика и Антарктика ждут их.

Самой своей работой я связан с двумя полюсами Земли — Северным и Южным. Часть света, лежащая вокруг Южного полюса — Антарктика, на моих глазах перестала быть недоступной.

Попал я в Антарктиду только осенью 1956 года. Это была вторая Антарктическая экспедиция.

Сейчас это — далекое прошлое, а пережито было немало. Помню ураган в ночь с 14 на 15 августа. Весь день облака клубились низко-низко, ветер дул порывами. В 18 часов снесло флюгарку на крыше, дом задрожал, быстро поехал, доски, куски фанеры на улицах палаточного городка, все, что не прикреплено — летело с бешеной силой.

Один полярник попробовал выйти из дома, несмотря на запрещение. Ветер подхватил его и ударил о столб. А человек был не маленький, больше ста килограммов весом. Ураган срывал ледовые якоря, унес два самолета довольно далеко от места их стоянки...

Вспоминается, как наш санно-тракторный поезд, возвращающийся в Мирный с далекой станции Пионерская, попал в «белую тьму». Только в полярных странах встречается это явление. Снег вокруг и белые облака над снегом... Кругом все бело. Лучи света, пробив облака, падают на белый снег, он отражает их вверх, к облакам же, те вниз — опять к снегу. Между снегом и облаками — гигантский зеркальный зал. Свет льется со всех сторон. Потому — никаких теней и, несмотря на обилие света, ничего не видно. В «белой тьме» человек словно в бутылке с молоком.

Мы шли вперед, зная, что небольшое отклонение от курса — гибель, что на этом пути есть лишь узкий безопасный проход, а вправо и влево — лабиринт трещин. В тот раз мы выбрались благополучно. А в другой раз — уже на береговом льду — мне не повезло. Провалился в трещину, хорошо, что узкую. Застрял, вытаскивали.

Да, Антарктика сурово встречает гостей. И все-таки люди упорно исследуют этот ледяной край. Двенадцать экспедиций было с тех пор в Антарктике.

Есть уже и результаты нашей работы. Советские китобойные флотилии стали получать по фототелеграфу из антарктической станции Мирный карты погоды, а капитаны знают, куда безопаснее идти на промысел...

Важные открытия сделали в Антарктиде геологи. Они нашли там слюду, хрусталь, железные руды...

Биологи обнаружили в Антарктиде совсем новые виды рыб, в частности, рыб с белой кровью.

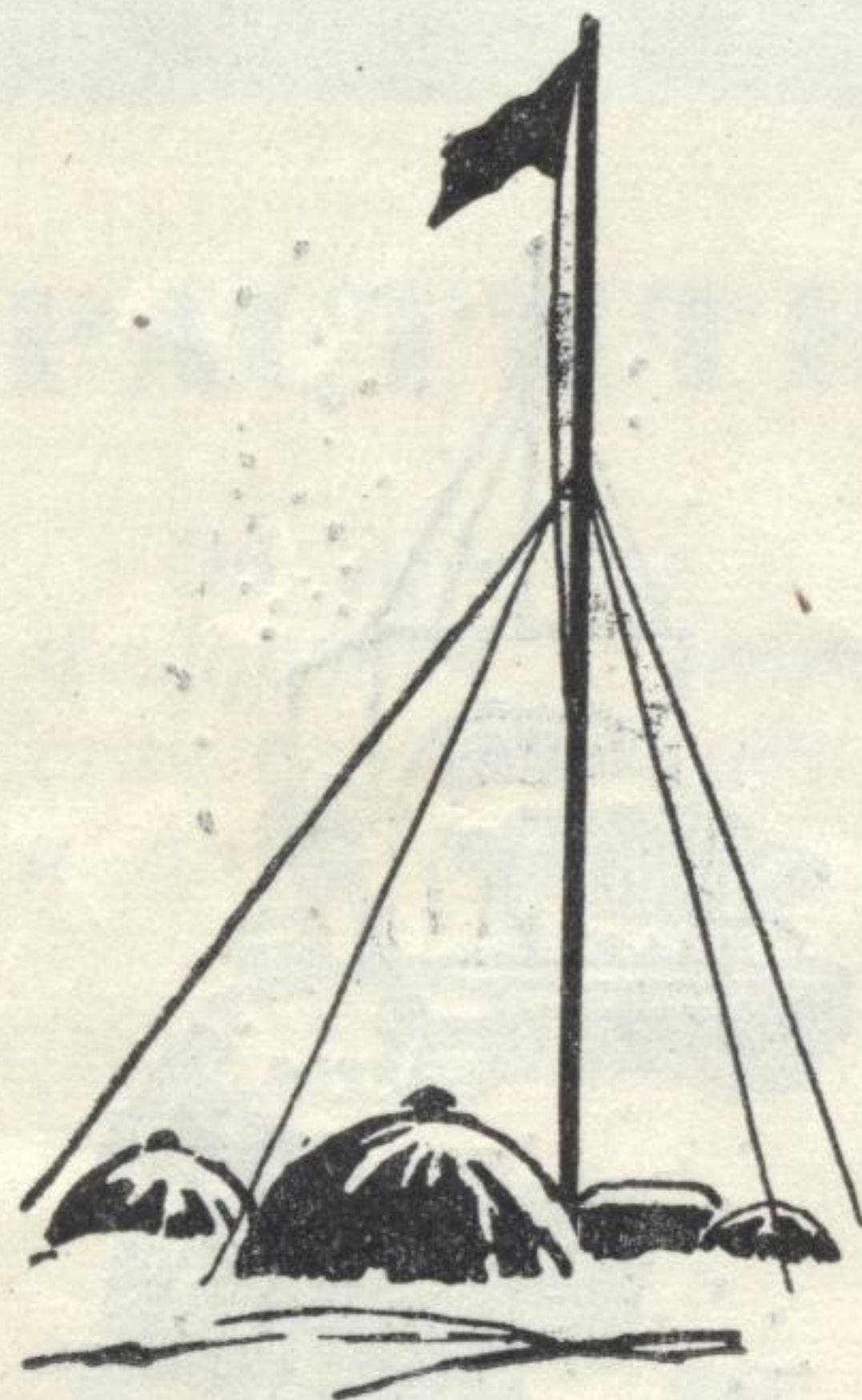
Всех проблем Антарктиды не счесть! Решаются они в трудных условиях. Морозы в тех краях такие, что металлические трубы раскалываются, как стеклянные, бензин кристаллизуется, а солянка превращается в густое повидло — хоть ножом режь. Но кто хоть раз побывал в Антарктиде, обязательно рвется туда снова. Почему? Да потому что ты пережил трудность работы и радость победы. Вот она, настоящая романтика.

Я был в Антарктиде дважды.

Четыре года я мечтал о настоящей экспедиции на полюс. С моей первой зимовки на антарктическом льду прошло уже почти десять лет. И я не переставал думать о новой экспедиции на ледовый континент.

Теперь с ледового континента я с радостью шлю привет читателям «Костра».

Записали беседу И. Сунцова, А. Пурцеладзе

КОМАНДА БОРЗЫХ

МАЛЕНЬКАЯ ПОВЕСТЬ

Газиз Мухаметшин

Рисунки А. Сколозубова

1.

Деревня наша невелика, но и другим большим не уступит — захватила самое красивое место.

Сразу за картофельными полями начинается лес. У этого леса и название есть — Кышкужа. Летом и осенью мы ходим сюда собирать ягоды — ежевику, малину, чернику.

Иногда мы спорим насчет названия леса:

— «Кышкужа», а вернее «кышхужа», — утверждают ребята постарше, — значит «зима-хозяйка». Она хозяйка этого леса, больше никто!

Может, и вправду так. Ведь «кыш» по-татарски — зима, «хужа» — «хозяин», «хозяйка». Но мы все-таки не соглашаемся с этим:

— Вот и неверно, — говорим мы. — «Кышкужа» — это все равно, что «кышки ужа» — «зимний ужа».

«Зимний»-то понятно, а вот что такое «ужа», не знает никто. Мы спорим уже несколько лет, и никто еще друг друга не переспорил. Да, откровенно говоря, никто и не хочет кончать спор. Куда интереснее спорить, а если надо, то и... подраться!

Возле самого леса поблескивает круглое, как тарелка, Малое озеро. Чуть подалее протянулось обросшее камышом, белыми лилиями и желтыми кувшинками Большое озеро. Из него берет начало глубокая извилистая река Ик с обрывистыми, крутыми берегами. По озерам и по реке мы катаемся на лодках, ловим рыбу, купаемся. А какое наслаждение нырять с крутого берега вниз головой!

На лугах вдоль реки растут всякие съедобные травы: щавель, дикий лук, борщевник. Мы ими так объедаемся, что даже языки наши становятся зелеными.

За деревней есть Вишневая горка — летом на ее склонах поспевают много вишни. Зимой мы катаемся с этой горки на санках и лыжах. Сразу же за горкой начинается огромный, густой смешанный лес. Он уходит далеко-далеко — до самых берегов Белой. В этот лес мы ходим за земляникой. Иногда взбираемся на березы — играем в разведчиков. Только лесник не очень-то любит наши игры. Увидит — ругается, что ветки зря ломаем. К нам, как нарочно, всё злые лесники по-

падают! Почему-то наши, деревенские не идут на эту работу — все больше из других мест приезжают: из Минзелли, из Актаныша, из Чаллы. А один был, говорят, даже из города Перми. И все они очень здорово охраняли лес — рубить его, воровать не позволяли.

На поляне, поросшей душицей, они ставили пятистенные срубы. Некоторые даже баньки себе строили. Да только не приживаются у нас лесники — поживут, поживут, да и пропадают куда-то, словно в воду канут. Но вот последний из них задержался, хоть и сруба себе не поставил.

С тех пор, как он приехал в Кэккюк, произошли удивительные, необыкновенные события.

Сын лесника, по прозвищу Партизан, вовлек нас в Команду... Борзых. А было это вот как,

2.

Однажды в жаркий день мы лежали на берегу Большого озера. Только что наловили рыбы и теперь жарили ее на костре. Тут, запыхавшись, прибежал Насыр. Вокруг бедер он повязал майку, а свои драные штаны

— Пошли, ребята! — закричали мы все разом. — Пошли, посмотрим на приезжего!

Мы и сажу с губ не стерли, и замызганных коленок не помыли — всей гурьбой помчались в деревню.

На краю деревни, возле леса стоит изба. Лесников сначала поселяют в ней. И вот, запыхавшись, мы прибежали к этому дому. Но во двор войти не осмелились. Сквозь дыры в плетне тоже все хорошо было видно. На наше счастье, Партизан был во дворе. Он привязал белую козу за рога к воротам хлева, а хвост ее зажал в руке. Бедное животное задними копытами скребло землю, словно собака, и, бодая ворота, подпрыгивало, как на горячей сковородке... Воздух оглашался неистовым хриплым блянием.

Мы в жизни не видали такого зрелища!

— Погубит козу, непутевый! — проговорил Насыр в сердцах. — Приехать не успел, а что вытворяет!

— Вот как мучает, а?!

— Тише, услышит!

— Прямо, услышит — в таком-то шуме!

— И вправду, он, как партизан — будто фашиста заставляет орать.

— Тоже мне сказал! Откуда ты слыхал, как орут фашисты? И где ты видал такого маленького партизана?

— А взрослого-то партизана ты видел?

Тут Раилэ, которая во все глаза глядела на козу, оцарапала нос об острый прутик, торчавший из плетня. Сначала наша подружка тихонько захныкала. А когда мы сказали, что у нее кровь идет из носа, она заплакала почти громко. Но в эту минуту из дома вышла молодая женщина, неся в руках черную курицу со связанными лапами.

— Мать Партизана, — прошептал Насыр.

— Тсс!..

Мы замерли — даже Раилэ перестала плакать.

— Чья эта коза, сынок? Отпусти-ка ее! Зачем ты ее мучаешь, бедную? — спросила женщина.

— Пусть в другой раз не ходит! Урок ей будет! — проворчал Партизан, не глядя на мать.

— Отпусти, говорят, не мучай. Ну-ка, зарежь вот курицу. Отец в лесу, если ждать его — опоздаю с обедом.

Мы вздрогнули и в испуге переглянулись. Всерьез говорит эта женщина или шутит? Ведь мы даже близко не подходим к тому месту, где режут скот, а тут...

Партизан отвязал козу, оседлал ее и, волоча ноги по земле, объехал двор. Коза скинула мальчишку, протиснулась сквозь плетень, и, поднимая пыль, умчалась прочь. Партизан подошел к матери.

— Ну, давай, — сказал он.

Партизан схватил хохлатку за крылья и пошел в сарай. Немного погодя он вновь появился, неся бездыханную курицу, и крупными шагами, как взрослый, направился к дому.

На этом закончилось наше первое (хоть и сквозь плетень) знакомство с сыном нового лесника. Знаком-

Воздух оглашался неистовым хриплым блянием...

держал в руках. Он уставился на рыбу, понюхал воздух и пропел:

— А я что зна-а-ю! А я что зна-а-ю! Сказать?

— Говори, если тебе может быть невтерпещ! — отвечали мы.

— Пару окуньков дадите — скажу! — заявил Насыр, придвигаясь к костру.

— Ишь ты, хитрый! — закричали мы. — Больно нужны нам твои новости!

Насыр все-таки выторговал у нас хвост красноперки и объяснил, что в Кэккюк приехал новый лесник, и что у него есть сын, по прозвищу Партизан. Мы так обрадовались этой вести, что отдали Насыру целую красноперку. Ведь не каждый день приезжают к нам в деревню новые мальчишки! Тем более, по прозвищу Партизан.

Перебивая друг друга, мы засыпали Насыра вопросами:

— Какой он из себя, этот мальчишка? Большой?

— Сильный? А ты с ним бороться не пробовал?

— Какие у него мускулы?

— И по-русски он здорово разговаривает?

Насыр между тем проворно управился с рыбой.

— Плотвичку дадите — расскажу, — облизывая губы, проговорил наш приятель. — Да чтобы пожирней была!

— Эх ты, обжора! — рассердились мы.

Но нам не терпелось узнать подробности про Партизана, и поэтому кто-то расщедрился — подкинул Насыру маленького окунька.

По словам Насыра, Партизан был самым обыкновенным мальчишкой, немного постарше нас.

ство это нас встревожило. В душу закрался какой-то страх перед Партизаном. Еще бы! Он курицу режет, даже не охнет!

3.

На следующее утро мы собрались на нашем обычном месте, у Большого озера. И все разом заговорили о Партизане. Одни считали его смелым парнем и хвалили, другие возражали: нет, парень этот обидчивый, упрямый да злой, вот увидите!

«А не пойти ли нам всем к Партизану?» — подумали мы сначала. Но потом все-таки решили не утруждать себя. Нас ведь много — целая деревня, а он — один. Сам должен сюда прийти — знакомиться с нами.

— Как ты думаешь, Сейфи, — спросил меня Насыр, — придет Партизан? Не напрасно ли мы его прождем здесь целый день?

Откуда было мне знать — придет или не придет этот мальчишка? Откуда было ему знать наше место на Большом озере, где и берег песчаный, и дно гладкое, и где очень удобно купаться? Ведь он не вырос в нашей деревне, не провел полжизни на речном берегу, жарясь на солнышке! Однако Насыру я ответил с умным видом:

— Не беспокойся — придет! Не станет же он лежать в тенечке у себя во дворе и щелкать семечки!

Мы прямо-таки истомились в ожидании, но в конце концов дождались. Раилэ как вскочит, да как завизжит:

— Идет! Идет!.. Я первая увидела, первая!

И правда, это был Партизан. Посвистывая, он подошел к нам. Остановился, перестал свистеть и внимательно оглядел каждого из нас. Но ни слова не сказал. Мы тоже молчали и тоже уставились на него. Не-ет, не на него, а на его высокие, выше колен, огромные сапоги, патронташ вокруг пояса, на кривой кинжал за поясом, на настоящую двустволку, висевшую у него через плечо!

Сын лесника не спеша поправил ружейный ремень и сказал:

— Привет славным джигитам!

Мы удивились не только неслыханному в его возрасте басу, но и приветствию: «привет» он произнес по-русски.

Среди наших ребят не принято так здороваться — скажем иногда «здравствуй», и все. Но сейчас мы не хотели осрамиться перед чужим, приехавшим неизвестно откуда незнакомым мальчишкой, и поэтому вежливо отвечали:

— Здравствуй, братец!

— Мы здоровы, а ты как?

— Как дела?

Насыр переплюнул всех нас — он ответил Партизану тоже по-русски:

— Прибит!

Партизан снял с плеча ружье и, как взрослый, оперся на него. Заметив, что мы по-прежнему с интересом смотрим на двустволку, он улыбнулся и спросил:

— Что? Хороша?

— Хороша-а... На охоту?

— На охоту! Утиного мяса захотелось... Говорят, здесь уток много?

— Да, много их тут...

— Вы мне покажете ваше самое богатое утками озеро, а я вам за это разрешу нести свое ружье.

Мы обещали ему показать оба озера, устье и все извилины реки Ик, богатые утками, в общем, все «утиные» места. Правда, днем уток там найти трудновато. А хоть и найдешь — так стрелять нельзя, — только утят вывели. Сын лесника должен бы и сам

В ту ночь я видел во сне белую козу и черную курицу. Коза истошно кудахтала, а курица бляла страшным голосом...

знать об этом. Но мы ему ничего не сказали. Уж очень нам хотелось понести его ружье! А утку он все равно не застрелит. Умные утки все в камышах сидят, сдуру на открытое место не выплывают!

Партизан уселся на песок. Снова поочередно оглядел нас. Потом вытащил из кармана штанов папиросу, прикурил от зажигалки. Затянулся разок, поперхнулся дымом, закашлялся. Бросил папиросу в воду и проговорил:

— Часто курить нельзя — вредно.

«Он не то что мы, папирос не прячет, курит в открытую, и зажигалка у него есть», — подумал я.

— А где ты раньше жил? — спросила Раилэ и тут же от смущения спряталась за мою спину.

— В Чупрэле, — отвечал Партизан.

— А что это? Город или деревня?

— Конечно, город!

— Большой?

— Большо-ой! Как Париж!

— О-о! А Париж большой?

— Большой! Как Чупрэле!

— А почему ваш город так называется — Чупрэле? «Чуп» — по-татарски — «сор, мусор»... Мусора, что ли, там много?

— Совсем мусора нет!

— Тогда, может, название происходит от слова «чупрэ» — «дрожжи»? Дрожжи, что ли, у вас продают?

— Что ты? Совсем не продают!

Тут Насыр вдруг спросил:

— И ты сам можешь зарезать курицу? И не боишься?

— Ха! Сказал тоже! И глазом не моргну!

— И овцу можешь зарезать?

— Могу. Если придется, и лошадь зарежу...

Мы, изумленные, замолчали, а Партизан принялся расспрашивать нас:

— Как вы тут живете? Кто из вас атаман? В какие игры любите играть? В деревне ли летом ваш учитель или уехал? Перепадают ли вам дома деньги?

Почему-то его особенно интересовало, кто в нашей деревне разводит огурцы, сажает морковь и репу...

Выслушав наши ответы, он проговорил:

— Скучно у вас, оказывается...

Мы растерянно переглянулись.

— Скучно... Да что делать-то? Привыкли уж...

— А надо всем ребятам объединиться — и мальчишкам, и девчонкам — в одну команду!

— Команду?

— Да, надо создать Команду Борзых!

Заметив наше недоумение, Партизан, размахивая руками, начал объяснять:

— Не годится ходить вразброд. У нас в Чупрэле никогда так не было. У нас все мальчишки и девчонки были в Команде Борзых! Я был атаманом. Ребята сами упросили меня: «Дорогой Партизан, будь нашим атаманом, лучше тебя никого нет, ты самый подходящий!» Эх, были же времена! Если бы отец не переехал к вам! Ведь вместе с ним и мне пришлось переехать... Ребята плакали навзрыд, когда меня провожали. «Что мы будем делать без своего атамана?» Если уж вы очень хотите, то и в вашем Кэккюке могу организовать небольшую Команду Борзых. И если уж вы очень меня попросите — так и быть: стану вашим атаманом. Жаль мне вас — парень я добрый... Ну, как? Организовать команду?

Мы слушали Партизана с большим вниманием, но на его вопрос ответили не сразу. Нас очень заинтересовала неведомая команда — Команда Борзых. Было только непонятно, как ее организовывать, зачем она нужна и что в ней делают.

Партизан, не дождавшись ответа, снова спросил:

— Ну, что же вы молчите? Языки у вас купленные, что ли? Или команда не нужна? Не хотите вступить — не надо! Умолять не стану.

— А как ты ее будешь создавать? И кто это такие... морзые? — спросил Насыр.

— Да, да! Насыр правильно говорит. Что там нужно

этому «слабаки» пусть и не вертятся под ногами!.. Да вы не бойтесь — среди вас нет трусов. Я уверен!..

— Э-эх! — воскликнули мы все разом.

У нас огнем загорелись глаза, — так интересно говорил Партизан.

— Вступим, друг Партизан! Вступим в твою команду! Хоть сейчас начинай экзаменовать! Мальчишки и девочки Кэккюка не какие-нибудь обсевки в поле! Не осраимся! — закричали мы.

— Тогда мне, кроме «хорошо», и сказать нечего, — произнес Партизан. — Значит, нет среди вас никого с заячьим сердцем. Сегодня экзаменовать не стану. Это

Мы тоже молчали и тоже уставились на него...

делать? Расскажи толком! — поддержали мы своего приятеля.

Партизан насмешливо покачал головой.

— Эх вы, невежды! Такие большие, а этого не знаете! Не «морзые», во-первых, а «борзые». Стыдно!.. Борзая — это такая большая охотничья собака. Она очень сильная и бежит быстрее зайца. Ее даже волки боятся. Поэтому члены Команды Борзых должны быть сильными, как борзые, хитрыми, как лисицы, наблюдательными, как разведчики. В свою команду я принимаю только таких... э... спортивных ребят. Да и то после экзамена. Приму тех, которые через игольное ушко пролезут да еще разок сквозь сито просеются. А тех, кто не выдержит экзамена — слюнтяев и трусов — и близко не подпущу к Команде. Случись война, разве можно на таких понадеяться в разведке? По-

дело — не пустячное. Подготовки требует. Но предупреждаю заранее, еще до экзаменов — члены Команды Борзых никогда не хнычут и не плачут! Приказ атамана — закон. Обсуждать мои приказы, возражать мне — не полагается! А кто нарушит закон, того каждый из нас по одному разу имеет право стегнуть прутом по спине.

— О-о! — все разом выдохнули мы.

Еще бы! Пожалуй, пуще той белой козы заорешь, если, задрвав рубашку, огреют тебя по голой спине! А в команде не один человек! И каждый по очереди огреет тебя! У-у-у! «Хотя меня-то, может, и не коснется эта розга, — тут же подумал я, — почему это мне должно попасть? Разве мало в команде ребят? А я буду слушаться приказов атамана. И у кого только рука поднимется на меня, если на призыв атамана: «Сей-

фи!» — я тут же буду откликаться: «Я!» Атаман похвалит меня да еще скажет остальным: «Будьте такими же, как Сейфи!»

Я взглянул на ребят: одни почесывали в затылке, другие задумчиво ковыряли прутиками землю и молчали. Первой не выдержала Раилэ:

— Я согласна! — воскликнула она.

Если уж девчонка не испугалась, так как же нам было молчать? Поэтому и мы вслед за ней в один голос проговорили:

— И мы... тоже... заодно... решено!

— Другого я и не ожидал, — сказал Партизан, — ведь ради вас стараюсь, пусть вам будет веселей, интересней жить! Да! Еще вот чуть было не забыл — счастливики, которые попадут в команду, получают членские билеты...

— Би-и-илеты? Какие билеты?

— Настоящие. Сам делаю из тетрадок в клеточку. На обложке пишу: «Команда Борзых. Билет №...» А внутри, на первой странице красивым почерком будут записаны имя, фамилия, год рождения, национальность и так далее. Билет всегда нужно носить с собой — в нагрудном кармане. Если на рубашке нет кармана, тогда можно носить билет в кармане штанов.

— Вот это, я понимаю, команда! Все есть! Все как следует! — заговорили мы наперебой.

— А по-моему, можно было бы и не писать в билете про национальность — ведь в Кэккюке живут одни татары...

— Правильно... Не надо, пожалуй, писать в билете и про то, кто его владелец — мальчик или девочка. Неужто я, мальчишка, выдам себя за девчонку?!

Так рассуждали одни. Другие возражали:

— Ха! Сказал тоже! А что, если девчонки волосы постригут? Если брюки на себя напялят? Тогда что? Да к тому же еще и в билете не написано?! Как ты узнаешь, кто перед тобой?!

Мы так расшумелись, что Партизан прикрикнул:

— Да не орите вы! Базар устроили!

А мы ведь от радости так разошлись. От радости! Сколько живем на белом свете, а не видали билетов со своим именем и фамилией. Видно, и вправду наша деревня счастливая, раз Партизан приехал не куда-нибудь, а именно к нам! Ведь он мог бы поехать и в другое место! И мы так бы и продолжали ловить рыбу, купаться да собирать всякие ягоды... Удивительно неинтересно мы жили до сих пор! Как это мы не заболели от скуки?! А Партизан, наверное, знает о таких вещах, о которых мы и слыхом не слыхали! Эх, скорей бы уж сдать эти экзамены и получить членский билет! Вот тогда-то, наверно, Партизан и научит нас необыкновенно интересным играм! Чего-чего только мы не будем делать! Про скуку-тоску позабудем!

— В билете, между прочим, — добавил Партизан, — будет место и для благодарностей. Кто-нибудь, например, выполнит хорошо приказ атамана, возьмем его билет и красиво выведем: «Такому-то такого-то числа от имени команды выносятся благодарности...»

Услышав эти, слаще меда, слова, мы рты растянули до ушей. А Мирсаиф даже подпрыгнул и подбросил вверх свою новую (бабушка ему на прошлой неделе купила!) вышитую тюбетейку.

— Ура! — закричал он что есть мочи.

И мы все, словно сговорившись, разом вскочили на ноги и радостно завопили:

— И-эх!

А Партизан, поглаживая голенища сапог, продолжал:

— Члены команды должны платить взносы каждые три дня. Каждые три дня — по двадцать копеек.

Мы потихонечку опустились на свои места. И опять, словно сговорившись, все разом охнули:

— О-ох!

Каждые три дня по двадцать копеек! Да откуда их взять? Ведь это выходит по сорок копеек в неделю! А в месяце четыре недели... Помножь-ка сорок на четыре... Получится... э... получится... один рубль шестьдесят копеек! О-о! Это невиданная сумма! Такие деньги наши ребята не то что в руках держать — даже во сне не видали! Ведь это неслыханное богатство!

Тут уж я не выдержал и проворчал:

— Да разве бывают такие взносы?! Двадцать копеек! Будь у нас такие деньги, мы бы или цветные карандаши купили себе или ножик перочинный!

После моих слов и товарищи мои осмелели. Они подняли шум:

— Откуда нам взять такие деньги?

— Хоть бы за все лето перепало пять копеек, не то что...

— Я не стану платить и не могу заплатить! Не воровать же мне ради каких-то собак, ради какой-то команды!..

— Шутник ты, видно! Шутник! Больно много прошишь!

— Да, да! Сбавь малость, сбавь!

— Ведь я вам же добра хочу, — рассердился Партизан, — а вы вон как, оказывается. Вы что же думаете, я эти ваши несчастные деньги в свой карман положу! А на что вы, умные головы, собираетесь порох и дробь покупать?

— Какой еще порох? Какую дробь? — удивились мы. Партизан хлопнул ладонью по прикладу ружья и проговорил:

— Вот для этой самой двустволки — и порох, и дробь...

— А зачем нам нужен этот самый... порох?

— Как зачем? Стрелять!

— Разве мы и стрелять будем?!

— Конечно! И стрелять будем!

— Все мы?

— И девчонки?

— Кто это нам даст настоящее ружье?

— Кто даст? Я — атаман Команды Борзых. Члены моей команды должны уметь стрелять из ружья, как снайперы! А то какая же это команда? И вот мой первый приказ: член Команды Борзых должен научиться стрелять! Ведь не задаром, не просто так я таскаю с собой ружье! Все-все будем стрелять! Все! По многу раз! По очереди. И днем, и ночью. Понятно?

— Поняли, поняли! Как не понять?! Да вот только у нас, друг Партизан, есть к тебе один вопрос...

— Ну?

— Все будем стрелять?

— Вот ведь, а? Я-то о чем толкую? Будут стрелять все, кто уплатит взносы. Для патронов, пороха, дроби нужны деньги? Нужны! А откуда их взять? Я деньги лопатой не загребая. Хватит с меня и того, что разрешаю даром из ружья стрелять! Из моего ружья! Хоть бы за это спасибо сказали...

Такого щедрого парня мы до сих пор не встречали! Мы окружили Партизана и горячо его поблагодарили. Он, не жадничая, отдает нам свое ружье! Похвалили мы его, но все же снова стали просить, чтобы сбавил он нам сумму взносов — ни один родитель не даст своему сыну не только двадцать копеек, но даже и пятнадцать! Долго мы упрашивали Партизана. А он подумал-подумал и сказал, что еще никогда в жизни не встречал таких жадюг, как в Кэккюке, однако согласился брать с нас по десять копеек.

— Придется стрелять пореже. Что с вами поделаешь! Мы снова повскакали со своих мест, и Мирсаиф

снова высоко в воздух подбросил свою вышитую тюбетейку.

— Ур-ра! — закричали мы, подпрыгивая. — Да здравствует Партизан! Ура! Да здравствует его ружье!

Партизан с улыбкой смотрел на наше ликование.

— Ну, ладно, — сказал он, — так и быть, покажу вам, как стрелять надо! Пошли, проводите меня к «утиным» местам. Только далеко я не пойду, куда-нибудь поближе.

Мы повели его к Малому озеру. И по очереди, считая шаги (как бы кто лишний метр не пронес), несли его ружье. А когда дошли до озера, Партизан взял двустволку из рук Шафика и, шлепая своими охотничьими сапогами, вошел в воду. Не сделал он и пяти шагов, как провалился в тину. Из-под его ног стали с бульканьем выходить и лопаться пузыри. Партизан застыл на месте, побледнел и... завизжал, как раненый заяц! Сначала мы растерянно смотрели на него, а потом опомнились и оттащили к берегу.

— Тут нельзя ходить как попало, — объяснили мы ему, — нужно идти вдоль берега, переступая с кочки на кочку...

— Да я знаю, — перебил нас Партизан. — Я просто хотел проверить, топко ли тут. А то, может случиться, залезешь сюда сдуру, не зная места, и завязнешь в тине. А теперь я знаю, видел... Нельзя здесь ходить, по краю нужно...

И он, выбирая самые большие, самые надежные кочки, пошел вперед. Мы — следом, друг за другом, словно горные козы.

Малое озеро — круглое-прекруглое. У берегов оно поросло острой зеленой осокой, жестким камышом. Партизан раздвинул заросли, взглянул на воду и тут же обернулся к нам. Приложил палец к губам и смешно прошипел, как гусь: «Тсс!» Мы прыснули от смеха. Партизан показал нам кулак.

— Не орите!

— Мы не бараны, чтобы орать, — рассмеялся Насыр. Мы все притихли. Вдруг Раилэ шмыгнула носом.

— Опять она хнычет, — зашептали мы. — Ну, чего ревешь?

— Пиявки в ноги впились!

— Сколько?

— Одна-а!

— Да оторви ты ее!

— Оторвала, бросила. Вторая впилась...

— И эту оторви! Да не стой ты в воде-то! Поднимись на кочку! Вечно с тобой что-нибудь случается —

то прутик в нос воткнется, то пиявки нападут... Если уж ходишь с нами, то и веди себя как следует.

Мы помогли Раилэ подняться на большую кочку, и она перестала плакать.

Партизан снова погрозил нам кулаком:

— Да замолчите же вы, болтуны!.. Утка... Две...

— Так их и приготовили тут для тебя! — усмехнулся Мирсаиф. — А чтобы не улетели, за ноги привязали.

Как раз в этот момент Малое озеро огласилось криканьем: «Бак-бак!» Партизан нажал на курок, и раздался выстрел. Все вокруг заволкло беловато-голубым дымком. Мы не стерпели и, как стая воробьев, вспорхнули с места. Перепрыгивая с кочки на кочку, а кое-где проваливаясь прямо в воду, бросились вперед. Посреди озера как ни в чем не бывало сидели две утки — большой, с гуся, зеленоголовый селезень и, чуть меньше, серая утка.

— Да ведь это наши утки! — закричал я. — Соловей и Ласточка.

— Да, да, Сейфеддин, — подтвердил Насыр, — это ваши утки. Я их всегда узнаю.

— Хорошо еще, что не попал! — крикнул я Партизану. — Видно, рука у тебя дрогнула.

— Вы что думаете, я не отличаю домашних уток от диких?! — спросил Партизан. — Да я их даже по криканью могу отличить! Потому-то я сейчас и выстрелил в воздух. А уж если бы я, прицелившись, стрелял в них, то от ваших уток и следа бы не осталось! Знайки-и!

— Но почему ты все-таки выстрелил? — спросили мы.

— Почему выстрелил? Ружье мое, и кому какое дело. Или у вас разрешения надо спрашивать? Просто я хотел испытать, хорошо ли действует ударник! Отец только вчера его сменил...

Мы промолчали — не хотели с ним спорить.

— Ути-ути-ути! — позвал я уток. Они узнали мой голос и, радостно крикая, подплыли к нам.

— Утки, утки, уточки! — обратился я к ним. — Хватит вам разгуливать — пора домой отправляться!

И утки, прокрикав: «бак-бак» — «ладно-ладно», вышли на берег и, переваливаясь с боку на бок, заковыляли к дому.

Ребята удивились: вот какие умные утки, только что не разговаривают! Даже Партизан изумленно смотрел вслед «умным» уткам! А потом сделал вид, будто каждый день встречает таких понятливых птиц.

Раздвинув осоку, Партизан выбрался на сушу и сказал:

— Завтра начинаются экзамены.

4.

Мы поверили словам Партизана и на следующий день явились к Большому озеру, едва прогнали стадо. На кувшинках еще и роса не высохла. Над озером, словно над подогреваемым котлом, поднимался белесый пар. Хоть утреннее озеро и холодное, но мы уже привыкли — не боимся воды. И, чтобы скоротать время, мы купались, плавали, ныряли и кувыркались в воде. Партизан пришел, когда мы уже оделись и уселись на берегу.

— Все, кто сюда явился, хотят вступить в Команду Борзых? — спросил он.

— Да, — отвечали мы. — Давай скорее начинай свои экзамены!

— Сейчас будем бегать, — сказал Партизан. Задрав рукав, он показал на часы и добавил: — Я буду по секундам считать, кто за сколько пробежит.

Часам на руке Партизана мы не удивились: сейчас редко кого встретишь без часов. Мы уставились на ре-

мешок: кроме часов, на ремешке был укреплен настоящий компас, величиной с копейку, и медная кошечка. Партизан не дал нам их как следует рассмотреть — отмерил пятьсот шагов и велел бежать туда и обратно.

Когда я, высунув язык и пыхтя, словно паровоз, прибежал первым, мальчишки были еще далеко. Самой последней плелась Раилэ. Партизан очень хвалил меня. Он сказал, что я и самого зайца могу обогнать, и что этот экзамен я сдал на отлично. Потом он похвалил и остальных, даже Раилэ!

— Молодец! Наряду с мальчишками бежала, пылила, — сказал он ей.

Мы так загордились, что, задрав носы и выпятив грудь, промаршировали по накалившемуся песку. Потом Партизан построил нас, словно настоящих солдат.

— Вы ловкие ребята, — сказал он, — хорошо бегаете. А сейчас проверим вашу наблюдательность. Для на-

стоящего разведчика очень важно с одного взгляда запомнить все. Ступайте в деревню и каждый заберитесь в чужой двор, сад или огород. Выбирайте дома... под тесовой крышей. Подозрений вызывать вы не должны. Так вот, всё внимательно осмотрите и запомните: где что есть, где что посажено, какие деревья растут в саду. А вечером, когда пригонят стадо, соберемся у наших ворот. Обо всем, что увидели, подробно мне доложите. Кто мало расскажет, будет путаться, тому — влечем двойку и к дальнейшим экзаменам не допу-

только зайти в сад не удалось. На воротах огромный, с рукавицу, замок. И еще... эти самые... здоровые, как свиньи... Чуть было не разорвали... Едва спасся... Успел влезть на лестницу...

— Что за свиньи? Ничего не понимаю! — снова поморщился Партизан.

— Да ведь я и говорю: собаки... Рекс — на цепи, а Сарбайка на воле ходит — не привязана...

— Огромный замок, говоришь? И собак — две?

— Ага! И замок, и этих... две... Злые... как собаки.

...страх мой стал слабеть, я поднялся с земли и огляделся...

стим. Да! Чуть было не забыл — захватите и первый взнос — по десять копеек. Пора покупать порох, дробь...

Затем мы тянули жребий — кому какой дом под тесовой крышей достанется. Для этого мы воспользовались обрывком бельевой веревки, которой вместо пояса подпоясывался Шафик. Поделили между собой дома и помчались на разведку.

А когда стемнело и в небе зажглись звезды, собрались в условленном месте. Когда я пришел туда, Партизан сидел на березовом бревне у своих ворот. Перед ним стоял Мирсаиф и докладывал, что он видел в доставшемся ему дворе.

— ...затем я быстренько с того поля... Через... эту... изгородь... посмотрел. Поглядел и вижу четыре... эти самые... ростом с три метра. А морковки, которые там... а на других грядках — помидоры какие-то... желтые. Затем — лук. А на этом, а на этом посадили... это самое... И много их та-ам! Миллион! Крупные, словно вальки для белья!

— Ну, парень, и разозлил ты меня! — перебил Мирсаифа Партизан. — И чего у тебя миллион-то? И что крупное-крупное? Сам профессор не разберет! Расскажи толком!

— А я и говорю... Что, что? Да огурцы же!

— Ладно, давай дальше...

— А еще... это... сад их видел. И там... это... яблоки. И эти самые... ну, яблони не выдерживают тяжести, согнулись, как коромысла... Красные-красные. Да вот

Незнакомого прямо к воротам отбрасывают... это самое... разорвав на куски...

Пока Мирсаиф рассказывал про яблоки с тубетейку, Партизан слушал с интересом, а потом, когда Мирсаиф про собак начал да про замки, атаман наш заскучал...

— Ты кто? Сейфи? — обратился ко мне Партизан. — Ну, теперь рассказывай ты, Сейфи!

Я начал свой рассказ. После меня атаман выслушал и остальных ребят. Похвалил нас. Экзамен выдержали все. Только Насыр, бедняжка, не смог обследовать доставшийся ему дом — оказывается, мама послала его в соседнюю деревню за солью.

— Несмотря на это, — сказал Партизан, — я ему засчитываю экзамен. Не видите — штаны у него драные?

Почему человек в дырявых штанах может без такого экзамена вступить в Команду Борзых — нам было непонятно.

Заплатили мы и первый взнос. Раилэ пятнадцать копеек дала, а мы — по десять. Даже сирота Мирсаиф и тот не хотел от нас отставать — он принес трехкопеечную, двухкопеечную монету и еще копейку — всего шесть копеек. Партизан взял наши деньги, потряс ими в кулаке и опустил в карман брюк.

— Молодцы, ребята, все сдали деньги! — торжественно произнес атаман. — Поздравляю вас! В следующий раз берите пример с девочек.

«Пример брать легко, а вот откуда деньги взять?» — подумал я.

— А завтра, — продолжал Партизан, — как только в

домах погаснут огни и в деревне станет тихо, приходите сюда, к моему дому — на задний двор. Завтра будут самые трудные испытания — на храбрость.

Мы насторожились — что это еще за испытания на храбрость?! Как бы нам не оказаться трусами, как бы не опозориться...

5.

На следующий день мы не могли толком ни купаться, ни играть. Ждали вечера. Как пройдут эти последние испытания и чем собирается пугать нас Партизан, храбрецы мы или трусы? А вдруг и в самом деле чем-нибудь страшным начнет пугать? И сможем ли мы скрыть свой испуг, если от страха душа уйдет в пятки и сердце готово будет разорваться?

Партизан пришел на условленное место позже всех — когда уже совсем стемнело. Последний экзамен был — ой-ой-ой! — какой страшный! Мы, оказывается, должны были по одному пройти по тропинке между лесом и кладбищем, забраться в колхозный огород и наворовать там огурцов!

Ночь темная-претемная, хоть глаз выколи! На небе ни звездочки, одни тучи, а до огорода полтора километра. А там — сторож! Вот ведь какое дело... Видно, правду говорит бабушка: «Не испытай всего в жизни — не умрешь!» Услышали мы слова атамана и притихли, словно языки проглотили. Никто не решался первым идти к кладбищу. Пришлось снова просить Шафика одолжить нам его бельевую веревку, чтобы тянуть жребий. Бедняге Шафику выпало идти первым. Он, туже подпоясавшись своей веревкой, медленно двинулся в путь.

— Быстрой возвращайся! — крикнул ему вслед Партизан. — Кто долго будет ходить, тому — двойку! Слышишь?

За Шафиком была моя очередь. Я дрожал всем телом. И как было не дрожать? Ведь у меня не железное сердце! Я шел один-одинешенек по черному полю... В другое время я ни за что в жизни не пустился бы в такую опасную дорогу... Даже если бы отец угрозил мне ремнем! Даже если бы мама пообещала: «Каждое утро буду печь для тебя гречневые блины, дорогой сынок!» Грозите, умоляйте — ночью я и близко не подошел бы к кладбищу. А вот сейчас... иду. Мама думает, что ее ненаглядный сладко спит... Эх! Иду я, а сердце вот-вот выскочит из груди — бьется тревожно и тоскливо... Верно говорит бабушка: «Эй, горшечник, станешь ты и башмачником, если придется!» Пропавши она пропадом, эта Команда Борзых, сгинь, проклятое ружье! Ведь до сих пор не стрелял и ничего — не умер! Откуда только явился этот Партизан? И кто меня, дурака, за язык тянул проситься в команду? Знать бы заранее, что нужно будет пробираться темной ночью по тропинке мимо кладбища... А теперь поздно — назад не повернешь! Повернешь — опозоришься перед ребятами — ведь экзамен на храбрость!

Вот уже впереди едва заметны кладбищенские березки. Вокруг стало еще темнее. Вдруг в траве что-то зашуршало. Хоть и говорят, что летом нет в наших лесах волков, да кто знает? Может, и сейчас вот крадется за мной проклятый зверь...

Я опрометью бросился вперед. И вдруг вижу — с краю дороги, под деревом — огонь! Огромное пламя, — ну, прямо с шапку! Какое-то беловато-зеленое! Тут я вспомнил, как мне бабушка рассказывала сказку о ведьмах, собирающихся по ночам на кладбищах... В ушах у меня зазвенело, сердце дрогнуло. Уже не до огурцов мне было! Повернулся я и — назад! Словно ветер полетел! Гляжу — с обеих сторон тропинки надвигаются на меня черные тени, сотнями окружают меня... Что это? Волчья стая? От ужаса я заорал во все гор-

ло!.. Повернулся и стрелой помчался обратно к кладбищу... Кладбищенский забор и то место, под которым ведьмы сидели, промелькнули мимо... Я вылетел на луг, кубарем скатился в крутой овраг и, добежав до огуречных грядок, без сил упал на землю...

Когда сердце мое, стучавшее в груди, как молот по наковальне, немного успокоилось и страх мой стал слабеть, я поднялся с земли и огляделся. Перед шалашом старика-сторожа, подбрасывая в темное небо искры, горел костер. Над огнем висел чайник, а сам старик сидел у костра и тянул какую-то нескончаемую песню. Увидав почти рядом с собой еще одну живую душу, я осмелел и начал ощупью искать огурцы на грядках. Скоро подол моей рубашки раздулся. «Хватит», — подумал я, очень довольный собой. За такую поживу имеющий голову человек не только «пятерку», но и «десятку» не пожалеет. Я встал и пошел по оврагу. Затем выбрался на наш Моратаев луг. Посвистывая, я пошел по давно исхоженной, хорошо изученной гладкой и широкой дороге. Скоро я уже очутился на своем конце деревни.

На улице — тихо-тихо. Ни собаки не лают, ни петухи не кричат. Лишь из лесу доносится крик ночной птицы да со двора слышится сопение коров.

Я как раз проходил мимо дома Насыра, когда вдруг закричали их ворота и кто-то вышел на улицу. Пригляделся я повнимательней и остолбенел — передо мной стоял Насыр! Тот самый Насыр, который сейчас должен был пробираться мимо темного леса! Я хотел спрятаться в тени забора и посмотреть, что будет дальше, но Насыр, видно, уже заметил меня, так как стал смотреть в мою сторону. Поэтому я спросил шепотом:

— Кто тут? Ты, что ли, Насыр?

— Я, — отвечал Насыр. — А ты кто? Сейфи?

— Я. Ты что тут делаешь?

— А ты чего?

Мы вышли на дорогу, и я увидел, что у Насыра рубашка вздулась не меньше моей.

— Только я отошел от дома Партизана, как в ногу мне впилась заноза, — стал рассказывать Насыр. — Еле вытащил! Болит — терпения нет! Не дойти, думаю, до колхозного огорода... Вот и пришлось нарвать огурцов в нашем... А Партизану не все ли равно — какие огурцы. Метки на них нет!

— А я на обратном пути повстречал какого-то зверя — не то волка, не то лису, не разобрал в темноте, — пробормотал я в свое оправдание. — Погнался я за ним, вот и оказался здесь...

Мы уговорились никому о нашей встрече не рассказывать. Насыр вначале старательно прихрамывал, охал, а потом, увлекшись разговором, зашагал, пожалуй, шибче меня.

Мы оказались самыми удачливыми — больше всех огурцов принесли. Остальные ребята добыли по два, по три огурца, а двое и вовсе не пришли — словно сквозь землю провалились.

Партизан построил нас всех вдоль плетня и объявил:

— Этот экзамен вы все, кроме Раилэ и тех двух, без вести пропавших, сдали вполне удовлетворительно. Для Раилэ он был заменен другим... Она вместо экзамена принесет завтра... двадцать копеек... Так ведь, Раилэ, договорились? Что? После обеда принесешь. Ладно. А с теми двумя я по-своему поговорю, по... борзому. Да! Не позабудьте утром принести очередной

взнос... Деньги сейчас очень нужны. Накупим побольше пороха и начнем учиться стрелять... Согласны?

Какой же дурак, услышав эти сладкие, словно пение соловья, слова, ответит: «Не согласен!» И мы заорали что было сил:

— Согласны! Согласны!

Пока мы заботились об огурцах, Партизан успел ра-

зыскать где-то корзинку. Мы доверху наполнили ее огурцами и внесли во двор Партизана.

— Так не забудьте о взносах! До завтра! — сказал наш атаман и запер ворота.

Мы облегченно вздохнули — были довольны, что избавились наконец от этого неприятного испытания нашей храбрости.

6.

С этого дня, а вернее, с этой ночи, мы с нетерпением стали ждать той минуты, когда, прищурив глаз, нажмем настоящий курок настоящего ружья. Целыми днями только об этом и говорили. Даже сны снились: как мы стреляем, с криками «ура!» бежим на врага... Теперь наши томления в ожидании праздника сабан-туя казались пустяком...

Партизан больше не досаждал нам никакими экзаменами. Однако нас очень беспокоил вопрос о взносах. Второй и третий взнос мы заплатили все, кроме Мирсаифа. Он принес всего три копейки. От стыда бедняжка даже покраснел, как кумач. Когда же наступил день четвертого взноса, нам пришлось расплачиваться дорогими для каждого вещами — денег ни у кого из мальчишек не было. Я, например, расстался со своей железной ручкой. Жалко было, конечно, очень жалко, да что поделаешь?! Не оставаться же мне в стороне, когда все отправятся стрелять!..

А еще через три дня Партизан собрал с нас всего двадцать семь копеек. Атаман то краснел, то бледнел от возмущения:

— Я всеми силами, не покладая рук, себя не жалея, забочусь о вас, — говорил он совсем по-взрослому. — А вы? Вы трясетесь над своими копейками! Ума у вас, видно, маловато — даже вокруг пальца обернуть не хватит! Тьфу!..

Мы помалкивали, шмыгая носами. Каждый из нас думал: «Хоть бы ко мне не привязался!» Лишь одна Раилэ, исправно платившая взносы, осмелилась спросить у атамана:

— А когда же ты билеты раздашь?

Если уж девчонка не испугалась, так подобает ли нам, мальчишкам, быть размазнями? Мы тут же подня-

— Да, да, да!

Партизан онемел от неожиданности. Опомившись, он поднял с земли палку, с силой стукнул ею по забору и крикнул зычным голосом:

— Да вы что? С ума, что ли, спятили?!

Лишь когда атаман поклялся, что в самое ближайшее время он купит все, что нужно для стрельбы, и пообещал выдать билеты на этой же неделе, мы отстали от него. Гордые оттого, что проучили этого парня из неведомого Чупрэле, мы пошли купаться, а он остался один у своих ворот.

Очередной взнос деньгами сделала одна Раилэ — она принесла шесть копеек. Мы же заплатили вещами. Я распрощался со своей глиняной свистулькой, Насыр — с ножичком, Шафик — с кремнем и обломком напильника. Остальные принесли кто куриное яйцо, кто конфеты...

— А ты почему в сторонке стоишь? — спросил Партизан у Мирсаифа.

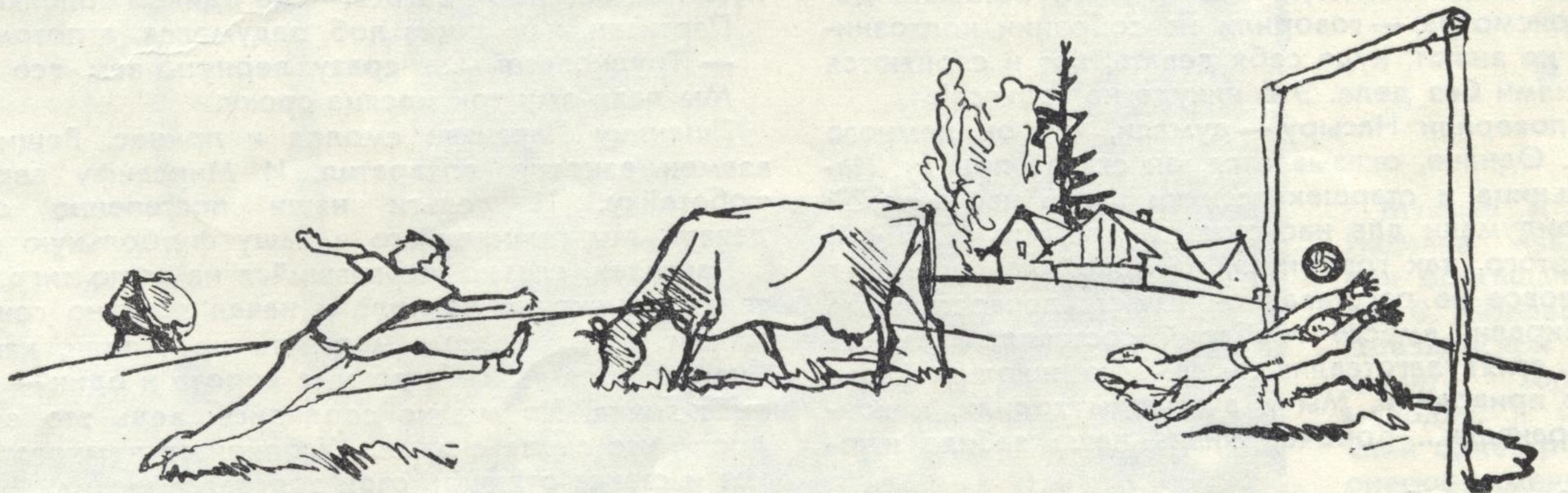
— Э... э... кроме вот... этого, ничего больше не нашел, — жалобно проговорил Мирсаиф и протянул обруч от сита.

Партизан швырнул обруч в крапиву и сорвал с головы Мирсаифа его новую вышитую тубетейку.

— Вот это подходит, за два взноса сочту, — сказал он.

Тихоня Мирсаиф и слова не сказал. Он погоревал дня два, а потом привык ходить с непокрытой головой и совсем позабыл о своей тубетейке.

Дни шли, но счастья стрелять мы не испытали, членских билетов и в глаза не видали. И мы снова рассердились — с того самого дня мы перестали бояться нашего атамана. Ну и пусть он умеет резать кур да

Партизан, словно вырвавшийся на волю тигр, стремительно выскочил на поле

лись, вздыбились, как прокисшая простокваша, окружили нашего вожака.

— Правильно она говорит! Где членские билеты? Зачем обманываешь? — кричали мы. — Разве твоя команда должна только взносы платить да огурцы воровать?

— Да, да, да!..

— Разве мы просто так атаманом тебя избрали? Давай говори правду! Держи ответ перед своей командой!

овец, пусть прищемляет хвосты козам... Что из этого? Подумаешь — батыр какой! Мы и сами не сморчки какие-нибудь, не на болоте выросли, а на чистом деревенском воздухе, на солнечных полях и лугах! Партизан только поодиночке может одолеть нас. Да разве мы поодиночке ходим? Нет! Мы всегда вместе! И мальчишки, и девчонки Кэккюка вместе играют, и вместе работают, если придется. Да мы что угодно можем совершить вместе. Ничего и никого не боимся.

Вон ведь даже Партизан однажды испугался своей команды!

Прошла еще неделя. Партизан стал избегать нас. То его дома нет, то он ушел куда-то. И билетов нет, и оглушительную стрельбу только во сне слышим...

И вот однажды, когда мы лежали на берегу реки и пекли на костре раков, разговор снова зашел о Партизане.

— Не знаю, как вас, а вот меня удивляет, каким это образом наш атаман получит порох взамен сломанных будильников, масла, меда, щавеля и прочих вещей? — проговорил Насыр.

— Вот именно, — подхватили мы его слова. — Действительно, кто же даст порох взамен игрушечных тракторов, самодельных луков?

— Да, да, да!.. И не верьте, что он собирается обменять тубетейку Мирсаифа на патроны... Он ее сам носит — люди видели... Обманщик он...

— Как ни посмотришь — он все в магазин бежит — за конфетами. Видно, на наши деньги покупает. Да еще

хвастается, что, мол, и огурцов, и яиц, и ягод у него вдоволь... Не мы ли, дураки, сами ему приносим?

— И вправду, ребята, жулик он! Обманывает нас! За нос водит!

— Да, да, да! Нужно его заставить вернуть нам наши вещи! И надо как следует проучить его! Пошли, ребята!

На берегу реки остался горящий костер, на костре продолжали печься раки, а мы — бегом в деревню. И когда стремительно выскочили из ивняка на луг, внезапно натолкнулись на... Партизана! Он шел с удочками в руках на рыбалку. Вот как здорово получилось, нарочно не придумаешь!

— А-а-а! Вот он, «ата-ма-ан»! — радостно завопили мы и окружили его.

Партизан струсил и прошептал:

— Не подходите! Стрелять буду!..

И хотя никакого ружья у него не было, мы яростно закричали:

— Попробуй только!

7.

— У тебя своя команда есть! — отвечали мы.

— Простите меня, ребята! К старому возврата не будет! Простите!

Ай да Партизан! Мы думали, что бывший атаман не простит нам своего позора и будет мстить — поймает каждого поодиночке и побьет, а он сам прощения просит! Ну, что же, зачем помнить зло, вспоминать о его проделках? Мы посоветались и вот что сказали Партизану:

— Если ты хочешь вступить в нашу команду, то должен, во-первых, собрать и сдать в аптеку полтора килограмма спорыньи, во-вторых, подготовить к концерту школьной самодеятельности свой номер, в-третьих, снести на мельницу мешок пшеницы бабушки Мирсаифа, смолоть и принести обратно.

— А мельница... далеко? — спросил Партизан.

— В трех километрах отсюда. На реке Ик.

— Хорошо, я согласен, — покорно отвечал наш бывший атаман.

— Это не все, — продолжали мы. — Ты должен вернуть нам все наши взносы — до единой копейки.

Партизан, наморщив лоб, задумался, а потом сказал:

— Трудновато мне сразу вернуть вам все деньги...

Мы дали ему три месяца сроку.

Пшеницу Партизан смолот и принес. Вещи, взятые взамен взносов, возвратил. И Мирсаифу вернул его тубетейку. И деньги наши постепенно стал отдавать. Мы приняли его в нашу футбольную команду.

Партизан, словно вырвавшийся на волю тигр, стремительно выскочил на поле и начал яростно гоняться за мячом. Мы и глазом моргнуть не успели, как он забил два гола в... собственные ворота и один — в ворота противника. Но мы не сердились: ведь это он от радости, что снова с нами... Успокоится немного, привыкнет и станет отличать свои ворота от чужих...

Теперь Рашит (так по-настоящему зовут Партизана) с утра пораньше собирает спорынью, а после обеда приходит на тренировки. Мы с ним — нападающие. А Насыр (все в тех же драных штанах) — наш вратарь.

Мы готовимся к предстоящему на днях матчу с «Космосом» — командой соседней деревни...

Нам хорошо, весело, интересно! И бывшая Команда Борзых кажется нам по сравнению с нашей «Искрой» такой пустяковой и ничтожной, что о ней мы вспоминаем только со смехом, да и то изредка.

А на следующий день, рано утром, в Кэккюк вернулась из отпуска наша учительница. В тот же вечер в правлении колхоза состоялось общее собрание. Об этом рассказал нам Насыр, который всегда раньше всех узнавал деревенские новости.

Мы с ребятами как раз носили ведрами воду в хомячью норку, когда прибежал Насыр.

— А я что знаю! — проговорил он. — Сказать?

— Говори, если у тебя язык чешется! — отвечали мы.

— Дайте вылить одно ведро в норку, скажу! — по привычке стал торговаться Насыр.

— Пожалуйста! — рассмеялись мы. — Достань из колодца и хоть тысячу вылей!

Воду таскать Насыр отказался. Поглаживая живот, он рассказал нам новость бесплатно. Оказывается, Насыр собственными ушами слышал, о чем толковали на собрании — под окном стоял. Подумать только — взрослые люди, побросав все свои дела, тратили время, чтобы поговорить о нас!

«Мы совершили большую ошибку, что оставили детей без присмотра, — говорили на собрании колхозники. — Они не знают, куда себя девать, вот и слоняются целыми днями без дела. Это никуда не годится!»

Мы не поверили Насыру — думали, что он немного привирает. Однако, оказывается, он сказал правду. Наша учительница и старшеклассники взяли нас в такой оборот, придумали для нас столько дел, что ой-ой-ой! Мы и до этого, как говорится, из одной ложки ели, а теперь и вовсе не расставались. Вместе лекарственные травы собирали, вместе гербарий составляли, вместе траву для ягнят заготавливали, вместе школьный сад в порядок приводили. Мы и в походы ходили, и концерты устраивали... Короче, жизнь наша забила ключом.

А про Команду Борзых и думать забыли. У нас теперь была самая настоящая футбольная команда — «Искра»!

После того раза, когда мы повстречали Партизана на берегу реки да хорошенько его вздули, он сидел дома, не показываясь на улицу целую неделю. А когда вышел, то лишь издали наблюдал за нашими тренировками. На четвертый день он не выдержал:

— Ребята, — попросил он, — примите меня в свою команду — я умею играть!..

Перевела с татарского Н. Алембекова

Эмблема нашего клуба — плакат знаменитого французского художника, коммуниста Пабло Пикассо, сделанный им для конгресса борцов за мир в Стокгольме в июле 1958 года.

ДРУЖБА

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЙ КЛУБ „КОСТРА“

Сегодня в клубе: наш корреспондент в ГДР — спасибо польским харцерам — почта — адресный стол — КОСтя ТЕРкин собирается за границу.

Прошлой осенью заместитель редактора «Костра» Ю. А. Юркан побывал в гостях у пионеров ГДР. Он привез с собой фотографии, сувениры. Вот некоторые из них.

Из окон школы, где учится Барбель Капке, виден небольшой домик. В этом доме в декабре 1900 года был напечатан первый номер первой русской марксистской газеты. Ее эпитафией стали слова из ответа декабристов Пушкину: «Из искры возгорится пламя». А назвали газету «Искрой». В. И. Ленин выпустил первый номер «Искры» с помощью немецких и польских товарищей. Набирал номер польский социал-демократ Иосиф Блюменфельд. Печатал — немецкий социал-демократ Герман Рау.

Пионерская дружина 31 школы отныне будет носить имя ленинской «Искры». Пионеры заслужили его своей следопытской работой. А Барбель Капке получила право

зажечь факел дружбы. И зажгла она его не от простой спички, а от огня, доставленного в Лейпциг из страны Советов — с Марсова поля в Ленинграде и с могилы Неизвестного солдата в Москве.

Музыка и живопись... Издавна известно, что они обогащают друг друга. В гобеленовом зале Дрезденской галереи звучит торжественная мелодия. Симфонический оркестр Дворца пионеров имени Вальтера Ульбрихта подбирал музыку так, чтобы она была созвучна содержанию картины «Сикстинская мадонна» Рафаэля — ее духу, эпохе, теме. В подготовке таких концертов около картин ребятам помогают искусствоведы. Дрездена и солисты высшей музыкальной школы.

На праздниках, сборах, вечерах, перед концертами пионеры-тельмановцы и члены Союза свободной немецкой молодежи организуют лотереи, базары, ярмарки. Самодельные салфетки, бусы и ожерелья, обложки для книг и тетрадей, памятные медали из керамики раскупаются нарасхват. Все выреченные средства — сотни, тысячи марок — передаются в фонд помощи борющемуся Вьетнаму.

Школа Ани Морозовой

Поиск длился более двух лет. А начался он так.

Как-то в классе появилась книга Яна Пшимановского и Олега Горчакова «Минеры воздушных дорог». В повести рассказывалось об интернациональной подпольной группе в Сеще Брянской области в годы Отечественной войны. В группу входили чехи, поляки, русские. Группа добывала ценнейшие сведения о крупнейшей авиабазе немцев. По координатам, переданным партизанами, наши самолеты успешно бомбили аэродромы. Пылали, не поднявшись, фашистские стервятники, рвались в небе мины, установленные подпольщиками на самолетах.

Эту группу возглавляла комсомолка Аня Морозова. Авторы повести в нескольких словах рассказали о ее дальнейшей судьбе. После освобождения Сещи Аня была послана в Польшу, к партизанам. Известно, что погибла она в бою, взорвав себя гранатой.

После уроков харцеры сидели в классе и разговаривали.

Подвигу Ани Морозовой посвящен советско-польский телевизионный фильм «Вызываем огонь на себя»

А КАК БЫСТРЕЕ?

Дорогая редакция! В школе я изучаю немецкий язык. Мне он очень нравится. И поэтому я с нетерпением жду, когда у нас будет урок немецкого языка. Я учусь в седьмом классе. Многие наши ребята переписываются с пионерами разных стран. Я тоже переписываюсь с девочкой из Югославии. Снежана — так зовут мою подругу — пишет мне про свой родной Чачак, рассказывает о товарищах. А я пишу ей о своем Новокузнецке и о многом другом. Недавно я выслала Снежане по почте свои любимые журналы — «Костер» и «Пионер». А еще я хочу переписываться с мальчиком или девочкой из ГДР. И еще у меня вопрос: в каких конвертах лучше высылать письма? Снежане я отправляю письма авиа-почтой, а идут они чуть ли не полмесяца. Может, можно как быстрее?

Оля Цветкова

Дорогая Оля! К сожалению, пока почты быстрее «авиа» не существует. Вот адреса двух школ ГДР: г. Карлмаркштадт, школа им. Фрица Эккерта; Берлин, Каров, школа № 14. В этих школах существуют клубы интернациональной дружбы.

— Так же погибла и наша партизанка, — задумчиво произнесла Ева Хажиньска.

— А может быть, та могила, что у околицы села — и есть могила Ани Морозовой, — неуверенно предположил Рышард Пазик, — помните, как рассказывала старая Чесла о последнем бое партизан.

...Неравный был бой. Фашисты наседали со всех сторон. Они подожгли дом, где отстреливались партизаны. Среди них была черноволосая девушка. Она вела огонь из автомата. Девушку ранило в руку и раздробило кость. Когда пламя охватило дом, пришлось отходить к небольшой рощице. Здесь раненую спрятали. Партизаны же, чтобы отвлечь внимание немцев, кинулись в другую сторону. Но овчарка напала на след девушки. Последний патрон... Бросок гранаты. Один фашист упал, другие залегли. Партизанка сжала последнюю лимонку. На мгновение стало тихо.

— В плен? Не возьмете! — крикнула в предрассветные сумерки. Выдержала чеку, упала на гранату...

Это все, что знали харцеры о русской, похороненной на сельском клад-

бище. Решили они написать в журнал «Дружба».

Ответил им полковник Ян Пшимановский, один из авторов повести. Ему было известно, что Аня погибла где-то недалеко от Варшавы. Предположение ребят, что именно возле их села вела свой последний бой партизанка, было не лишено оснований. Но это надо доказать. Харцеры обратились к работникам архивов Советского Союза. Их сообщения и подтвердили правильность догадки школьников.

А в городе Гродно мать Ани Евдокия Федотовна получила письмо со штампом «Международное». Харцеры писали ей, как им удалось разыскать могилу дочери. Они просили рассказать о детстве Ани, ее школьных годах.

Теперь Евдокия Федотовна большой друг харцеров. Она подарила им последнюю фотографию дочери. С нее самодеятельный художник Станислав Томович написал большой портрет.

У портрета в любое время года алеют живые гвоздики.

А школа в польской деревне Граджаково носит имя Ани Морозовой.

Т. Сергеева

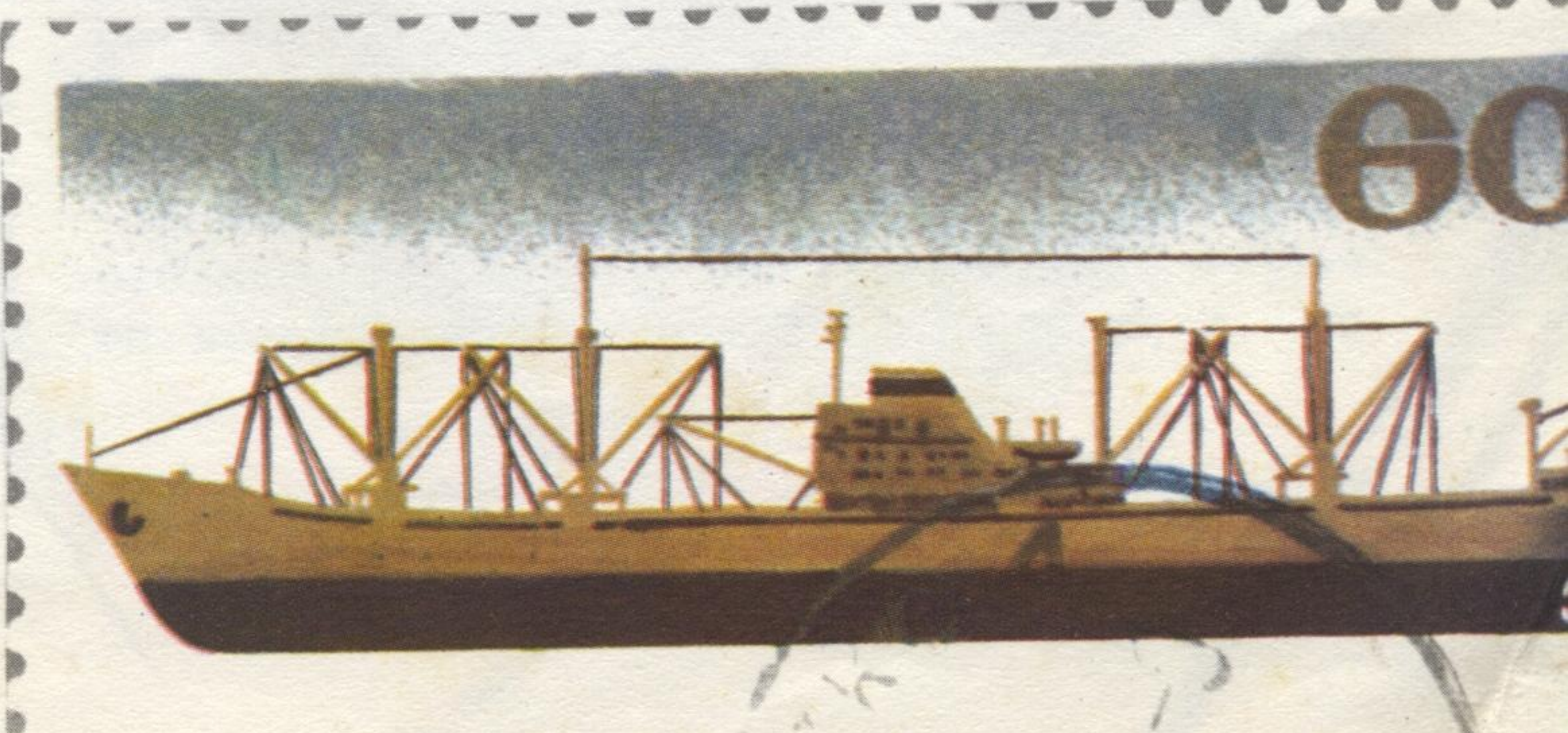
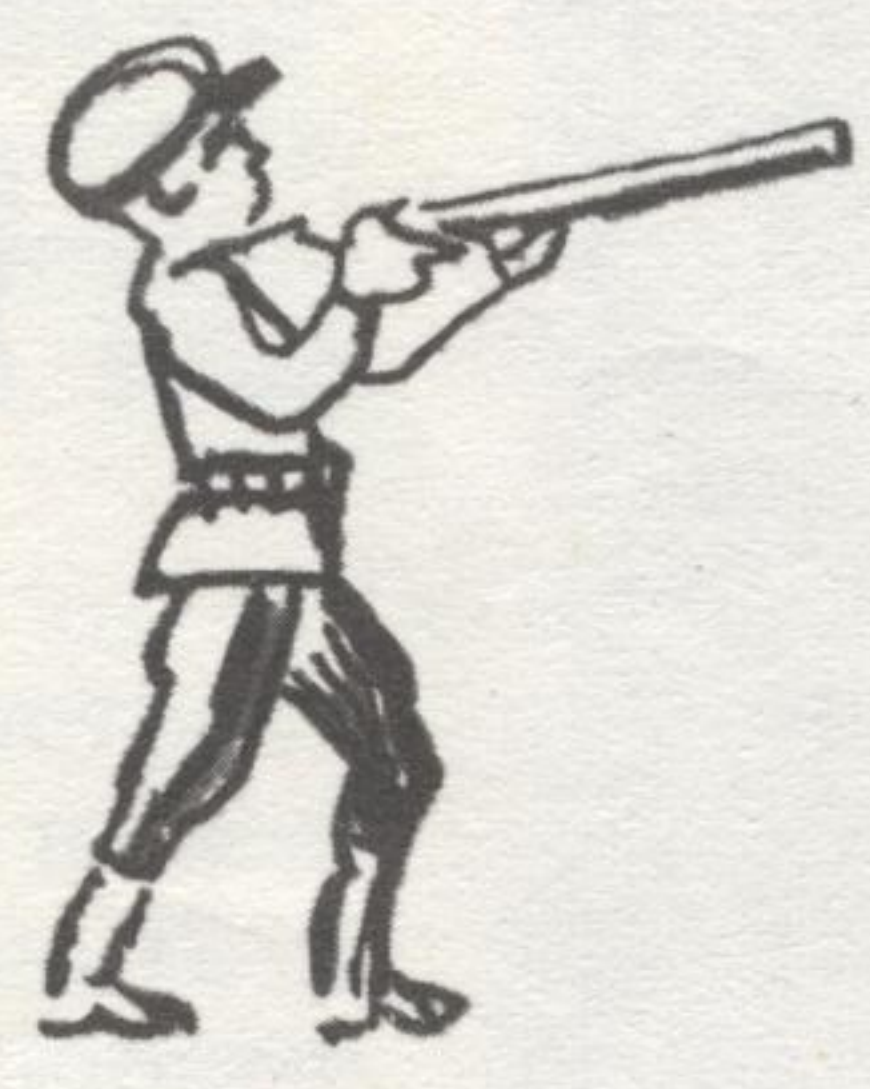
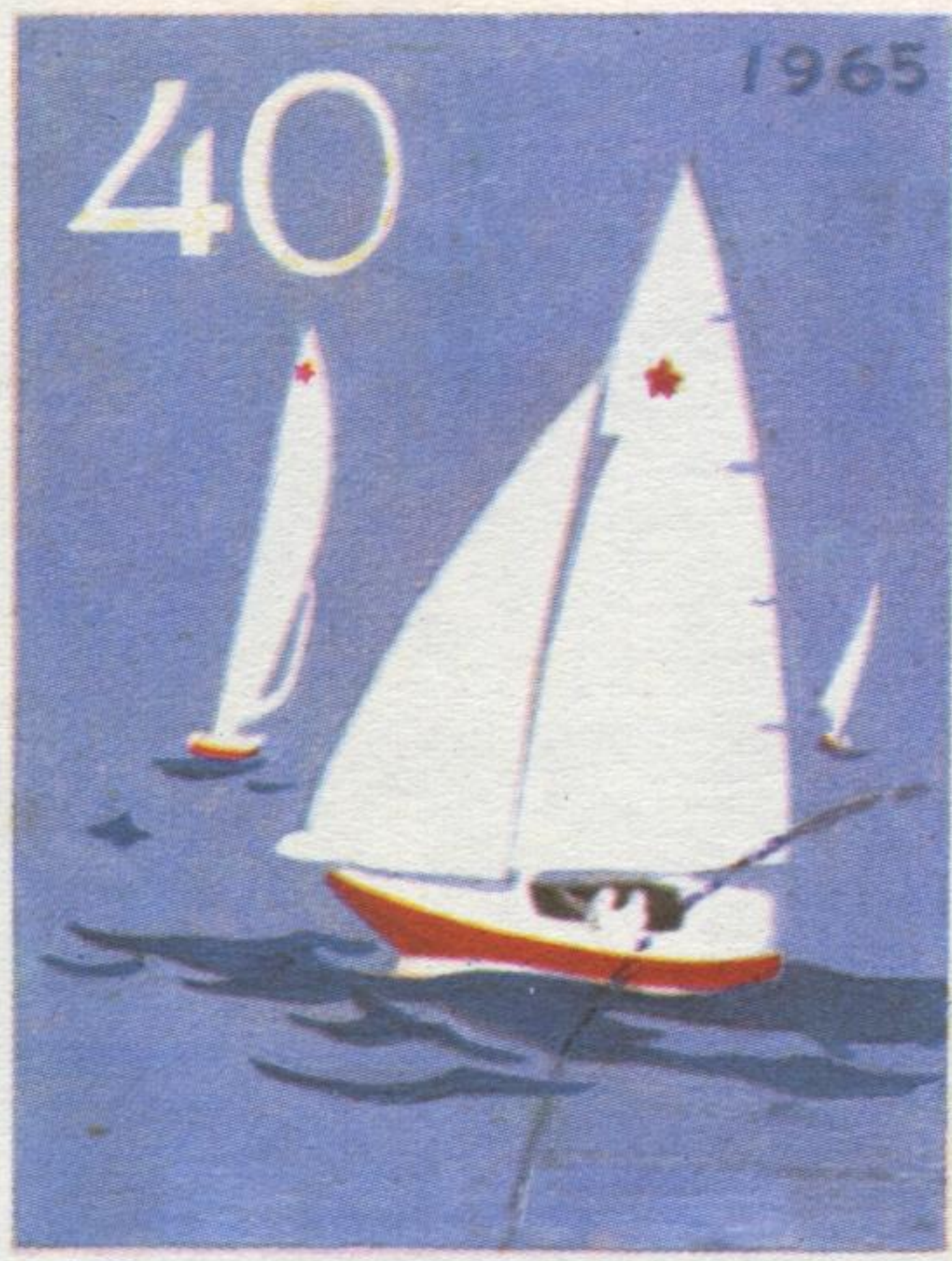
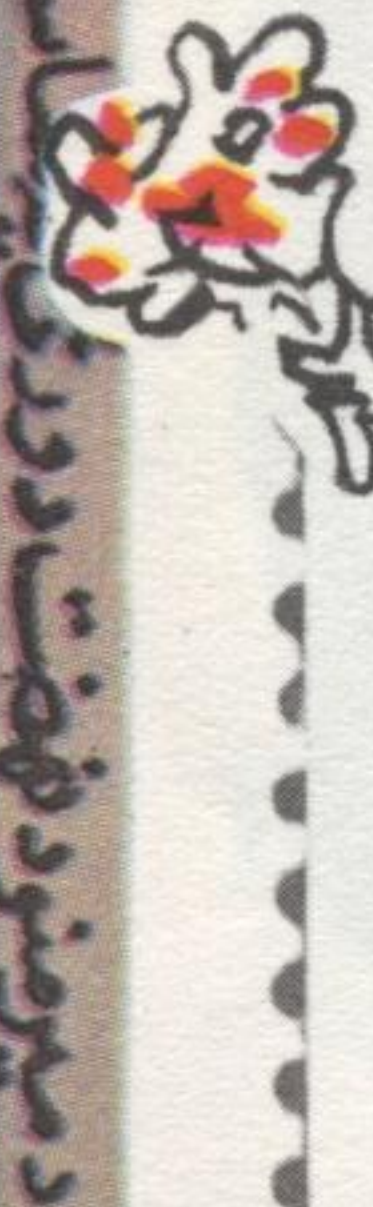
Сколько писем из-за границы получил КОСтя ТЕРкин в один день! В каждом, наверное, приглашение в гости... Жаль только, сильный дождь настиг почтальоншу тетю Машу на пути в редакцию и смыл все надписи на конвертах и марках.

Откуда же, из каких стран пришли эти письма — помогите КОСте разобратся!

Почтовые марки для этой викторины подобрали члены кружка юных филателистов при доме культуры имени Цюрупы в Ленинграде.

Президиум кружка — ученик 9 класса 282 школы Володя Малышев, ученик 7 класса 155 школы Сергей Алиевский и ученица 8 класса 283 школы Ирина Кашеева.

Руководитель кружка — член правления Ленинградского отделения Всесоюзного Общества филателистов Николай Михайлович Богачев.

ПЯТНО НА СКАТЕРТИ

Л. Пантелеев

Рисунки Н. Кустова

Когда мне сказали, что Алексей Максимович Горький, только что приехавший из Италии, хочет меня видеть и что такого-то числа к такому-то часу я должен прийти к нему в Европейскую гостиницу, — у меня подкосились ноги. Я сразу же твердо и безоговорочно решил: не пойду!

В те годы я был очень и даже невероятно застенчив. Может быть, тем, кто читал мои автобиографические книжки, такие, как «Ленька Пантелеев» или «Республика Шкид», это покажется странным — ведь за спиной у меня были и революция, и гражданская война, и годы беспризорничества, и детдом, и колонии.

Я был не мальчик, мне шел девятнадцатый год, уже вышла моя первая книга. Да, и все-таки я был — и именно в эти, юношеские годы — робок и застенчив, как маленькая девочка. Я стеснялся зайти в магазин, краснел, разговаривая с газетчиком или с трамвайной кондукторшей. В гостях я отказывался от чая, так как был уверен, что опрокину стакан, а в обществе, где присутствовал хотя бы один незнакомый мне человек, я никогда не мог произнести двух слов, более значительных и интересных, чем «да» или «нет».

Теперь вы поймете, почему я так перепугался, когда узнал, что Максим Горький зовет меня к себе в гости.

Я не спал всю ночь. Я уже решил, что не пойду, я знал, что не выдержу этой встречи с великим писателем один на один — и все-таки колебался, все-таки не мог победить в себе страстного и вместе с тем такого простого и естественного желания — увидеть Горького.

Перед рассветом я, помню, закурил, взял с полки потрепанный, перевязанный веревочкой томик и стал читать горьковский «Городок Окуров». И, прочитав две или три страницы, я вдруг понял, что надо идти, что не идти нельзя, что если не пойду — никогда не прощу себе этого.

И вот чуть свет, гораздо раньше, чем было назначено, пришел в гостиницу — совершенно разбитый, больной и готовый, как говорится, ко всему. Ожидая в приемной, когда меня позвонят, я, помню, самым серьезным образом подумывал, не выпрыгнуть ли мне из окна, — благо окна были открыты, а номер помещался в первом этаже.

Но вот наконец меня позвали. Я вышел в коридор, остановился перед дверью соседнего номера, зажмурился, собрался с духом и постучал. И сразу же за дверью раздалось глухое, окаяющее:

— Да, пожалуйста.

Я вошел и увидел его спину. На нем была серая байковая курточка, напоминающая больничную. Слегка ссутулившись и приподняв одно плечо, он стоял у маленького столика возле двери в соседнюю комнату и что-то разглядывал там или свертывал папиросу. От этого занятия он оторвался не тотчас, а через две-три секунды. Повернулся, оглядел меня — сверху вниз, как бы из-под очков, улыбнулся и, поглаживая ус, как-то особенно, смачно и с удовольствием, будто только что сам вылепил меня из глины или выточил на токарном станке, сказал:

— Вот вы какой?!

Потом протянул мне руку и, не выпуская моей руки из своей, повел к письменному столу.

— Ну, давайте садитесь, будем знакомы.

Я сел и почувствовал — совсем не то, чего ожидал и боялся. Я почувствовал себя легко, свободно и непринужденно. Тут была какая-то магия, волшебство, которому я долго не мог найти объяснения. Когда я шел к нему, я был уверен, что не выдержу и пятиминутного разговора. А просидел я у него в тот раз два с половиной часа — вероятно, гораздо больше, чем следовало.

После этого, по его приглашению, я несколько раз бывал у него в гостинице. И почти всегда, оставаясь с ним наедине, я чув-

ствовав себя легко и не испытывал никакой связанности и скованности. Я сам удивлялся этому, когда смотрел на него — на сидящего против меня живого Горького, автора «Детства», «В людях» и «Моих университетов».

Конечно, это не я, а он поставил себя так. Кроме большого художественного таланта, за который его любят и чтут миллионы людей во всем мире, Горький обладал еще одним даром — умением покорять сердца людей. Я видел, как он разговаривал с шофером, с официантом, с детьми — никто из них никогда не смущался, не краснел, не чувствовал себя маленьким и ничтожным.

И все-таки эти визиты к Максиму Горькому по-прежнему стоили мне очень много крови. Ведь чтобы попасть к нему, я должен был миновать огромного, седобородого, похожего на министра швейцара, пройти на виду у прочей гостиничной братии, у всех этих портье, коридорных, горничных, лифтеров... А потом оказывалось, что Алексей Максимович занят и нужно было ждать его и беседовать с какими-то случайными, незнакомыми людьми или хотя бы торчать у них на глазах.

Всякий раз, когда я собирался идти к Горькому, одолевали меня, как и в первый раз, колебания, сомнения и мучительное раздумье. Это не были сомнения Чехова, который перед первой поездкой к Толстому несколько раз переодевался и все не мог выбрать подходящие штаны — боялся, что в одних его примут за нахала, а в других за шелкопера... Передо мной такая проблема не стояла, потому что штанов у меня в ту пору была всего одна пара. Ходил я в потрепанной кожаной тужурке и в полосатой матросской тельняшке, — если бы я стал раздумывать и решать, за кого меня примут в таком обличье, я бы, вероятно, пришел к очень грустным выводам.

Однажды (а было это уже на второй год моего знакомства с Горьким) я получил приглашение — зайти к нему на следующий день, утром, часам к девяти, все в ту же Европейскую гостиницу. Не знаю, пришел ли я раньше или позже, чем следовало, но когда я очутился перед подъездом гостиницы, сверкающий галунами швейцар поспешно поднялся со своего табурета и преградил мне дорогу:

— Вы куда?

Я объяснил ему, что иду к Максиму Горькому, в такой-то номер.

— Нету их.

Мне показалось, что швейцар говорит неправду, но, так как я не был ни разговорчив, ни настойчив, мне пришлось поверить ему. Я только спросил, не знает ли он, когда и куда ушел Горький. Но швейцар не удостоил

меня ответом, отвернулся и дал понять, что разговор исчерпан. Выручила меня некоторая начитанность в европейской литературе. Я вспомнил, что в подобных обстоятельствах герои старинных романов старались «позвенеть кошельком». Смущаясь, я вытащил из кармана рублевку и сунул ее в широкую ладонь цербера. Это подействовало магически. С швейцара моментально слетела его министерская важность, он превратился в добродушного старика, приподнял свою раззолоченную фуражку и очень любезно, почти ласково сообщил мне:

— Они в Михайловский садик пошли. Гуляют.

Михайловский сад — это совсем рядом, и, поразмыслив, я решил пойти туда и разыскать Горького. Переходя площадь, я, помню, думал, что мне повезло, что это очень кстати, что я не застал Горького в гостинице. Если он ничем не занят, не читает и не выглядит чересчур утомленным, я могу подойти к нему, и мы посидим на скамейке и побеседуем один на один на свежем воздухе...

Не успел я так подумать, как увидел Алексея Максимовича. И сразу же хорошее настроение оставило меня. Горький шел не один, его сопровождала целая компания: тут был и сын Горького Максим Алексеевич, и жена сына, и художница Ходасевич, и еще какие-то люди, которых я не знал.

Я уже хотел бежать, но Алексей Максимович увидел меня и окликнул. Пришлось подойти.

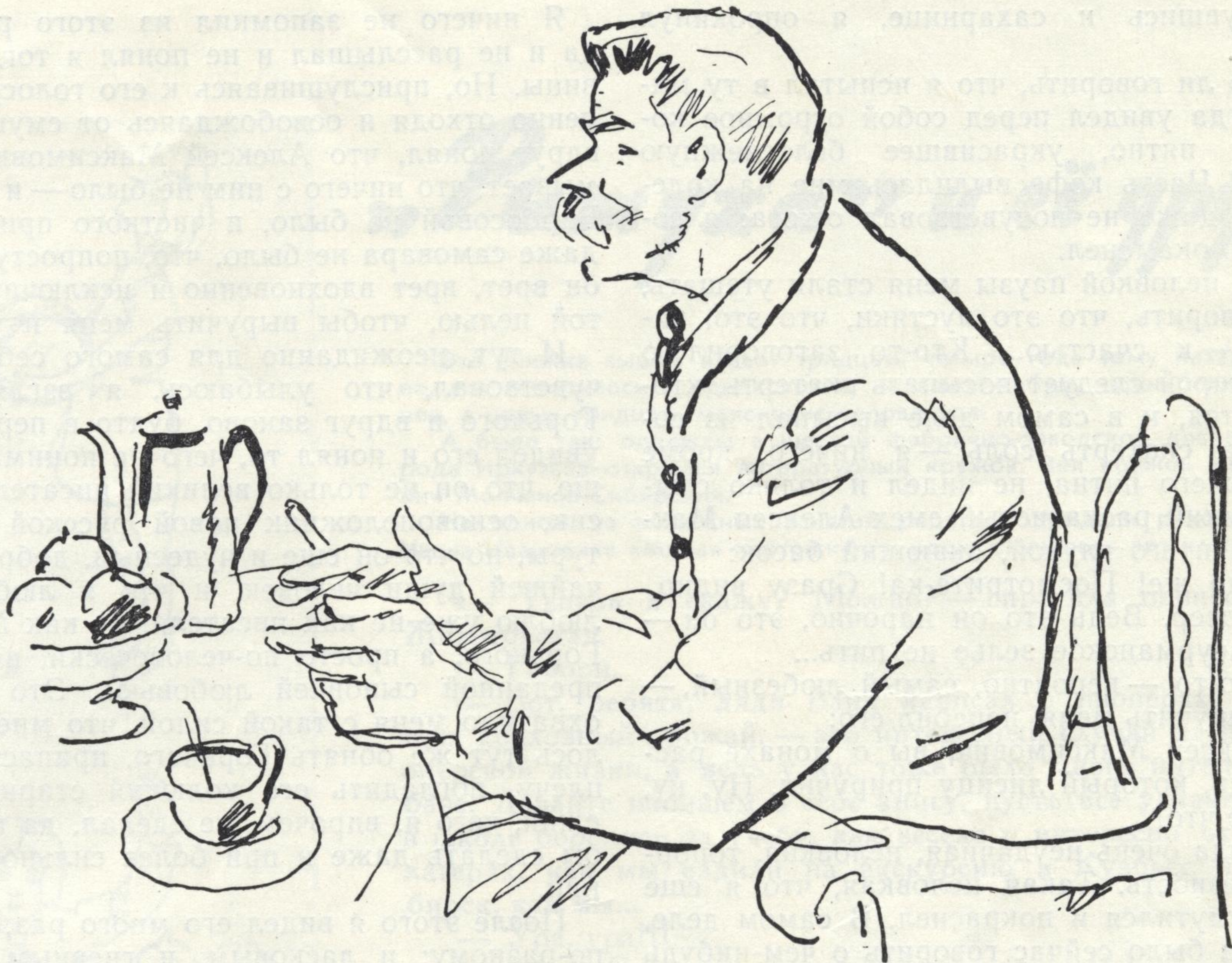
— Ведь вот какой легкий на помине, — сказал он, улыбаясь, пожимая мне руку и знакомя меня со своими спутниками. — А я как раз только что о вас говорил. Вспомнил, что мы условились, и — испугался...

Кланяясь направо и налево и пожимая, вероятно, по два и по три раза одни и те же руки, я сказал, что — ничего, что я зайду после, что мне было бы даже удобнее, если бы можно было зайти не сегодня, а как-нибудь в другой раз.

— Пойдемте, пойдемте, куда вы? — сказал Горький, взяв меня под руку и подмигивая мне: дескать, ладно, ври больше — «удобнее!»...

Я понял, что попался, и покорно последовал за всей компанией в гостиницу.

Может быть, это смешно, но это действительно была пытка для меня — эти час или полтора, которые я послушно, не имея уже ни сил, ни достаточных оправданий, чтобы уйти, просидел в обществе людей, среди которых только один был мне по-настоящему интересен, дорог и близок. Но и с ним в этот

раз я чувствовал себя неловко, поминутно вспыхивал, краснел, отвечая, не слышал собственного голоса. А об остальных и говорить нечего. Когда меня спрашивали о чем-нибудь, я только мычал и кивал головой.

Алексей Максимович вначале подшучивал надо мной, называл меня «барышней», «епархиалкой», пытался рассмешить, расшевелить, но потом, увидев, что это не помогает, что я еще больше смущаюсь и деревенею, оставил меня в покое и уже не заговаривал со мной, а только изредка поглядывал в мою сторону и улыбался.

Я почти не помню, о чем говорили тогда. Помню только, что Алексей Максимович рассказывал о Шаяпине, о том, что тот в последнее время, разбогатев, занялся скупкой домов в столичных европейских и американских городах и что эта деятельность как-то отразилась на его голосе: в нем будто бы появились «домовладельческие нотки». Говорил он еще о Зощенко, с удовольствием и почти дословно пересказал последний зощенковский рассказ. Говорили еще о ленинградских театрах, о последних газетных телеграммах... Потом вспомнили, что еще не завтракали, позвали официанта и заказали кофе.

Через пять минут появился официант в белоснежном адмиральском кителе и с огромным подносом, уставленным мельхиоровыми кофейниками, стаканами и корзиночками с сухарями. Надежда Алексеевна, невестка Горького, принялась разливать кофе, предложила и мне стакан. Я сделал попытку отказаться, но тут вмешался Алексей Максимович и стал опять подтрунивать надо мной:

— Вы что же это, старовер, что ли? Чайкофий не пьете? Кушайте, кушайте...

Он передал мне стакан, подвинул молочник и сахарницу, а сам заговорил о староверах и о каких-то сектантах, с которыми он встречался и беседовал во время своей недавней поездки в Соловки.

От волнения у меня уже давно пересохло в горле, и пить мне хотелось, — слушая Горького, я стал осторожно отхлебывать из стакана. Черный и неподслащенный кофе пить было очень невкусно, и вот — после некоторых внутренних колебаний — я собрался с духом и полез в сахарницу.

Тут-то и случилось то страшное, о чем я, собственно, и хотел рассказать в этих беглых заметках.

Потянувшись к сахарнице, я опрокинул стакан.

Нужно ли говорить, что я испытал в ту минуту, когда увидел перед собой огромное коричневое пятно, украсившее белоснежную скатерть! Часть кофе вылилась мне на колени, но я даже не почувствовал ожога: я совершенно окаменел.

После неловкой паузы меня стали утешать, стали говорить, что это пустяки, что это, видите ли — к счастью... Кто-то заговорил о соли, которой следует посыпать скатерть, кто-то, кажется, и в самом деле высыпал из солонки на скатерть соль, — я ничего, кроме этого рыжего пятна, не видел и только слышал громкий раскатистый смех Алексея Максимовича и его глухой, окающий басок:

— Надо же! Посмотрите-ка! Сразу видно, что старовер. Ведь это он нарочно, это он — чтобы басурманское зелье не пить...

Тут кто-то, — вероятно, самый любезный, — чтобы выручить меня, перебил его:

— Алексей Максимович, вы о монахе рассказывали, который лисицу приручил. Ну, ну, а дальше что?

Это была очень неудачная, неловкая, топорная любезность. Такая неловкая, что я еще больше смутился и покраснел. В самом деле, можно ли было сейчас говорить о чем-нибудь другом, как не о пролитом кофе и не о загубленной скатерти! И Алексей Максимович понял это.

— Что монах! — забасил он, перебивая другие голоса. — Я вам лучше расскажу, как я один раз самовар опрокинул — у купчихи Барбосовой в гостях на масленой...

И он стал рассказывать какую-то длинную и смешную историю о том, как в девяносто седьмом или в девяносто восьмом году он был приглашен в гости к нижегородской купчихе Барбосовой и как, зацепив рукавом за конфорку, опрокинул огромный, двухведерный самовар, ошпарив при этом колени какому-то частному пристава или казенному подрядчику...

Я ничего не запомнил из этого рассказа, да и не расслышал и не понял я тогда половины. Но, прислушиваясь к его голосу, постепенно отходя и освобождаясь от смущения, я вдруг понял, что Алексей Максимович выдумывает, что ничего с ним не было — и купчихи Барбосовой не было, и частного пристава, и даже самовара не было, что, попросту говоря, он врет, врет вдохновенно и исключительно с той целью, чтобы выручить меня и утешить.

И тут, неожиданно для самого себя, я почувствовал, что улыбаюсь, я взглянул на Горького и вдруг заново, будто в первый раз увидел его и понял то, чего не понимал раньше, что он не только великий писатель, классик, основоположник новой русской литературы, но что он еще и чудесный, добрый, тончайшей души человек, и что я люблю его, люблю уже не как писателя, не как Максима Горького, а просто по-человечески, нежной и преданной сыновней любовью... Это чувство охватило меня с такой силой, что мне захотелось тут же обнять Горького, припасть к его плечу, погладить его колючий стариковский ежик, чего я, впрочем, не сделал, да и не мог бы сделать даже и при более сильном желании.

После этого я видел его много раз, и видел по-разному: и ласковым, и гневным, и пасмурным, и по-мальчишески веселым... Видел его на трибуне, и за рабочим столом, и на прогулке, и в кругу семьи, и в обществе детей...

Он очень много сделал для меня, и у меня есть много поводов вспомнить о его добром сердце. Но когда много лет спустя душным июньским утром мне подали газету, где было сказано, что он умер, первое, что мне вспомнилось, — это не Москва, не особняк на Малой Никитской, не усадьба в Горках и даже не сам Горький, — первое, что я увидел перед собой, когда зажмурился от боли, — это полутемный номер Европейской гостиницы и огромное рыжее пятно на крахмальной скатерти...

„Рижуха“ и её друзья

Эта книжка вышла в свет тридцать четыре года тому назад. Написал ее, как говорилось в предисловии, не какой-нибудь один большой человек, а целых тридцать маленьких человечков.

А было так: однажды в шестой фабрично-заводской десятилетке города Иркутска открылся литературный кружок. Вел кружок Иван Иванович Молчанов-Сибирский.

На одном из начальных занятий ребята обсуждали рукопись поэмы Ивана Ивановича «Милая картошка», и вдруг случилось вот что:

«— Теперь я скажу? Можно? — спросила пионерка Соня Животовская.

— Говори.

— Вот, ребята, дядя Ваня написал о пионерах, охраняющих колхозный урожай, — это интересный случай из нашей пионерской жизни, а ведь у нас тоже было много интересного на базе. Давайте напишем о себе книгу, пусть все узнают, как мы в школе боролись за учебу, как весело и интересно отдыхали в лагерях, как мы ездили на экскурсию в Кузбасс и Новосибирск, как мы...

— Ура, ура!!!

— Ай да Соня — молодец, придумала.

— Напишем, ребята, ура!

— Вот книга-то интересная будет.

— Наверно, как только появится, в магазин пройти нельзя будет, все ребята в очередь за ней встанут.

— Еще чего доброго подерутся...»

Составили план, разбили его на много кусочков и принялись за дело. Писали, читали вслух, спорили, советовались.

А когда закончили и получили из издательства первый экземпляр, единогласно решили послать его Алексею Максимовичу Горькому. Что он скажет? Похвалит или поругает?

Прошло несколько месяцев, и в газете «Правда» появилась статья Горького «Мальчишкам и девочкам». А еще через несколько дней кружковцы получили от Горького письмо.

«...прочитал вашу книгу «База курносых». Очень интересная книжка, ребята».

Похвалил!

Но и поругал тут же:

«Разумеется, это еще не литература, а только приближение к ней, приближение очень издалека.

Я говорю с вами так серьезно и требовательно, как со взрослыми. Я ведь тоже начинал писать лет двенадцати, но я жил в других условиях, учить меня некому было...»

Была в письме Горького и такая строка:

«Аре Манжелес необходимо учиться рисовать. Я думаю, что у нее хорошая способность к этой работе».

Обложка книги „База курносых“

Ара Манжелес — одна из «курносых». Как и все остальные, она сочиняла для книжки рассказы и стихи. Но кроме того, она нарисовала ко всей книжке картинки. До сих пор, который бы раз ни переиздавалась, выходит «База курносых» с рисунками Ары.

Теперь надо сказать, что письмо Горького ребята получили не в Иркутске, а в Москве: издательство премировало их за книгу прекрасной экскурсией, «база курносых» встала на колеса и через всю страну приехала в столицу. И это — особая, необычайно радостная страница в жизни кружковцев.

В Москве они попали прямо на съезд писателей. Приветствовали съезд с трибуны. И Алла Каншина от волнения перепутала слова и начала так: «Ребята!..» Но писатели не обиделись, а захлопали, и кто-то в президиуме даже закричал «ура».

А потом «курносых» пригласил к себе Горький:

«— Приходите ко мне чай пить. Там мне груши и яблоки прислали из теплых стран».

И вот ребята дома у Горького, на Малой Никитской.

Пьют чай, рассказывают о том, как живут в Сибири, как ехали. Слушают рассказы Алексея Максимовича. Читают свои стихи, например, такие:

«У Зимнего дворца происходил бой.

Временное правительство закричало: «Ой!»

И давай скорее разбегаться».

— Учиться надо, учиться, — снова и снова советует им Горький.

Опять пора нам вспомнить об Аре Манжелес.

Когда Ара шла к Горькому, она заранее огорчалась: роста она маленького, язык подвешен не очень, — нет, не обратит Алексей Максимович на нее внимания!

А что вышло на самом деле, — пусть сама Ара и расскажет:

«... — А кто из вас Ара Манжелес?

Ничего не понимаю!

Дальнейшие события закружились колесом у меня в голове и сделали там ералаш из моих мысленок: «Как Алексей Максимович меня заметил?»

Я недоверчиво смотрю на него. Ему показывают:

— Вот она, Ара Манжелес, сидит красная как рак и грушу уничтожает.

Потом меня извлекли из-за стола, и Надежда Алексеевна Пешкова пошла мне показывать свою студию. Мы прошли по комнатам и стали по лестнице подниматься вверх. На лестнице ковер. Я жадно ловила каждую мелочь. По стенам светлой студии висели гипсовые маски с полуоткрытыми губами, слепоглазые; висели рисунки, сделанные углем...

Надежда Алексеевна допытывается:

— У тебя краски есть? Бумага?

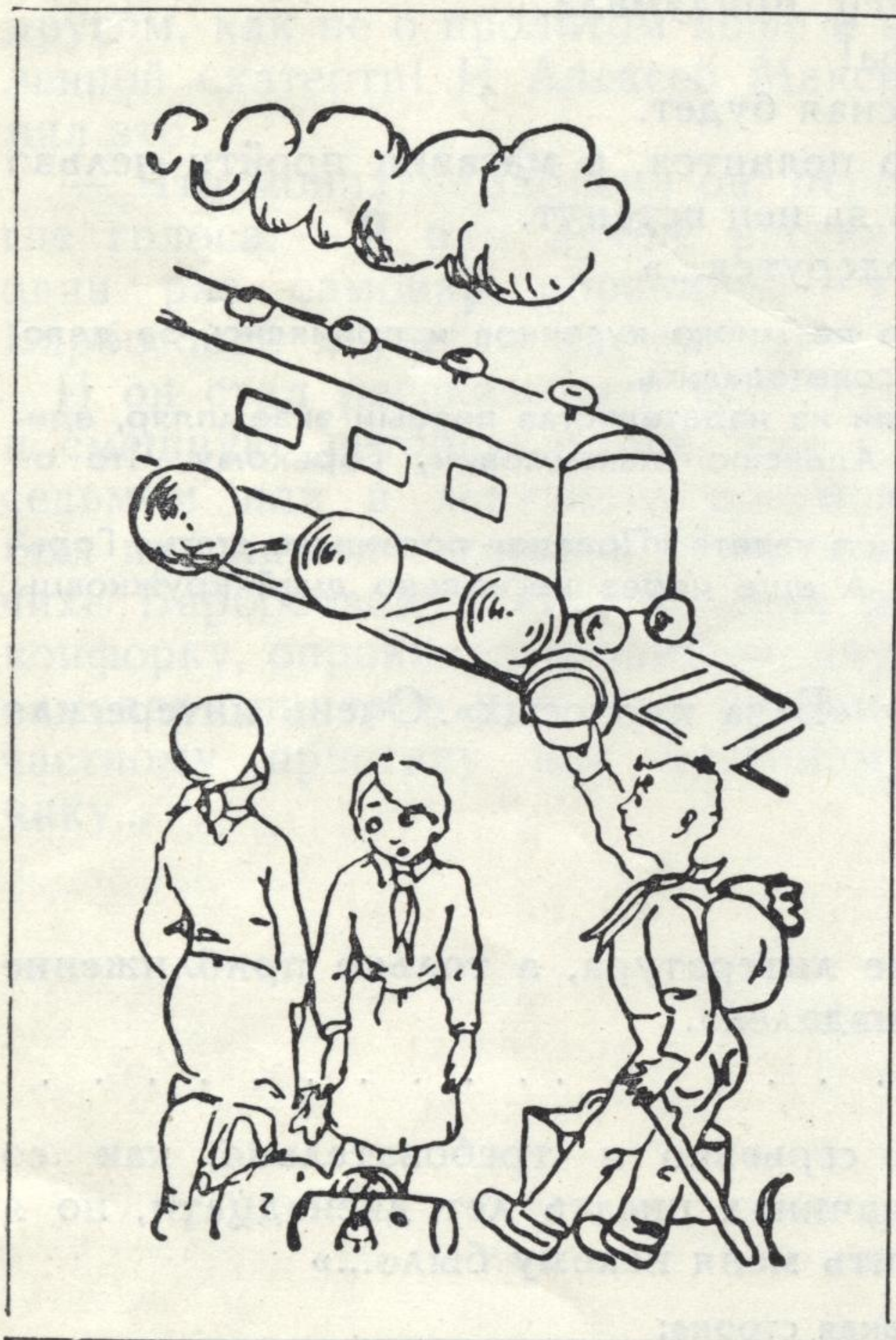
Я понимаю только одно: во мне приняли доброе, совсем не заслуженное мною участие, мне дают краски, бумагу, гипсовые слепки и говорят: «Учись, работай, расти, срисовывай до тех пор, пока не срисуешь хорошо, а потом посмотрим и, может быть, возьмем тебя в академию».

Я, оглушенная, возвращаюсь к ребятам.

Уходили мы и наперебой старались дотронуться до руки Алексея Максимовича, погладить и унести частичку тепла на всю жизнь.

— Алексей Максимович, — сказала я жидким от волнения голосом, — разрешите вас поблагодарить... (Ах, не то я говорю).

— За что? — он поднял удивленно брови. Стоит передо мной — большой... Мне захотелось броситься к нему и

Один из рисунков Ары Манжелес

прижаться лицом к его серому костюму. У меня сдавило в горле. Я всхлипнула и почему-то засунула себе в рот кончик галстука.

Он сказал:

— За что? — и заплакал.

Потом он махал нам с крыльца и кричал мне:

— Погоди, рыжуха!»

Это все уже из второй части книги «База курносых». Ее написали кружковцы после возвращения из Москвы. И назвали ее, конечно же, «В гостях у Горького».

А дальше? Дальше детство кончалось. Была молодость. И война. И зрелые, послевоенные годы.

Володя Периков, Юра Буйглишвилли, Яша Таубер, Абрам Яжемский никогда больше не придут на традиционные встречи «курносых». Они погибли.

Умер десять лет назад «дядя Ваня», Иван Иванович Молчанов-Сибирский, которому Горький на подаренной книжке «В людях» сделал такую надпись: «Хорошее дело делаете, дядя!»

А остальные?

Одни стали писателями, журналистами, другие — докторами технических наук, третьи — просто докторами, инженерами, бухгалтерами. Разъехались по стране. Редко видятся. Но никогда не забывают друг о друге.

А «рыжуха» Ара Манжелес?

Ариадна Васильевна Манжелес — скульптор. Она училась в художественной школе, закончила Академию художеств.

Огромный бронзовый барельеф Ивана Петровича Павлова украшает станцию ленинградского метро «Технологическая». Это работа Ары. Киров, Зоя Космодемьянская, Аркадий Гайдар, адмирал Лазарев — разве перечислить сейчас все скульптурные портреты, которые родились в ее мастерской!

Всякий раз, заканчивая очередную работу, она думает:

— Следующей будет Горький.

И всякий раз откладывает... Словно удерживает себя: «Рано, еще не готова».

Она уже видит эту скульптуру во всех деталях. Горький сидит на скамье. Точно такой, каким запомнился: сутулый, худой, с хитринкой в глазах.

Справа от него — мальчишка-пионер. Это Рафка Буйглишвилли. Тот самый, который срывающимся от волнения голосом читал:

«Вам, дорогой товарищ Горький, Я посвящаю этот стих...»

Рядом с Рафкой — пионервожатая «курносых», Галя Кожевина.

По другую сторону от Алексея Максимовича — еще двое: мальчуган с горном и девочка с книгой.

У мальчугана широкое лицо и чуть раскосые монгольские глаза. Совсем как у Абы Шаракшанэ. А девочка... Она, наверное, будет очень похожей на Соню Животовскую. Ту самую заводилу Соню, которая и предложила когда-то написать «Базу курносых».

М. Мамедов

В гостях у Горького

„Курносые“ и их руководитель „дядя Ваня“

Скульптор Ариадна Васильевна Манжелес

Нынче всё наоборот

ПОВЕСТЬ

Юрий Толин

Рисунки М. Беломлинского

8. ЕЩЕ ПАПА

Галкина мама немного преувеличивала, когда сказала, что папа «очень» расстроился из-за часов. «Очень» папа никогда не расстраивался. Это бывает только с нервными людьми. Но нервным людям не доверяют водить пассажирские самолеты. Даже грузовые и то не доверяют. А Галкин папа водил четырехмоторный «ИЛ-18». Иногда он улетал на сутки, а иногда и на несколько дней. Галке нравилось, когда он улетал на несколько дней. Это означало дальний рейс — Хабаровск, Владивосток или Камчатка. Из дальних рейсов папа привозил подарки, от которых в школе завистники слезами плакали. За один только зуб кашалота Серега Кабанов предлагал Галке велосипед без заднего колеса и почти новенький скелет лягушки. Конечно, зуба Серега не получил. Галка, разумеется, тоже не получила ничего, кроме подзатыльника от Сереги. Сереге была дана сдача, а остальное он получил от учительницы зоологии, когда выяснилось, что из кабинета исчез тот самый скелет.

Зуб лежал на Галкином столе. Прекрасный, желтоватый громадный зуб. Нормальному человеку одного такого зуба на всю жизнь бы хватило. Но это было еще не все. Там же стояла стеклянная банка с заспиртованным осьминогом, самым настоящим, только очень маленьким.

За осьминога Галке ничего не давали. Все

понимали, что он просто бесценный. За него можно было отдать всю школу вместе с учителями, а может быть, и с самим директором.

Вот почему Галке нравились дальние рейсы.

А маме эти рейсы не нравились, хотя она тоже получала подарки. Мама хотела, чтобы в доме было поменьше подарков и побольше папы.

Но сегодня Галка не ждала никаких подарков. И от этого ей было даже немного легче. Отец ей ничего, и она ему ничего. Или как бы это лучше сказать: он ей ничего, а она ему чего... В общем, так: Галка без подарка, а отец без часов.

Когда Галка пришла домой, папы еще не было. Мама вышла ей навстречу, грустно взглянула на нее, сказала: «Еда в кухне, на столе» и ушла в свою комнату.

Галка возила ложкой в тарелке с домашней лапшой, и мысли ее тоже были тягучие и скучные, как лапша. Мама ходит расстроенная. В квартире тихо и как-то уныло. Скоро придет папа. Папа будет говорить с Галкой, но ничего такого уж страшного он ей не скажет — папа очень спокойный и никогда не нервничает. А мама все равно будет расстраиваться. И в квартире опять будет тихо. И скоро папа снова улетит в рейс...

И Галке уже начало казаться, что зря она затеяла всю эту историю. Но тут она вспомнила, с каким восторгом смотрели на нее в школе ребята, когда она храбро разговаривала с практикантом, и ей стало легче.

Но сразу же она снова подумала о маме, и ей стало тяжелее.

Тогда она стала думать о Славике и Юрке, которых она так здорово выручила, и ей опять стало легче.

Так она сидела за столом, неохотно ела лапшу, думала то о ребятах, то о себе, то о маме, и ей становилось то легче, то тяжелее.

Когда раздался звонок, Галка не побежала папе навстречу, как обычно, а осталась сидеть за столом.

Послышались торопливые мамины шаги. Щелкнул замок. По очереди чмокнули два поцелуя.

Продолжение. См. «Костер» №№ 1—2, 1968 г.

— Все хорошо? — спросила мама.

— Как обычно, — ответил папа. — Галка дома?

— Дома, — сказала мама и вздохнула.

— Чтонибудь случилось? — спросил папа и тут же вспомнил: — Ах, да, часы. Жалко, конечно. Ну, ты не расстраивайся. Ведь не нарочно она это сделала.

— Мне с тобой нужно поговорить, — шепотом сказала мама. — Идем в комнату.

— Что, прямо сразу?

— Немедленно, — прошептала мама.

Снова стало тихо. За закрытой дверью, словно вдалеке, шелестел мамин голос. Папа молчал. Потом послышался его голос:

— Это не серьезно.

Мама в ответ опять зашелестела что-то очень быстро и настойчиво. Папа сказал:

— Ну, хорошо, давай ее сюда.

Мама вышла в коридор и, не заглядывая в кухню, позвала Галку.

Папа сидел на тахте, на нормальной тахте, но она казалась маленькой, почти кукольной по сравнению с папой. Мама села рядом с ним, сложила на коленях руки и сразу тоже стала маленькой, словно внезапно превратилась в девочку.

— Здравствуй, — сказал папа.

— Здравствуй, как прошел полет?

— Нормально. А как у тебя дела?

— Нормально.

Уголки папиных губ дрогнули, и лицо его сразу стало таким знакомым, домашним, таким папиным, что Галке захотелось броситься к нему, обнять, извиниться за часы или сделать что-нибудь, отчего все станет по-прежнему. Так бы оно, возможно, и случилось. Но рядом сидела мама. Она смотрела на Галку трагическим взглядом. Она была сейчас совсем не такой, как папа. И перед ней почему-то извиняться не хотелось. Галка осталась на месте.

— Ну, вот что, — сказал папа. — Часы мы вспоминать не будем. Мама мне все рассказала. Бывает и на старуху проруха, а ты у нас пока не совсем старая. Часы, конечно, жалко: с ними еще мой прадед по морям плавал. Прадеда они пе-

режили, деда пережили, отца пережили, меня уж не переживут. Может, оно и к лучшему... Но вот мама мне сказала, что ты тут бунт устроила?

— Я бунт не устраивала.

— Ну вот, — папа обернулся к маме, — я же говорил.

— Галочка, — сказала мама, — вчера ты мне заявила, что отказываешься меня слушаться. Неужели ты будешь это отрицать?

— Я не отрицаю.

— Значит, это правда? — спросил папа.

— Правда.

— Ну, так это и называется бунт. А зачем тебе это нужно?

Галка промолчала.

— Ты про Пугачевский бунт слыхала?

— Слыхала.

— Пугачев для народа воли требовал. А ты чего требуешь? Ведь просто так никто не бунтует. Что же тебе нужно?

— Она сама не знает, что ей нужно, — сказала мама. — Она хочет, чтобы перед ней на цыпочках ходили.

— Это мы с тобой так думаем, — сказал папа, — а интересно, что она думает. Или, может, вообще все это чепуха и

разговора не стоит, а, Галка? — Папа говорил спокойно и дружелюбно, как всегда. А Галке было как-то неважно. Не то чтобы она чувствовала себя глупой, но умной тоже не чувствовала.

— Ну, ладно, — сказал папа, — что было, то прошло.

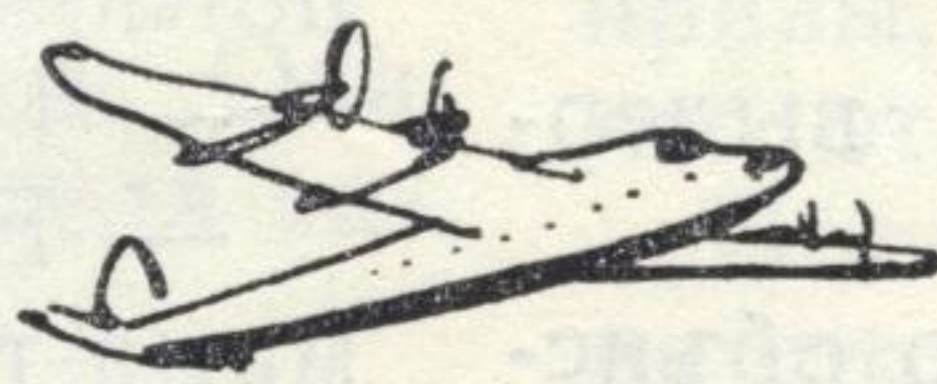
— Но она отказывается делать уроки! — воскликнула мама.

— А это почему? — спросил папа. — Не хочешь нас слушаться — не слушайся, пожалуйста...

— Что ты говоришь! — мама от волнения даже привстала.

— А что, — сказал папа. — Даже интересно посмотреть, что из этого получится. Только не понимаю, при чем тут уроки. Уроки ведь от нас не зависят, они сами по себе, а, Галка?

Самое неприятное для Галки было в том, что папа не удивлялся. Он даже как будто соглашался с тем, что Галка может поступать как ей вздумается. Только он хотел понять—

зачем? И на этот вопрос нужно было ответить немедленно. Или просто надо было признаться, что все это глупости. Но признаваться в своих глупостях не так-то легко. Пожалуй, даже трудно. А иногда и вовсе невозможно.

— Мы так договорились, — сказала Галка. — И я не хочу быть обманщицей. Это нечестно.

— Вы договорились не делать уроки, никого не слушаться и вообще вести себя так, как вам хочется? — спросил папа.

— Да.

— А с кем, если не секрет, ты договорилась?

— С Барышевым и Карасиком.

— Ну, тогда понятно, — сказал папа. — Если договорились — ничего не поделаешь. А как у них, получается?

Папа говорил серьезно. Так серьезно, как говорят люди, когда они изо всех сил сдерживаются, чтобы не рассмеяться. Галке это не нравилось. Выходило, будто они со Славиком и Юркой затеяли такую чепуху, на которую и сердиться не стоило. Если бы не мама, то Галке было бы совсем худо. Но мама вела себя так, как надо. Она вздыхала, покачивала головой, и в глазах ее было недоумение и даже страх.

— У них получается и у меня получается, — сказала Галка.

— Но зачем вам это нужно? — не выдержала мама.

— А ты знаешь, это не всегда легко объяснить, — сказал папа, и в голосе его звучало сочувствие к нелегкой Галкиной доле. — Мы спрашиваем ее одну, а ей, оказывается, приходится отвечать за троих. Когда уговариваются трое, да еще на такое серьезное дело, да еще у них получается, — тут и отступить как-то неловко. Верно, Галка?

Галка промолчала. Не хватало еще поддакивать, если над тобой посмеиваются.

— Мы вот тоже уговорились, — продолжал папа, — весь экипаж — задание выполнять только на отлично. Пока получается. А если хоть один раз выйдет не отлично, а просто хорошо — ведь смеяться будут. Скажут: обещания берете, а не выполняете. Тут уж волей-неволей — тяни на отлично.

— Не смешивай понятия, — строго сказала мама. — Вы уговариваетесь на хорошее дело...

— А они на плохое, — возразил папа. — Над нами будут смеяться, если у нас хуже получится, а над ними — если лучше.

При этих словах папа подмигнул маме левым, ближним к ней глазом. Но глаз этот был ближним и к Галке. Она заметила отцовские

фокусы. А мама заметила, что Галка заметила, и сказала неумолимым и обиженным голосом:

— Я не вижу здесь повода для шуток.

— Я не шучу, — ответил папа. — Я просто уважаю чужие уговоры. А теперь я хотел бы пообедать.

Мама поднялась с обиженным видом. Она выпрямилась и зашагала к двери, неприступная, словно солдат на параде.

Из кухни послышалось звяканье посуды.

Папа тоже встал. Он снял свой форменный китель, повесил его в шкаф. Пока он пристраивал китель на плечики, Галка осторожно передвинулась, чтобы освободить затекшую ногу. Диван скрипнул, и лицо Галки стало виноватым, словно она сделала что-то недозволенное.

— А все же, что произошло с часами? — спросил папа, не оборачиваясь.

— Сварила, — ответила Галка быстро: она ждала этого вопроса.

Как всегда, папе не потребовалось ничего объяснять. Он все понял сразу.

— Вкрутую? — спросил он серьезно.

— Хотела всмятку.

— Понятно, — сказал папа. — А потом решила: семь бед — один ответ? Так?

— А что?

— А ничего, — сказал папа. — Только мама, по-моему, очень расстроена.

— И я тоже расстроена.

— Еще бы, — согласился папа. — Но ведь мама-то совсем ни при чем. Стоит ли ее наказывать?

Галка вздохнула. Но решила промолчать. Отступить вот так, сразу, ей не хотелось.

— Еда на столе, — донеслось из кухни.

— Ты обедала? — спросил папа.

— Обедала.

— Может, еще раз, за компанию?

— Я обедала, — повторила Галка, злясь на себя за то, что ей не хочется быть суровой.

Папа вышел из комнаты.

Некоторое время из кухни доносились только обеденные звуки: то ложка звякнет о тарелку, то кастрюля грохнет о плиту. Но вот послышался приглушенный мамин голос. Она говорила быстро и длинно. Папа отвечал спокойно и коротко, но слов разобрать было невозможно.

Галка прокралась в коридор.

— Я тебя не понимаю, — услышала она мамин голос. — Ты ведешь себя так, словно это не твой ребенок.

— А как я должен себя вести? — спросил папа.

— Нужно что-нибудь с ней сделать.

— Что?

— Я не знаю, но меня очень волнует ее теперешнее поведение. Конечно, если тебе безразлично...

— Мне не безразлично. Просто я не вижу повода для паники. Эта забава быстро ей надоест. Главное, чтобы она сама убедилась, что это бессмысленно.

— А я вижу повод для паники, — сказала мама. — Ты посмотри, как она изменилась. У нее почти не осталось подруг. Все время носит с мальчишками. Я не удивлюсь, если узнаю, что она гоняет с ними футбольный мяч.

— Чем же тебе не нравятся мальчишки?

— Не знаю, — сказала мама. — Но я знаю, что она моя дочь. Она девочка, а не мальчишка. Она должна следить за собой, а не приходиться домой с изодранными коленками. Должна она, в конце концов, быть в какой-то мере женственной?

«Ого!» — подумала Галка. Мамины слова о женственности чрезвычайно ее заинтересовали. Галка продвинулась поближе к кухне, но в это время мама встала и закрыла дверь.

Галка вернулась в комнату и встала перед зеркалом. Там отразилась длинноногая девчонка в школьном коричневом платье. На ногах этой девчонки были чулки, и никаких царапин на коленке не было видно.

«Кажется, женственная», — подумала Галка.

Она раскинула руки в стороны и повернулась на одной ноге, словно балерина. Она улыбнулась своему отражению и увидела синие от чернил зубы.

«Неужели не женственная?»

Галка крутнулась еще раз. Длинная коса, которой так гордилась мама, хлестнула Галку по лицу. Она ухватила косу за хвост, обернула ее вокруг шеи. Получился меховой воротник.

«Нет, все-таки женственная!» — решила Галка и быстро отошла от зеркала, чтобы еще раз не передумать.

Женственной походкой приблизилась Галка к кухонной двери и приложила к ней свое женственное ухо. Говорили уже не о ней.

— Конечно, разве ты можешь понять, что такое быть женой летчика, — сказала мама.

— Не могу, никогда не был замужем. — По тону отца Галка поняла, что он улыбается.

— Оставь свои авиационные шутки, — сказала мама. — Сбереги их для аэродрома. Конечно, не тебе приходится сидеть дома одному и ждать. По два дня ждать, по пять дней...

— И по неделе, если погода нелетная, — уточнил папа.

— Да, и по неделе!

— Может быть, мы прекратим этот раз-

говор? — спросил папа. — Мне еще далеко до пенсии.

— А мне надоело все время ждать!

— Есть выход, — сказал папа.

— Не вижу.

— Поступай на работу.

— Вот как! По-твоему, я бездельничаю?

— Я этого не говорил. Я знаю, что дома работы хватает. Но если тебе надоело сидеть дома, выход только один.

— Конечно, ты всегда прав, а я всегда виновата!

— Но я же тебя ни в чем не обвиняю, — сказал папа спокойно.

— Не кричи на меня! — немедленно отозвалась мама.

В кухне стало тихо. Там над чем-то задумались. Задумалась и Галка. Когда говорила мама, Галка была за маму. Когда папа ей отвечал, Галка была за папу. Они оба были правы, и все же ссорились, и Галка понимала, что эта негромкая ссора началась из-за нее.

Послышался звук табуретки, отодвигаемой от стола. Галка неженственно метнулась в коридор и застыла у двери.

Из кухни вышел папа. Он направился в комнату, достал из шкафа китель и надел его. Затем взял свой портфель, вышел в коридор, и в этот момент из кухни выглянула мама. Лицо у нее было растерянное.

— Ты уже уходишь? — косясь на Галку, спросила она фальшивым голосом.

— Я совсем забыл: у нас сегодня собрание, — ответил папа голосом не менее фальшивым.

— Постарайся не задерживаться долго, — сказала мама голосом фальшивым до предела и удалилась в спальню.

Папа без обычной улыбки кивнул Галке и захлопнул за собой дверь.

Галка осталась одна в пустом коридоре. Она уже жалела, что подслушала разговор на кухне. Лучше бы она ничего не знала. И тогда ей не было бы неловко за родителей, которые не очень умело только что делали вид, будто ничего не случилось.

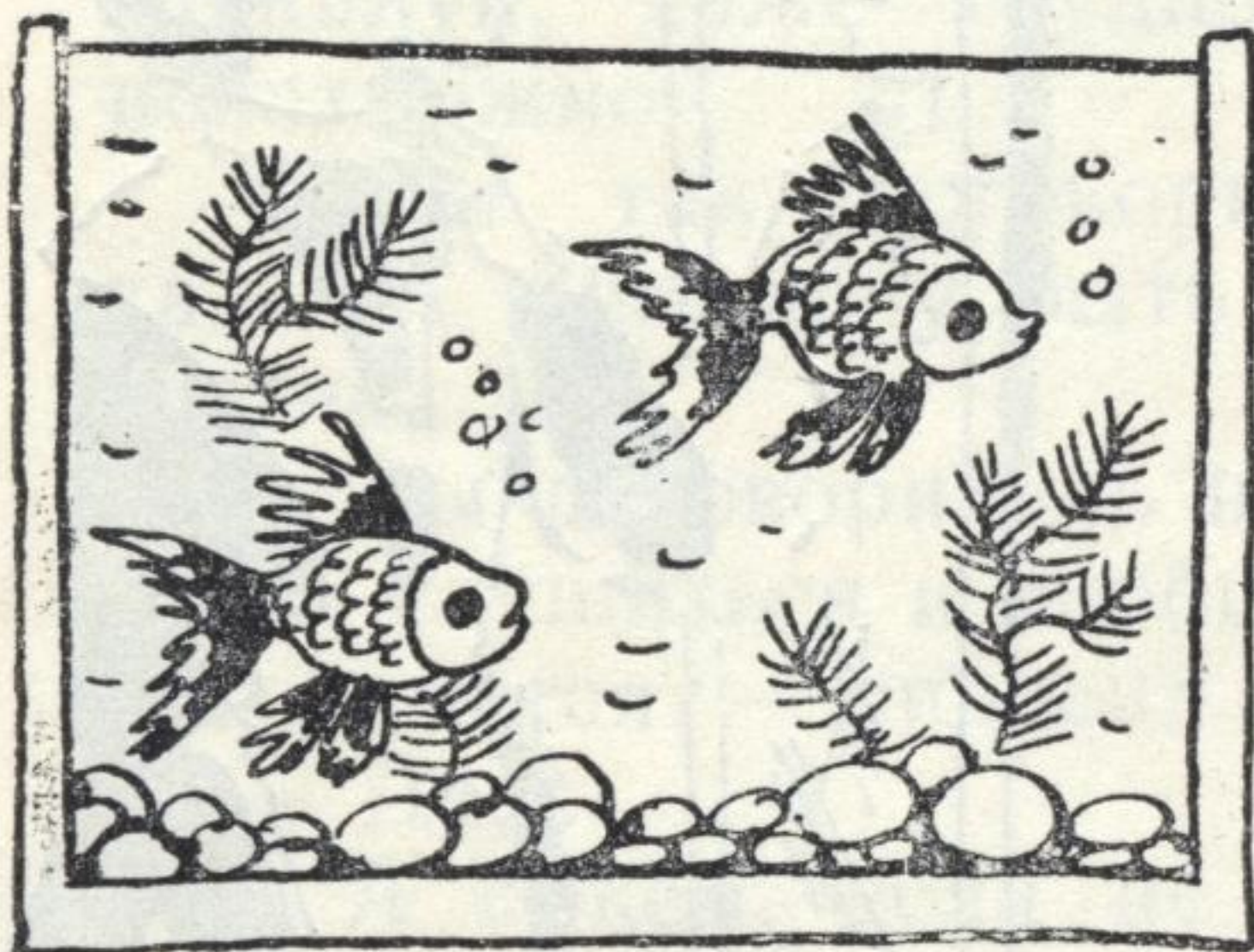
А еще больше ей было неловко за себя,

«Кажется, женственная», — подумала Галка...

ибо она понимала, что это она заставила их разговаривать фальшивыми голосами.

Неженственно вздернув плечи, Галка вошла в комнату и закрыла за собой дверь.

9.

БАБУШКА

Второй день Юрка Карасик спасался у бабушки. Это были очень длинные дни. Он слонялся по комнате или подолгу стоял у окна, разглядывая улицу. Ему не хотелось ни читать, ни слушать радио. Не хотелось ни есть, ни гулять. Он маялся и, глядя на него, маялась бабушка.

У бабушки был аквариум. Там плавали золотые рыбки. Но это были не те рыбки, которые могли совершить чудо, хотя Юрка и пробовал с ними договориться. Беззвучно шевеля губами, притворяясь сам перед собой, будто шутит, он попросил у них пылесос, зеркало, часы и приемник. Но рыбки ничего не хотели знать. Они плавали у поверхности, беззвучно разевали рты, глотая пузырьки воздуха, и ни одна из них не заговорила человеческим голосом.

— Ты чего там гримасничаешь? — спросила бабушка.

— Я не гримасничаю.

— Ох, шел бы ты лучше домой. И у меня на тебя глядя душа болит, и мать беспокойна. Вчера — уж ты спать лег — звонила. Кричит на меня, говорит — я тебя укрываю.

— Разве она на тебя тоже кричит? — спросил Юрка. — Ведь ты ей мама.

— Так и что же, что мама. Тебе она тоже мама, а ей от тебя одно горе. Ты ее обижаешь, а она меня. Нынче дети умней отца с матерью. А я когда росла, не то что кричать, пискнуть не смела. Нас у отца, твоего прадеда, было двенадцать человек. Я — старшая, мне больше всех и доставалось.

— А за что? — спросил Юрка.

— А за все. Помню, один раз материны туфли надела, уж так мне хотелось по деревне в новых туфлях пройтись... И ведь даже не запачкала их, не испортила... Домой вернулась, а меня отец как начал с руки на руку перекидывать: то по одному уху, то по другому, я и качаюсь, словно маятник. А убе-

жать или там спрятаться — избави бог! Да и куда убежишь?

— В детский дом! — сказал Юрка, удивляясь бабушкиной недогадливости.

— Не было тогда детских домов. Да и обычая бегать не было. Бьют — терпи. У нас в роду все битые, один ты небитый растешь.

— Ну да, — возразил Юрка, — она меня всегда по затылку бьет.

— Это не бьет, а считай — гладит.

— А ты маму била?

— А тебе зачем знать?! — рассердилась бабушка. — Давно было. Не помню. А била, так за дело. Иди лучше погуляй, зачем вопрошать.

— Не хочется.

— С Фоксиком пойдешь, сосед просил, он сегодня за город уехал. Ты иди в садик, а я к маме схожу. Без телефона мы с ней лучше поладим.

Пока бабушка одевалась, Юрка пошел на кухню за Фоксиком. Тот лежал под столом, положив голову на передние лапы, и смотрел на Юрку грустными черными глазками. Короткий хвост Фоксика чуть дрогнул в знак того, что он узнал Юрку. Маленький, с курчавой шерстью, задумчивый и смирный на вид Фоксик был похож на игрушечного. Но это только на вид. Внутри Фоксика сидел настоящий черт. Когда он выходил во двор, то кошки разбегались от него с такой поспешностью, словно он был начинен динамитом. Большие собаки, услышав предостерегающее ворчание Фоксика, не торопились подойти поближе к нему для знакомства. Он не боялся ни собак, ни автомашин, ни трамваев. Не боялся он и людей, но терпел их присутствие, если они не лезли к нему со своими ласками. Люди обижались на это и совершенно напрасно. Будь они на месте Фоксика, им бы тоже не понравилось, если бы каждый прохожий старался их погладить. Фокстерьер ведь не кошка. И если у людей не хватает понятия отличить фокса от кошки, то и нечего приставать со своими нежностями.

К Юрке Фоксик относился неплохо по двум причинам: Юрка охотно играл с ним в прятки, от Юрки не пахло табаком, вином, одеколоном, сапожной ваксой и прочими совершенно невыносимыми для Фоксика запахами.

— Фоксик, гулять пойдешь? — спросил Юрка.

Фоксик поднялся, неторопливо, с достоинством потянулся и внимательно посмотрел Юрке в глаза, проверяя, не шутка ли это.

— Гулять! — повторил Юрка.

Фоксик прошел в переднюю и уселся возле гвоздя, на котором висели его поводок и

ошейник. Он терпеливо ждал, пока Юрка наденет на него ошейник и пристегнет поводок.

— Ты его не спускай, — посоветовала бабушка. — Он хоть и мал, а такой скандал может учинить — не обрадуешься. И по улицам не ходи, иди сразу в садик.

Но Юрка не пошел в садик. Сдерживая на поводке Фоксика, рвавшегося во все подворотни в поисках кошек, Юрка тайком шел за бабушкой. Зачем он так делал — и сам не знал. Он проводил бабушку до своей парадной, забежал во двор и увидел, как в окнах их комнаты зажегся свет. Значит, мама была дома. Почему-то Юрке стало от этого веселее. Он постоял еще немного во дворе и побежал в садик.

Несмотря на запрещение, Юрка спустил Фоксика с поводка, как только они оказались в дальнем углу. Это был тот самый угол, где стояла с веслом одноногая и одноухая женщина. Туда редко заглядывали люди, и Фоксик мог носиться здесь сколько угодно, распутывая кошачьи и собачьи следы.

Юрка нашел палку, и они с Фоксиком принялись играть в игру, которая одинаково нравится и собакам и людям. Юрка швырял палку подальше, а Фоксик приносил ее и клал к Юркиным ногам. Юрка смотрел на игру с человеческой точки зрения. Ему было приятно, что у него такой умный пес, что он старательно выполняет его желания и приносит палку. Фоксик смотрел на все глазами собаки. Ему тоже было приятно, что у него такой умный Юрка, что Юрка старательно выполняет его, Фоксика, желание и старается забросить палку подальше! Они оба были довольны друг другом.

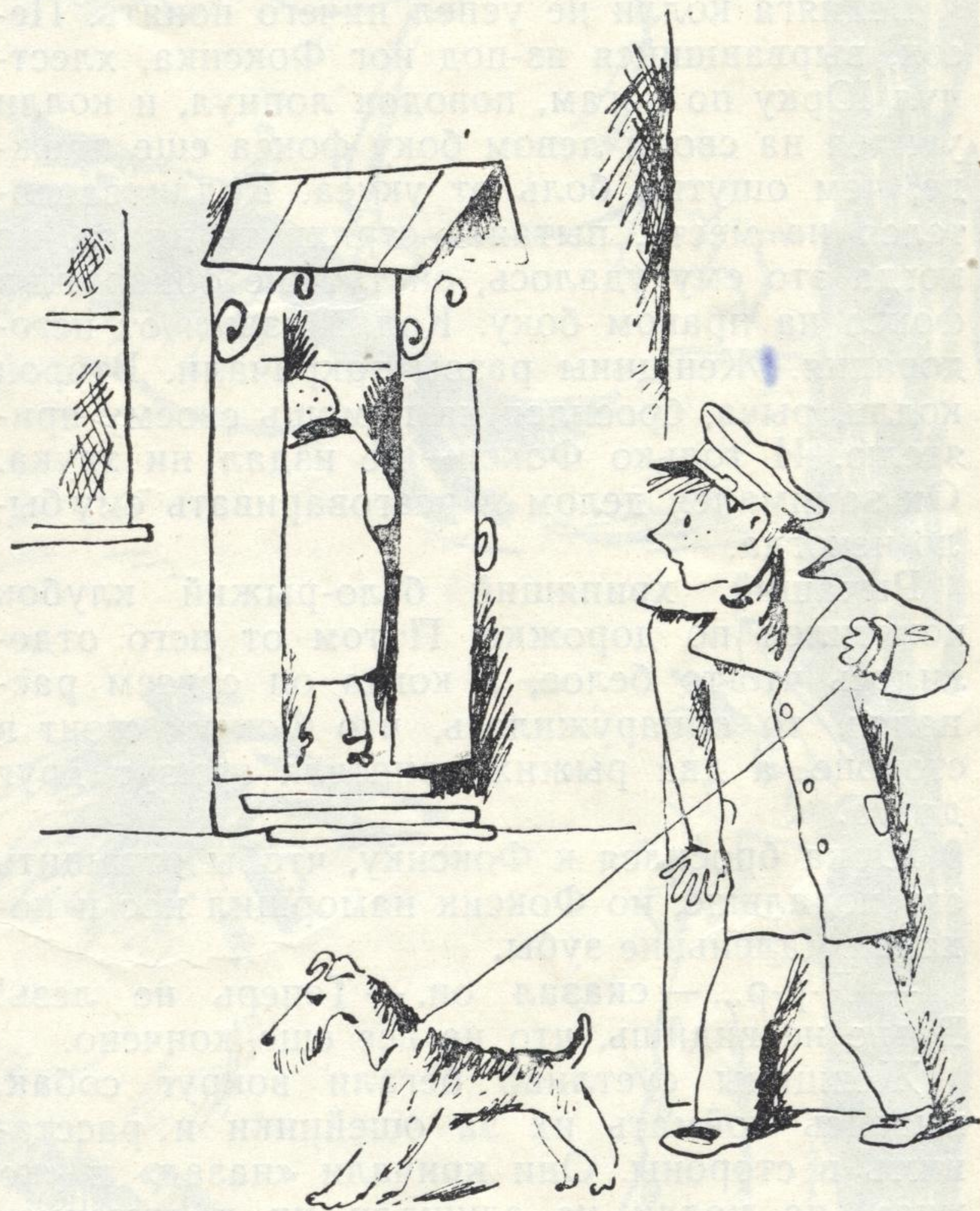
Внезапно Фоксик насторожился. Принеся палку, он не подал ее Юрке, а улегся на нее и придавил передними лапами. Юрка взглянул туда, куда смотрел Фоксик. Он увидел двух женщин, которые шли по направлению к нему, а впереди них, гордо вскинув рыжие лисьи морды, выступали две большие овчарки колли. Все это выглядело так торжественно, что Юрка почувствовал себя совсем ничтожным со своим маленьким фоксом.

Колли увидели Фокса, напряглись и загарцевали, натягивая поводки. Но женщины, увлеченные разговором, ничего еще не заметили.

Где-то в глубине маленького, курчавого тела фокса родился стонущий звук. Но это была не жалоба и не страх при виде двух больших псов. Фокс изнывал от желания вступить в бой. Ему так редко приходилось драться, что было бы просто глупо упустить такой исключительный случай. Но под

передними лапами Фокса лежала палка. Его палка, пропахшая его запахом и ставшая как бы частью его самого. Он не раздумывал бы ни секунды, не будь этой палки, которую нельзя оставлять без присмотра. Но он понимал, что невозможно драться с палкой в зубах, и потому стонал, как в бессилии стонет боец, у которого связаны руки.

Юрка пристегнул поводок. Фокс даже не шелохнулся. Он смотрел на овчарок, и глаза его, казалось, молили, чтобы те подошли поближе. Овчарки заскулили и рванулись к фоксу, и тут женщины заметили Юрку.

Юрка тайком шел за бабушкой...

— Какой славный фокстерьер, — сказала одна из женщин. — Просто прелесть. Кто мать?

Вопрос был обращен к Юрке. Юрка немного удивился, но ответил:

— Моя мама работает в парикмахерской. Женщина засмеялась.

— Я не про твоих родителей спрашиваю. У твоего фокстерьера должна быть родословная. Есть у него родословная?

— Есть, — сказал Юрка, хотя и не знал, что такое родословная. У Фоксика было все, что нужно — в этом Юрка не сомневался.

— А может быть, он беспородный? — сказала вторая женщина.

— Нет, — возразила первая, — посмотрите на морду. Настоящий фокс. А какие уши! — Она протянула руку, словно хотела дотронуться до ушей. Ее колли тут же рванулся к Фоксику. И Фоксик не выдержал.

Фокстерьеры никогда не отличались большим терпением. Крепя сердце они еще могут вытерпеть прикосновение постороннего человека. Но собакам они ничего не прощают. Фоксы не раздумывают, сильнее они или слабее врага. Они бросаются в бой, как птица в полет, не колеблясь, не размышляя.

Бедняга колли не успел ничего понять. Песок, вырвавшийся из-под ног Фоксика, хлестнул Юрку по ногам, поводок лопнул, и колли увидел на своем левом боку фокса еще прежде, чем ощутил боль от укуса. Колли завертелся на месте, пытаясь стряхнуть врага, но когда это ему удалось, он тут же обнаружил фокса на правом боку. Колли взвыл от негодования. Женщины разом закричали. Второй колли, рыча, бросился на помощь своему приятелю. И только Фоксик не издал ни звука. Он занимался делом и разговаривать ему было некогда.

Рычащий, хрипящий бело-рыжий клубок покатился по дорожке. Потом от него отделилось что-то белое, а когда он совсем распался, то обнаружилось, что Фоксик стоит в стороне, а два рыжих приятеля грызут друг друга.

Юрка бросился к Фоксику, чтобы оттащить его подальше, но Фоксик наморщил нос и показал маленькие зубы.

— Р-р-р... — сказал он. — Теперь не лезь! Разве не видишь, что не все еще кончено.

Женщины суетливо бегали вокруг собак, пытаясь поймать их за ошейники и расстать в стороны. Они кричали «назад» и «ко мне», но колли не слушали их и грызлись с таким ожесточением, словно ненавидели друг друга уже тысячи лет.

Наконец одной из женщин удалось оттащить своего пса. Второй тут же вскочил на ноги, и оба они, сразу остыв, смотрели друг на друга с недоумением.

— Так это ты?! — спрашивал, казалось, один. — Так это мы с тобой дрались?

— Я и сам удивляюсь! — отвечал другой. — Из-за чего же все это вышло?

Но Фоксик, который прекрасно помнил, из-за чего все вышло, еще не считал дело законченным. В три прыжка набрав скорость, как маленький истребитель, он взвился в воздух и снова повис на боку второго колли. И тут произошло чудо, если, конечно, считать чудом

победу мужества над силой. Колли несколько раз волчком повернулся на месте, взвыл и бросился прочь, унося на себе Фоксика. Размахивая поводком, за ним побежала хозяйка.

Оставшийся колли рвался из ошейника, и женщина еле его удерживала. Юрка стоял в растерянности. Он никак не ожидал, что Фоксик может выйти победителем из драки с двумя такими большими собаками. Еще несколько секунд назад он думал только о Фоксике, о том, чтобы тот хотя бы остался жив. Но сейчас, глядя на клочья рыжей шерсти, свисавшие с бока овчарки, Юрка по привычке чувствовал себя виноватым. Вместо того чтобы бежать за Фоксиком, он стоял и покорно слушал рассерженную женщину.

— Ты зачем водишь собаку без намордника?! — кричала она. — Разве ты не знаешь, что это запрещается?!

— Ваши тоже без намордника... — попытался возразить Юрка.

— Наши еще в жизни никого не тронули! А твоего бандита нужно в клетке держать! Вот сейчас позову милиционера и тебя оштрафуют!

Женщина ругала Юрку, размахивая свободной рукой. Другой рукой она удерживала колли, который хрипел и извивался в своем ошейнике, стараясь дотянуться до Юрки. А Юрка стоял, съежившись, и боялся пошевелиться, потому что уже ясно представлял себе, как здоровенные клыки овчарки впиваются в его ногу.

В это время на аллее появился парень. Еще издали он увидел застывшего в неподвижности мальчишку, женщину, указывающую на него рукой, и большую собаку, которая рвалась к мальчишке изо всех сил.

Парень прибавил шагу. Он аккуратно обошел собаку, встал рядом с Юркой и спросил женщину:

— Что случилось?

Колли, перед которым стояло уже два врага, заметался еще яростнее.

— Вы возьмите его двумя руками, а то сорвется, — предупредил парень.

— Он еще в жизни никого не тронул!

— Мне не хочется быть первым, — сказал парень. — Так что же случилось?

— А случилось то, что его теперь нужно на прививки водить! — раздраженно сказала женщина, показывая на колли.

— А при чем тут мальчик?

Женщина взглянула на Юрку, и в глазах ее появилось тоскливое выражение человека, которому не дали доругаться.

— А, да что вы понимаете... — сказала она, повернувшись и пошла по дорожке к выходу.

Колли взвыл и бросился прочь...

Она прошла несколько шагов и вдруг стегнула своего колли концом поводка по спине и проговорила чуть ли не со слезами:

— А ты, дурак, не лезь к фокстерьерам! Не лезь никогда больше!

Колли заложил уши и, виновато поглядывая на хозяйку, затрусил с ней рядом.

— Кажется, была драка, — понял парень. — А где фокстерьер?

Только сейчас Юрка сообразил, что Фоксика нет и что если он пропадет, то Юрке не расплатиться с бабушкиным соседом до конца жизни. Но едва он успел так подумать, как увидел Фоксика, который неторопливо, с видом победителя возвращался обратно. Не обращая внимания на парня, Фоксик подошел к палке и улегся на нее в прежней позе. Весь вид его говорил о том, что случившемуся он не придает никакого значения, что гонять овчарок для него привычное дело, а вот палка цела — это хорошо, потому что это было его главной заботой.

— Все ясно, — сказал парень, — только не ясно, как ему удалось справиться с таким зверем.

— С двумя! — гордо сказал Юрка. — Тут было две таких собаки.

Похвалить собаку — все равно что похвалить ее хозяина. Юрка готов был разделить с Фоксиком его славу. Он уже собрался рассказать парню все с самого начала, но тот внимательно оглядел его и сказал:

— А ведь я тебя знаю.

Тогда и Юрка взглянул на него и узнал практиканта, который вел урок у них в классе.

— Ты — Карасик, — сказал парень.

— Нет, это не я, — быстро ответил Юрка. Он всегда боялся разговаривать с людьми, перед которыми чувствовал себя виноватым.

— Ну, как хочешь, — парень медленно, будто с сожалением, повернулся и пошел прочь.

Юрка смотрел ему вслед и почему-то ему не хотелось, чтобы тот уходил. Что-то было неудачливое в этом парне, как и в самом Юрке. Юрка не мог понять что, но это было.

— Подождите! — крикнул Юрка. — Я — Карасик.

Парень вернулся и встал рядом. Он улыбнулся, но как-то невесело, и Юрка вдруг ощутил, что между ними протянулась какая-то ниточка, что теперь они уже не могут разойтись просто так, а должны поговорить о чем-то очень важном для них обоих.

— Эх, и здорово они дрались, — неуверенно сказал Юрка и понял, что говорит не то.

— Расскажи, — согласился практикант, но

видно было, что думает он сейчас совсем не о собачьей драке.

— Да нет, это я так... — сказал Юрка. — Все равно собака не моя. Я просто с ней гуляю.

— Соседская?

— Не наших соседей, а бабушкиных. Я сейчас у бабушки живу.

— А родители что, уехали?

— У меня нет родителей.

— Как это нет?

— Мама есть, а папы нет.

— Умер?

Когда кто-нибудь узнавал, что у Юрки нет папы, то прежде всего каждому приходило в голову, что тот умер. Мама всегда говорила Юрке, чтобы он так и отвечал: да, умер. Но Юрка чувствовал себя виноватым перед практикантом и говорить неправду сейчас ему не хотелось. Он сказал:

— Нет, он нас бросил.

После этих слов практикант смутился и перестал задавать вопросы. Склонив голову набок, он принялся внимательно разглядывать Фоксика. Затем взгляд его остановился на одноногой статуе. Он улыбнулся, но опять как-то грустно.

— Забавная фигура, — сказал он. — Интересно, как она умудрилась потерять ногу?

Весь вид практиканта, в особенности его улыбка и голос нравились Юрке. И Юрка даже подумал, что с ним можно было бы дружить. Во всяком случае, врать не хотелось. И Юрка, сознательно отдавая себя в руки этого человека, сказал правду:

— Она не потеряла, я ее сам сломал.

Практикант не удивился. Он поверил сразу, и в том заключалось самое приятное для Юрки. Он видел, что над ним не собираются смеяться, а слова его принимают серьезно. Ведь не так уж и часто к Юрке относились серьезно.

— А зачем? — спросил практикант.

— Я не нарочно. Просто я невезучий. Я до нее только дотронулся, а она отвалилась.

Практикант понимающе кивнул.

— Это бывает, — сказал он. — Только почему мы стоим? Давай посидим на скамейке.

Они сели на скамью. Фоксик перенес к Юркиным ногам палку и снова улегся на нее.

— Значит, ты невезучий? — задумчиво сказал практикант. — Я и не знал, что бывают невезучие дети. Я думал, это случается только со взрослыми.

— Еще как бывает, — сообщил Юрка. — А еще хуже, если не везет, а другие смеются. Ну, чего тут смешного? Если бы с ними так...

— Смешного мало, — согласился практикант. — Тебя как зовут?

— Юра.

— Меня — Вячеслав.

— Я помню, — сказал Юрка. — Вячеслав Андреевич. Нам Майя Владимировна говорила.

— Попало вам тогда за урок?

— Не очень. А у вас деньги отобрали?

— Какие деньги?

— Стипендию. Нам Майя Владимировна говорила...

— Ах, вот оно что... Насчет стипендии не знаю. Если разрешат еще один зачетный урок... Если он опять не сорвется... Тут много всяких «если». Ты мне лучше расскажи, вот вы тогда нарочно все подготовили?

— Что подготовили?

— Ну, фамилии звериные... Отвечать отказывались. Зачем все это было? Ты понимаешь, — мне очень важно знать... Я понимаю: если учитель чувствует себя неуверенно, ребята сразу замечают. А я тогда немного растерялся... Целый месяц готовился к уроку, а все равно растерялся. Вы это заметили?

— Я ничего не заметил, — вполне искренне ответил Юрка. — И урок на самом деле не выучил.

— А остальные?

— Они тоже не выучили.

— Странное совпадение, — сказал Вячеслав Андреевич. — А ты меня не обманываешь?

— Честное слово! Кого вы спрашивали, все не выучили. А что вы придете, мы даже не знали.

— Почему же тогда ребята без конца смеялись, разговаривали? Разве вы на всех уроках ведете себя так? Например, у Майи Владимировны?

— Нет, она не разрешает смеяться, — сказал Юрка.

— Вот в том-то и дело, — грустно сказал Вячеслав Андреевич. — Она не разрешает, а я разрешил. Ведь так?

Юрка задумался. Он помнил этот урок, вернее, ту половину его, на которой он присутствовал. И он хорошо помнил, что ребята шумели и смеялись без всякого разрешения.

— Нет, вы тоже не разрешали, — уверенно сказал Юрка.

— Нет, разрешил. Я и сам не знаю, с какого момента, но разрешил. — Вячеслав Андреевич встал, прошелся вдоль скамьи и снова сел. — Я просил Майю Владимировну не помогать мне во время урока. Я хотел справиться сам. И вот что получилось. Значит, все верно, значит, все правильно...

Последние слова Вячеслав Андреевич про-

изнес так, будто разговаривал сам с собой, но, поймав недоуменный взгляд Юрки, пояснил:

— Правильно, что сам виноват.

— Ничего вы не виноваты, — возразил Юрка. — Это мы виноваты. Только мы не нарочно. А вам надо было выгонять, кто шумит.

Вячеслав Андреевич улыбнулся, на этот раз веселее.

— Всех сорок человек выгоню, а с кем же урок буду вести?

— Зачем всех? У нас физкультурник, знаете, какой строгий? Он всегда одного или двух выгонит. Зато остальные сразу успокаиваются.

— Да? Это неплохая мысль. Надо будет попробовать, — сказал Вячеслав Андреевич. — Только, понимаешь, я не люблю людей выгонять. Мне это неприятно, да и им тоже, наверное.

— Ну да, — возразил Юрка, — у нас Кабанова Серегу чуть не каждый день выгоняют, а ему все равно, даже нравится.

— Жалко, что я этого не знал раньше, — вздохнул Вячеслав Андреевич. — Тогда я бы его выгнал с самого начала. Он ведь больше всех шумел, да?

— Нет, он тихий. Он незаметно под партой ногами пинается. Или под руку поддаст, а в тетради — клякса. Про него все учителя знают. Они не на него смотрят, а под парту: чего он там ногами делает.

— Да, опасный человек Серега, — согласился Вячеслав Андреевич. — А тебе, Юра, домой не псра? Может быть, я тебя задерживаю?

— А мне домой нельзя, — уныло сказал Юрка. — Я опять к бабушке.

— Почему тебе домой нельзя?

Юрка задумался. Ему хотелось рассказать все Вячеславу Андреевичу, но рассказать так, чтобы стало ясно, что никакой Юркиной вины тут нет, а есть только несчастье, вечное невезенье, которое всю жизнь преследует Юрку, выжидая удобного случая. Ему хотелось, чтобы Вячеслав Андреевич удивился тому, сколько бед может свалиться на одного человека: удивился и ахнул, и возмутился бы такой несправедливостью. Но как Юрка ни старался придумать себе оправдание, а ему вспоминался сломанный пылесос, разбитые приемник и зеркало и многое другое, сделанное его руками без вмешательства третьей силы.

Вячеслав Андреевич не торопил Юрку. Он опять встал и прохаживался вдоль скамьи. Фоксик внимательно следил за ним и потихоньку все больше подгребал под себя палку.

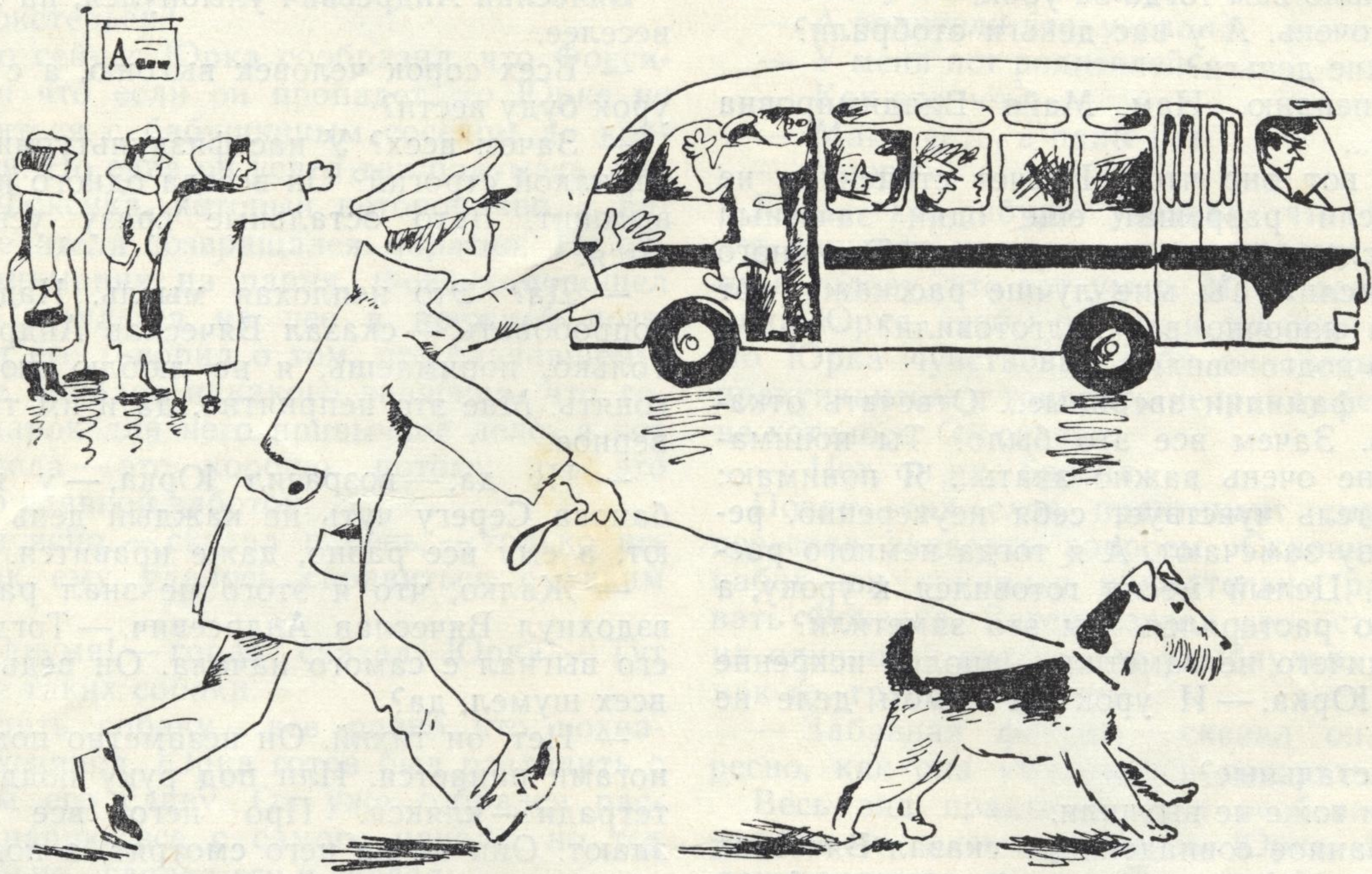
— Это из-за мухи, — сказал наконец Юрка.

Вячеслав Андреевич слушал внимательно, не перебивая. Юрке понравилось, что он ни разу не улыбнулся, что лицо его было сочувственным и серьезным. Рассказывать было легко, и Юрка выложил все до конца.

— Да, выходит — мы с тобой оба невезучие, — сказал Вячеслав Андреевич.

— А в пылесосной у вас никого нет? — оживился Юрка.

— В пылесосной нет. Но это неважно. Телевизионщики могут починить приемник. Думаю, что они и с пылесосом управятся. Там ребята такие: если захотят — из дыма дрова сделают.

Юрка увидел только затылок Вячеслава Андреевича...

— Выходит, — ответил Юрка. — Только я — больше.

— Ты — больше, — подтвердил Вячеслав Андреевич. — Потому что в моем невезении я сам виноват...

— Нет, мы тоже виноваты! — великодушно сказал Юрка. — Мы же вам помешали.

— Ну и вы немного... А вот в твоих несчастьях... — Вячеслав Андреевич замолчал и внимательно взглянул на Юрку, словно ждал от него подсказки.

— Муха, — неуверенно сказал Юрка. — И я... тоже... немножко...

— Пожалуй, и ты немножко, — согласился Вячеслав Андреевич. — Но дело сейчас в другом. Ты ведь не можешь всю жизнь ночевать у бабушки? Вернуться к маме все равно придется.

— Если бы я только будильник сломал... — тоскливо сказал Юрка. — Он дешевый.

— Знаешь что? — сказал Вячеслав Андреевич. — По-моему, я смогу тебе помочь. У меня брат работает в телевизионной мастерской...

— У меня денег нет.

— Если за деньги, то это не помощь. Я поговорю с братом. А ты приходи завтра на это место. В пять часов. Договорились?

— А вы не шутите? — спросил Юрка, все еще не веря неожиданному счастью.

— Нет, — сказал Вячеслав Андреевич, — я ведь тоже невезучий, я тебя понимаю. А теперь идем, мне пора.

Юрка взял Фоксика на поводок, и они с Вячеславом Андреевичем направились к выходу. На душе у Юрки было легко, он шел весело и без нужды покрикивал на Фоксика, который чертил носом по дорожке, принюхиваясь к каким-то ему одному понятным запахам. Но все же Юркино счастье было неполным. Одно неприятное воспоминание помимо его воли не выходило из его головы. Это было воспоминание об уроке, о звериных фамилиях и, главное, о стипендии.

У ворот сада, прощаясь, они пожали друг другу руки.

— До завтра, — сказал Вячеслав Андреевич. — В пять часов.

— В пять часов... — повторил Юрка.

Вячеслав Андреевич зашагал по тротуару. Юрка смотрел ему вслед, и у него не прошло ощущение, что он не сказал чего-то очень важного этому человеку. То, что должен был сказать Юрка, освободило бы его от чувства вины, которое не покидало его с тех пор, как они встретились в садике. Это «что-то» вертелось на кончике языка, но было неуловимо и никак не хотело обращаться в слова. А когда все же Юрка понял, чего он не сделал, то Вячеслава Андреевича уже не было видно.

Юрка сорвался с места и бросился за Вячеславом Андреевичем. Он добежал до автобусной остановки. Автобус уже отъезжал. На подножке висели пассажиры, и двери были открыты. Юрка увидел только затылок и половину спины Вячеслава Андреевича.

— Вячеслав Андреевич, а вы приходите к нам еще! — крикнул Юрка. — Я ребятам скажу, мы будем сидеть тихо!

Вячеслав Андреевич обернулся на крик. Он тоже крикнул:

— Завтра в пять!.. — и было неясно, понял он Юркины слова или нет.

Когда Юрка вернулся, бабушка была уже дома.

— Ты куда запропал? — сказала она. — Я уж тебя искать собралась. Иди домой, мать требует.

— Бабушка, можно я у тебя до завтра останусь?! — взмолился Юрка. — Мне завтра в пять часов нужно встретиться с одним человеком. Она же меня не пустит!

— А тебе кто важнее, мать или человек какой-то?!

— Бабушка, ты же не понимаешь! Это очень важно!

— Конечно, где уж мне понимать... Совсем дура стала.

— Да ты не дура, — с отчаянием сказал Юрка. — Ну, кто тебе говорит, что ты дура. Хочешь, я тебе за хлебом схожу? Хочешь, полы вымою? Ты пойми, мне обязательно нужно встретиться.

— Пол вымоешь?! — изумилась бабушка. — Ну, тогда, значит, тебе и на самом деле припичило. Ночуй, мне не жалко. А что я матери скажу?

— Я сам скажу.

— Ох, парень, — вздохнула бабушка. — Где твое «сам» раньше-то было? Ну, беги в булочную, с полом и без тебя управятся.

10.
НУ
И
НЕ
НАДО

На следующий день, когда Юрка пришел в школу, никто не спросил его, почему он пропустил занятия. Только Славик поинтересовался, довольно, впрочем, равнодушно:

— Ты чего вчера не был?

— Так... — ответил Юрка, и Славик удовлетворился этим ответом. Учителя тоже ни о чем не спрашивали Юрку, но он замечал, что они иногда как-то странно поглядывали на него, на Галку и на Славика. Юрке это не нравилось.

Галка тоже выглядела сегодня задумчивой. Она сидела, уткнув нос в парту, и ни на что не обращала внимания. И только у Славика был как обычно вид уверенный и спокойный.

До конца второго урока не случилось никаких происшествий. Юрка понемногу успокоился. Он уже стал подсчитывать, сколько осталось времени до пяти, когда они встретятся с Вячеславом Андреевичем, обо всем договорятся и наконец можно будет вернуться домой.

Но на третьем уроке начались неприятности. Третьим уроком была физкультура. Учитель физкультуры относился к своему предмету с большим уважением. Он терпеть не мог учеников, которые отлынивали от занятий, ссылаясь на всякие болезни. Когда он видел справки об освобождении от физкультуры, у него делалось такое лицо, будто он съел ложку горчицы.

— Зачем вам эти справки?! — возмутился он. — От чего вы освобождаетесь? От того, чтобы стать здоровыми и ловкими? От того, чтобы быстро бегать и далеко плавать? Вы знаете Стенли Метьюза? В сорок семь лет он еще играл в футбол за сборную Англии! А вы знаете, что с вами будет в сорок семь лет? При таком отношении к физкультуре в сорок семь вы разжиреете, по лестницам будете ползать пыхтя, как бегемоты, а играть сможете разве что в домино. Нет, я сделаю из вас здоровых людей!

Но никто не хотел задумываться над тем, что будет с ним в сорок семь лет. Сорок семь — это немислимый возраст. Тут никак не дождешься, когда исполнится хотя бы пятнадцать, а тебе толкуют что-то про сорок семь. Чудовищная цифра! Такого вообще, наверное, никогда не будет.

Лишь предусмотрительный Генка Стрельцов заметил однажды, что к тому времени не придется думать о своем здоровье, потому что ученые изобретут атомное сердце и капроновые мозги. Физкультурник сердито ответил, что, судя по Генкиным словам, такие мозги уже есть. Генка обиделся. Ребята посмеялись, но от справок по-прежнему никто не отказывался.

Юрке физкультура нравилась. У него неплохо получались упражнения на турнике и кольцах. Прыгал он хорошо. Ну, а уж бегал — лучше всех в классе. Возможно, было так потому, что жизнь приучила его убегать и скрываться от разных неприятностей и для этого дала Юрке быстрые ноги. Но это уже неважно. Все равно делать то, что у тебя хорошо выходит, — приятно.

Урок начался разминкой. Затем стали делать упражнения на гимнастической стенке. Большинство ребят, вцепившись руками в перекладины стенки, корчились на ней беспомощно, как мухи в паутине. Генка Стрельцов повис на одной руке и старался ногой почесать ухо, изображая обезьяну. Но за этим тоже скрывалась беспомощность, ибо больше Генка ничего не умел. И только один Юрка мог вытянуть вперед ноги и держать их горизонтально.

Физкультурник похвалил Юрку и сдернул со стены Генку, предупредив, что в следующий раз отправит его в коридор.

Потом на полу разложили маты, поставили перед ними стойки с протянутой между ними веревкой, и начались прыжки в высоту.

Первым в очереди стоял Сергей Кабанов. Он разогнался из самого дальнего угла зала. Он несся уверенно и тяжело, словно готов был сокрушить и стойки, и все, что находилось за ними. Но, подбежав к тоненькой веревочке, он внезапно остановился, потоптался на месте и направился обратно. Ребята засмеялись.

— Смелее, — посоветовал физкультурник, — не раздумывай, а просто прыгай.

Сергея повторил разбег. На этот раз он прыгнул и грохнулся на маты, словно мешок с песком, унеся на ногах веревку. Все опять засмеялись, а Сергей почему-то оскорбился. Но обижаться на всех бессмысленно, и потому Сергей выбрал того, кто смеялся охотней, и сказал ему, проходя мимо:

— После урока имеешь...

Веселее всех смеялся Славик.

Но скоро очередь дошла и до Славика. Он уже приготовился к разбегу, когда услышал мстительный шепот Сереги:

— Слабó не прыгнуть, слабó... Тебе же все равно, ты никого не боишься.

— От слабака слышу, — ответил Славик, не оборачиваясь.

— Барышев, мы долго будем ждать? — крикнул физкультурник от стоек.

— Долго, — ответил Славик.

— Что? — переспросил физкультурник, думая, что ослышался.

— Я не буду прыгать.

— Почему?

— Не хочу.

— Тогда иди за дверь.

И Славик направился к двери. Он шел, чувствуя на своей спине восхищенные взгляды. Но когда он прикрыл дверь и заглянул в оставшуюся щелку, то увидел, что прыжки продолжают как ни в чем не бывало, и Славик впервые в жизни подумал о том, что люди мало ценят своих героев.

Впрочем, Славик не собирался геройствовать в одиночку. Когда приготовился прыгать Юрка, Славик сложил губы трубочкой, втиснул их в щель и прогудел.

— Карась — трус...

Юрка вздрогнул. Даже не глядя в сторону двери, он прекрасно понял, кто это сказал и для чего это сказано. Он хорошо помнил уговор. Но почему по этому уговору он не должен прыгать? Ему хотелось прыгать, потому что он умел это делать. И все же больше всего Юрке не хотелось быть трусом. Он давно уже устал быть трусом.

Юрка застыл на месте, переминаясь с ноги на ногу.

— Ну, Карасик...

Юрка стоял.

— Высота мала? Потом поднимем.

— Не мала.

— Так прыгай, не задерживай других.

Юрка отошел в сторону.

— В чем дело, Карасик? У тебя нога болит?

— Не болит.

— Так в чем же дело?

— Я не хочу прыгать.

— В чем дело, Карасик?

Физкультурник любил Юрку, но раздумывал он не долго. Он не знал, что сейчас происходило с Карасиком, но знал, что всегда должен поступать справедливо.

— За дверь.

Юрка вышел, не ощущая ни радости, ни гордости от своей смелости.

— Ну чего ты ко мне пристал?! — с раздражением сказал Юрка Славiku.

— А что, я тут один должен стоять?

— А почему я должен все делать, как ты?

— Мы же уговорились...

— А если уговорились, так иди и ты жить к бабушке. Сам-то дома живешь.

— А у меня нет бабушки, — беспечно сказал Славик. — Я бы запросто пошел. Я ведь не такой трусливый...

— Чего я трусил? Скажи — чего?! — возмутился Юрка. — Я все для вас делаю. Не хочу даже, а все равно делаю! И меня еще обзывают! Ты уж больно храбрый — через веревочку побоялся прыгнуть!

— Я не боялся, а не хотел, — холодно сказал Славик.

— А я хотел!

— Ну и прыгал бы, кто тебе мешал?

— Ты! — сказал Юрка.

Юрка со Славиком давно считались друзьями. Так думали все. Да и они привыкли так думать. Тянулась их дружба из класса в класс, но если спросить любого из них, почему они дружат, вряд ли кто-нибудь смог бы ответить. Ну, вместе приходят... Вместе уходят... Иногда ссорятся, но никогда не дерутся. Разве этого мало? Так, как у всех. Нормально. Обыкновенно. Что еще надо? Раньше Юрка не задумывался над этим. И только сейчас, стоя у двери спортзала, Юрка подумал, что в дружбе этой чего-то не хватает. Он чувствовал себя правым в споре со Славиком. Но Славик не

мог его понять. И Юрка смутно ощущал: не в том, что не мог, а в том, что не хотел понять — главная вина Славика.

Юрка и Славик не успели рассориться окончательно. Дверь отворилась, и из спортзала вышла Галка.

Славик обрадовался.

— Видал? — сказал он Юрке. — Ее небось уговаривать не надо! Только тебя всегда надо уговаривать.

Но и у Галки вид был далеко не геройский.

— А ты зачем ушла? — спросил Юрка. — Тебя же никто не просил!

— Ну да, потом сами бы сказали, что я предательница.

— Никто бы ничего тебе не сказал!

— Ты за других не говори, — возразил Славик. — Ведь это она все придумала.

— А я и не говорю, что не я придумала, — хмуро сказала Галка. — Пойдем в класс, чего тут стоять.

Придя в класс, ребята увидели там Майю Владимировну. Она сидела за столом, перед ней лежали две стопки тетрадей.

— С физкультуры выгнали? — спросила Майя Владимировна.

— С физкультуры, — ответил Славик.

— По той же причине?

— По той же, — откровенно ответил Славик.

— Ну, а дальше что? Так и будем жить? Никто ей не ответил.

— Трудно вам придется, ребята, — сказала Майя Владимировна. — Главное, что трудности-то все ненужные.

И опять никто не ответил.

— Ну что ж, молчите, если вам хочется, — сказала Майя Владимировна. — Набирайтесь терпения, молчать вам придется долго. Я сказала всем учителям, они вас спрашивать не будут. С родителями вашими я тоже поговорила. Оказывается, вы на самом деле стойкие люди.

— Когда вы говорили? — не вытерпел Юрка.

— Сегодня. Как раз твоей мамы, Юра, я не застала. Она сегодня в утреннюю смену работает.

— А с моей мамой разговаривали? — спросила Галка.

— Да.

Снова наступило молчание. Майя Владимировна взглянула на Славика, словно ожидая, что и он сейчас спросит. Но Славик ничего не спросил.

— Ну, ладно, — сказала Майя Владимировна. — Вы про поход уже знаете? Вам ребята сказали?

— Нет, не говорили, — ответил Юрка.

У тебя нога болит?..

— Позавчера было собрание, на которое вы не остались. Решили провести летом двухнедельный поход на лодках по Карельскому перешейку. И на том же собрании решили вас в поход не брать — всех троих.

— Это вы им так сказали? — спросил Славик.

— Нет, они сами. Я как раз посоветовала вас взять, но они не согласились.

— А мы что, хуже всех? — спросил Славик.

— Да уж не знаю, — сказала Майя Владимировна. — Вы теперь люди самостоятельные, вы сами решайте. Может быть, вы захотите отдельный поход устроить втроем, кто вас знает. Раз вы ни с кем не считаетесь, то и с вами так же.

— Ну и пускай, — ответил Славик.

— Пускай так пускай, — согласилась Майя Владимировна и, раскрыв тетрадь, уткнулась в нее.

Славик подмигнул ребятам и кивком головы показал на дверь.

— Поход какой-то придумали, — сказал Славик, когда они вышли в коридор. — Нужен нам этот поход! Верно? Захотим — еще не такой поход устроим!

— Какой? — спросил Юрка.

— А какой захотим!

— Ты скажи — какой?

— А хоть никакой! — заявил Славик. — Мы и без похода проживем. Что, мы им кланяться будем, возьмите, пожалуйста, — так?

— Ты лучше помолчи, Барышев! — с раздражением сказала Галка. — Никто тебя кланяться не заставляет!

— А ты чего злишься? Завидно стало?

— Ну и завидно!

— Иди тогда прощение проси.

— Никуда я не пойду.

— Ну и правильно, — сказал Славик. — Мы им еще покажем!

— Да чего ты все — покажем, покажем! — возмутился Юрка. — Тогда показывай!

— Идем, Кабана найдем, тогда увидишь, покажу или нет.

Серегу Кабанова они нашли во время перемены в столовой. Он сидел на подоконнике и ел пирожок с творогом. Губы у Серегина были масляные, он хмурился от удовольствия и выглядел таким беззаботным, что Славик сразу захотелось вырвать у него пирожок и ткнуть им Серегину в нос, чтобы творог разма-

зался по лицу. Но Серегин был сильнее Славика. Поэтому Славик только презрительно сощурился и поманил его в угол.

Серегин сполз с подоконника, вытер о штаны руки и, дожевывая пирожок, пошел к ребятам.

— Чего — трое на одного? — спросил Серегин. — Я и троим врежу, не испугаюсь. Идем только отсюда, больно народу много.

— Врезал один такой, — сказал Славик. — Не бойся, мы тебя бить не будем.

Серегин заулыбался. Сама мысль о том, что его могут бить, показалась ему смешной. Конечно, человек пять могли бы... Но не трое! Даже — двое: Галка в расчет не шла.

— А чего тогда надо? — спросил Серегин.

— Есть один вопрос. Ты был на собрании?

— Ну, был.

— Там говорили, чтобы нас в поход не брать?

— Говорили, — ухмыльнулся Серегин.

— И ты говорил?

— И я.

— Ты?! — сказал Славик таким тоном, словно перед ним стоял не здоровенный Сергей Кабанов, а букашка, которую можно было прихлопнуть одним щелчком. — Да кто ты такой?

— А кто? — нахмурился Серегин.

— Ты же самый первый двоечник!

Лицо Серегина разгладилось. Вместо того чтобы обидеться, он снова ухмыльнулся и победоносно оглядел всех троих:

— Ну и что? — сказал он. — Двойки — совсем другое дело. С двойками вас бы тоже взяли. Двойки тут ни при чем.

— При чем, — сказал Славик. — Тебя из класса больше всех выгоняют. Не тебе про нас говорить. Ты сам хуже всех!

— Да уж не хуже вас, — спокойно сказал Серегин. — Даже в десять раз лучше.

В тоне, каким говорил Серегин, чувствовались уверенность и превосходство. Но это было не превосходство физической силы. В Серегинской силе никто не сомневался. Что-то новое появилось в Серегине, будто он признавал, что не только сильнее, но и чем-то лучше этих троих.

— Почему это ты лучше? Докажи, — Славик обернулся к Галке и Юрке, будто приглашая их поглядеть, какая сейчас начнется потеха.

Окончание следует

ОПЕРАЦИЯ АС

В. Попов

а занавесе — крупные буквы «Алые паруса», силуэты чаек. В динамиках — плеск волн, звон якорных цепей. Выходят четыре матроса-фанфариста, играют «Внимание». Занавес. На сцене — палуба фрегата, мачта с алыми парусами, капитанский мостик, бочка впередсмотряще-

го, ленты, флаги, якоря, рында, цепи, штурвал, трап. На сцене несколько матросов, они работают, носят грузы, ящики, бочки, мешки. Мимическая сценка: «Погрузка». Барабан. Входит боцман с трубкой, с дудкой, строг, суров. Смотрит на часы и отбивает склянки. Барабаны бьют дробь. Со всех концов зала, сцены, оркестровой ямы бегут на палубу матросы (артисты пролога, униформисты). Выстраиваются в шеренгу, лицом к залу. Боцман свистит. Песня...

Пошла самодеятельная цирковая феерия «Алые паруса».

Ребята показывают фокусы, комический бокс, прыгают в горящие кольца, строят пирамиду. Почти как в настоящем цирке. Вот только пирамида немного скособочилась. И рифмы в песнях — не особенно. Но главное, какие у ребят внимательные, сосредоточенные лица. Как они счастливы, как смеются, веселятся, когда идут фокусы или клоунада с коровой!

«Какие славные ребята!» — думаю я, глядя на них...

И вдруг мне тихо говорят: — Вот этот, с краю... сорок карманных краж. А вот этот,

Всемирно-известный турецкий факир Леша Брехунов

что сейчас через кольца горящие летит — ловкий, правда? — этот в форточки здорово лазил... У одной женщины курицу из супа утащил.

Вот так славные ребята!

Теперь я на все гляжу другими глазами. Уже хорошо, что этот удивительно ловкий мальчик теперь проходит в кольца, а не в форточку... Уже это хорошо. И пусть пирамида немножко кривая — не это главное, тем более, что она почти прямая. Большое дело сделал тот, кто все это организовал. А действительно, кто?

реподаватель Липецкого педагогического института Сталь Анатолевич Шмаков. И, конечно, не он один. Ему очень помогал студенческий клуб «Радуга», клуб студентов, будущих учителей. Пока они работают вожатыми,

и вот в цирке тоже помогают Сталю Анатолевичу. Мне Сталь Анатолевич то и дело говорил:

— Вот, знакомьтесь — Саша, моя правая рука... А это Витя, моя левая рука...

И через минуту — снова:

— Света — моя правая рука... Валера — моя левая...

В общем, левых и правых рук у него оказалось очень много, примерно как у индийского бога Шивы из учебника истории.

Мы с ним много говорили, и он все мне постепенно рассказывал...

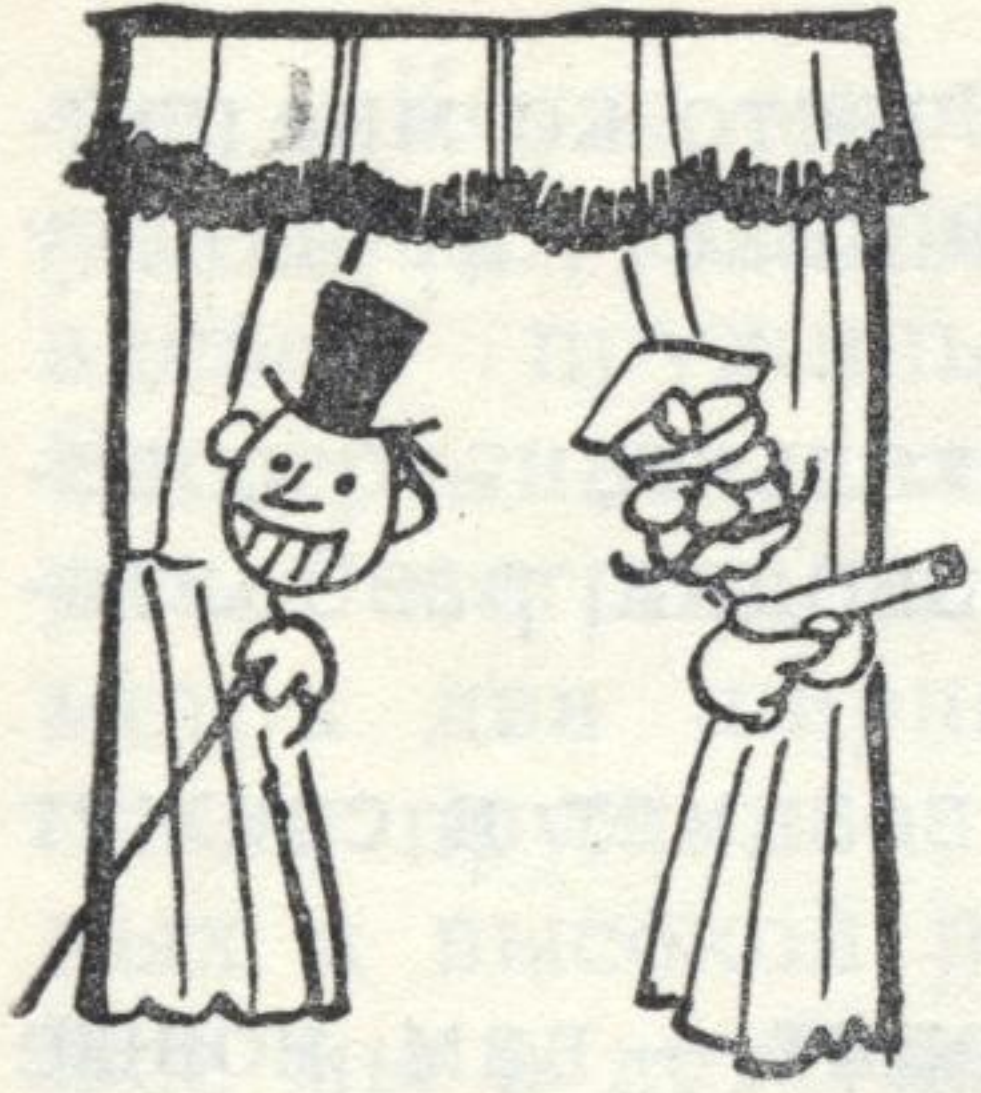
— Вот этот район, Сокол, самый был хулиганский во всем Липецке. Драки. Ножи. У школ стояли, деньги отнимали у малышей. Киоски переворачивали. Решили мы с «Радугой» за это взяться. Сначала не могли придумать как. Всякие нравоучительные беседы тут не годились — ребята злые, насмешливые, много повидали плохого — в общем, огонь, воду и медные трубы прошли... Стали мы думать... Что их привлекает в хулиганстве? Риск. Опасность. Даже некоторая спайка, взаимовыручка...

Что-то надо было придумать, чтобы и риск тот же был, и таинственность, и опасность, и взаимовыручка, но чтобы это не во вред шло, а на пользу, на интерес... И вдруг осенило — цирк! Лучше не придумаешь. В форточку — не так уж и трудно, а ты в горящие кольца попробуй! Разузнали адреса самых таких ребят, разослали письма примерно такого содержания:

«Товарищ Гусев!

Если ты не трус, приходи 21 ноября в 20 часов вечера в Дом культуры завода «Свободный Сокол», второй этаж, комната детского сектора. Есть интересное дело. О письме никому ни слова.

«Операция АС».

ришли почти все. Многие нетрезвые... Я вышел перед ними, сказал, что хотим организовать цирк. Пару фокусов показал. Чтение мыслей. Вас, говорю, беспокоит судебная повестка... А у вас сапог жмет, потому что нож в голенище спрятан... Выньте, не мучайтесь.

Им это понравилось. Так началась операция АС — «арена смелых».

Двое ушли. Остальные остались. И в следующий раз пришли. Поначалу больше стояли, курили. Спички горящие в потолок бросали. Такое черное пятно на потолке, и спичка свисает. Я пробовал — не выходит. Понемногу стали в зал заходить, приглядываться. Постепенно стали пробовать — кто в гимнастике, кто фокусы — ловкость рук... Тут у меня самые проблемы и начались. Не дай бог, — думаю, — если все сейчас остановится. А трудностей — сверх головы. Корабль ведь — «Алые паруса». А где взять эти самые паруса? Тридцать метров красной материи! Рында. Колокол. Где взять рынду? Посоветовался с ребятами.

— Ну ладно, — говорят, — рынду мы уведем на вокзале.

— Что вы, что вы! Ни в коем случае!

На следующий день приносят шесть рынд. С вокзала. С пожарной вышки. Весь следующий день разносил обратно, вешал. А одна почему-то лишняя оказалась...

Много всего нужно. Вот, для одного только номера: канат, два флажка, бутерброды, стакан воды, слезы, чемодан.

У ковра клоуны Гога и Магога. Они же — Верхолат и Чупраков.

Или, скажем, на сцену выходит корова. Из чего вымя сделать? Ребята придумали: медицинскую перчатку надуть. Потом — комический фотоаппарат. Придумали ручку от мясорубки поставить... Вообще, выдумка у них отличная. И юмор бесподобный. И смелости — не занимать.

Выпустили программу. Стали выступать. Примерно пятьдесят выступлений сделали. На заводах. На стройке. По деревням. Скажем, выступали в деревне Ягупов хутор — даже не деревня это, лесной кор-

дон, туда вообще много лет никто не приезжал, не то что цирк... Вы бы видели, как там нас принимали! Все старики пришли древние, старухи. Потом ребят по домам разобрали, накормили. И ребята были довольны, впервые это удовольствие почувствовали — людям радость приносить, веселье... Теперь их на плохое не потянет... Хотя, конечно, ангелами их тоже не назовешь. Однажды выступали наши прыгуны в одной школе. на вечере встречи. Ребята прыгали себе на сцене, а в зале

стояли накрытые столы. Вдруг погас свет, и тут же сразу зажегся. И ребята на сцене прыгают, как ни в чем не бывало, только лица у всех больно уж хитрые. Оглянулся — стол пустой, хоть шаром покати...

Ну, а серьезных проступков — почти нет. Многих ребят спасли от колонии.

Двое, правда, попали в колонию, да и то за прошлые дела. А все остальные — нормальные теперь люди. Многие в армии служат, на заводах работают. Вот, поговорите хотя бы с Кешей Богомоловым. Фигура была. Однажды пистолет украл. А теперь этот Кеша...

— Ваша левая рука?

— Нет, правая... А откуда вы знаете? Кстати, с Кешей можно встретиться, он теперь солидный человек. Электриком на заводе работает. А вечером в драме играет...

Вечером я сидел в гулком вестибюле Дома культуры и ждал Кешу.

Шло много народу.

— Как, не проходил еще Кеша? — спрашивал я.

— Нет, — хором отвечали гардеробщицы, — не проходил.

— Знают, — с завистью думал я.

Наконец, Кеша появился.

— Ну, расскажите что-нибудь, — прошу я.

— В ноябре шестьдесят четвертого года собрали нас, трудновоспитуемых подростков, — степенно начинает Кеша, но этой степенности хватает ненадолго... — я клоун

был, скажем, сцена с короной... там и текст, а говорить было невозможно...

— Почему?

— Ну, хохот, хохот такой. Все катались, — без лишней скромности объясняет Кеша. — Или, скажем, фотограф. Приходит и говорит, что сейчас будет нас снимать. Ну, мы начинаем рожки корчить, кто какую может. А он накрывается черной тряпкой и стоит. Стакиваем тряпку, а он, оказывается, жует. Много всего было. У меня, например, был номер — по канату с балкона в партер спускался...

— И сейчас?

— Клоуном? Нет. Я сейчас в цирке технической частью занимаюсь. Ну, мне пора, до свидания.

На следующее утро мы снова встречаемся со Сталем Анатольевичем. Идем через площадь. Внизу, под горой — деревня, нижний парк. Дальше — вся изогнутая, дымящаяся река Воронеж. На той стороне — трубы, далеко, неясно, огромные клубы дыма — Липецкий металлургический комбинат.

Сталь Анатольевич в первый раз меня удивил — такое, я бы сказал, миловидное лицо, большие глаза, кудри. Никакой суровости в лице. Как же его, думаю, слушаются...

А потом понял.

Едем мы с ним однажды в поезде, все вокруг молчат, дремлют. Скука. И вдруг он достает откуда-то две алюминиевые ложки, складывает их выпуклыми сторонами и как затрещит ими, как заиграет. Об колено, об лоб. Все проснулись, заулыбались. Спели. Двое даже сплясали сидя...

— Ну, как вам Кеша? — спрашивает Сталь Анатольевич.

— Ничего, спасибо.

— Он теперь у нас в цирке всем электричеством заведует. Вообще, у него к технике просто страсть. Приходит ко

мне — ребята часто ко мне приходят — и начинает проводку дергать:

— Возмутительно, — говорит, — вся проводка разболталась.

Или вдруг возьмет и срежет все розетки.

— Я, — говорит, — вам новые поставлю, чешские. И поставит.

— Скажите, а сколько у вас теперь в цирке народу?

— В последней программе, к пятидесятилетию Советской власти, участвовало в общей сумме триста человек.

— Ого! И... так сказать?

— Да нет. Теперь столько правонарушителей во всем Липецке не наберется. Это раньше: из милиции — вне конкурса... Теперь всех принимаем, кто хочет и может.

— Сейчас новую программу готовим к Новому году. Зайдем, если хотите, на репетицию к Саше Фомину. Я с ним в «Орленке» познакомился, на Черном море, он там физруком работал. И когда пошло у меня с цирком, я скоро понял, — если хочу достичь хотя бы некоторого профессионализма, без Саши не обойтись. Он это дело знает, кандидат в мастера... Все бросил — Черное море, оклад — переехал. Город ему понравился. Он такой человек: что город красивый — это ему важно, а что денег стал меньше получать — это ему почти неважно.

Саша Фомин такой крепыш, с чубом, глубокими складками у рта. В шароварах, гимнастических тапоч-

ках... Когда мы вошли, он ставил батут, обходил его вокруг, вдевал пружины, натягивал. В середине сплетенный коврик, метров шесть длиной, метра два шириной, и висит он на пружинах, присоединенных к высокой раме из труб... Все мы в детстве любили прыгать на кровати, так вот батут — это тоже кровать, только побольше и попружинистей.

Сначала идет разминка, ребята бегают, прыгают, просто так, с подкидного мостика, переворачиваются, кувыркаются, аккуратно выходят из кувырка, шлепнув ладонями по коленям. Вот это у меня никогда не выходило, всегда я криво кувыркался. Все смеялись. А эти — нет, эти очень прямо кувыркаются. Одновременно идет разговор, вместе с ребятами летают звучные цирковые слова-вскрики: «Апфель! Фляк! О-па! Хап! Уо-оп!»

Потом Саша влезает на батут, упруго ходит по нему. Начинает подпрыгивать, батут при падении на него провисает под ногами, потом распрямляется и выбрасывает вверх...

— Вот, — начинает показывать Саша, — пол-оборота вперед...

Он прыгает, красиво прогнувшись, падает на живот и, оттолкнувшись животом от батута, встает.

— Пол-оборота назад...

Подпрыгнув, он валится на спину и, оттолкнувшись спиной, снова встает.

— Полтора оборота вперед.

Он долго прыгает, все выше, вытянутые мешочки на коленях тренировочных брюк развеваются, и вдруг он делает кувырок вперед в воздухе, сложившись, обхватив колени, успев выпрямиться, снова живо-

том падает на батут, отталкивается, встает.

— Полтора оборота назад...

Потом, тяжело дыша, он спрыгивает на пол.

— Сережа, попробуй...

На батут взбирается Сережа — остренький, четкий мальчик.

— Та-ак... Хорошо... Руки хорошо выбросил... Прогнись... Руки к голове подтягивай... Ввинчивайся!

Мы идем дальше. Вот самбисты. Тренирует их Олег Шагунов, студент четвертого курса пединститута.

Посередине стоит парень. Как выясняется, Мальчиш-Кибальчиш. На него налетают:

Деникин. Мальчиш делает мельницу. Деникин летит.

Юденич. Для него приготовлен бросок спиной.

Врангель. Бросок через плечо; звучно шлепается об мат.

Махно получает бросок через голову, с упором стопы.

Мальчиш остается стоять.

— Стоп, — кричит Олег, — Махно падает вот сюда. Делает дополнительные кувырки. Юденич летит сюда.

— А я, — надывается кто-то, — я куда лечу?

Дело идет...

Мы выходим на улицу, останавливаемся.

— У меня теперь такой план, — говорит Сталь Анатольевич, — бродячий цирк. Летом — на фургонах, с яркими заплатами, с оркестром, клоунами на ходулях, зазывалами

отправиться подальше. Ребятам понравится.

— А скажите, — спрашиваю я, — вот те двое ребят, которые все же угодили в колонию, вспоминают они хоть про цирк или нет?

— Вообще, да. Недавно от одного из них письмо получил. Вот...

Здравствуй, дорогой Сталь Анатольевич!

Сталь Анатольевич, я уже давно хотел вам написать письмо, но не знал вашего адреса, и вот мне прислал его Рыбин Толька. Сталь Анатольевич, находясь в стенах колонии, я часто вспоминаю о ребятах, о цирке, который уже стал известен в нашей области, и всех тех, кто работал с нами и воспитывал нас. Я с уважением отношусь сейчас к Валентине Ивановне Татаренко и к вам. Я тужу, что не слушался ваших советов и не вклинился в общество хороших ребят.

Иногда лежу на койке и до слез на глазах вспоминаю все хорошее, что вы сделали для меня. Я помню, когда перед коллективом цирка мне вручили грамоту впервые в моей жизни и книгу, я как-то в то время чувствовал себя по-другому. Ведь я привык только к упрекам, а тут было обратное. Я был нескрываемо рад. Значит, я еще не конченный человек и могу принести пользу обществу. Но тут раскрыли наше дело и... Конечно, это лучше, что нас пресекли. Но все равно не хотелось бы бывать в заключении. Но что было, того не вернешь.

Жду от вас ответа!

Н. Милованов»

Если Милованов захочет вернуться в цирк, — я уверен, — его примут обязательно.

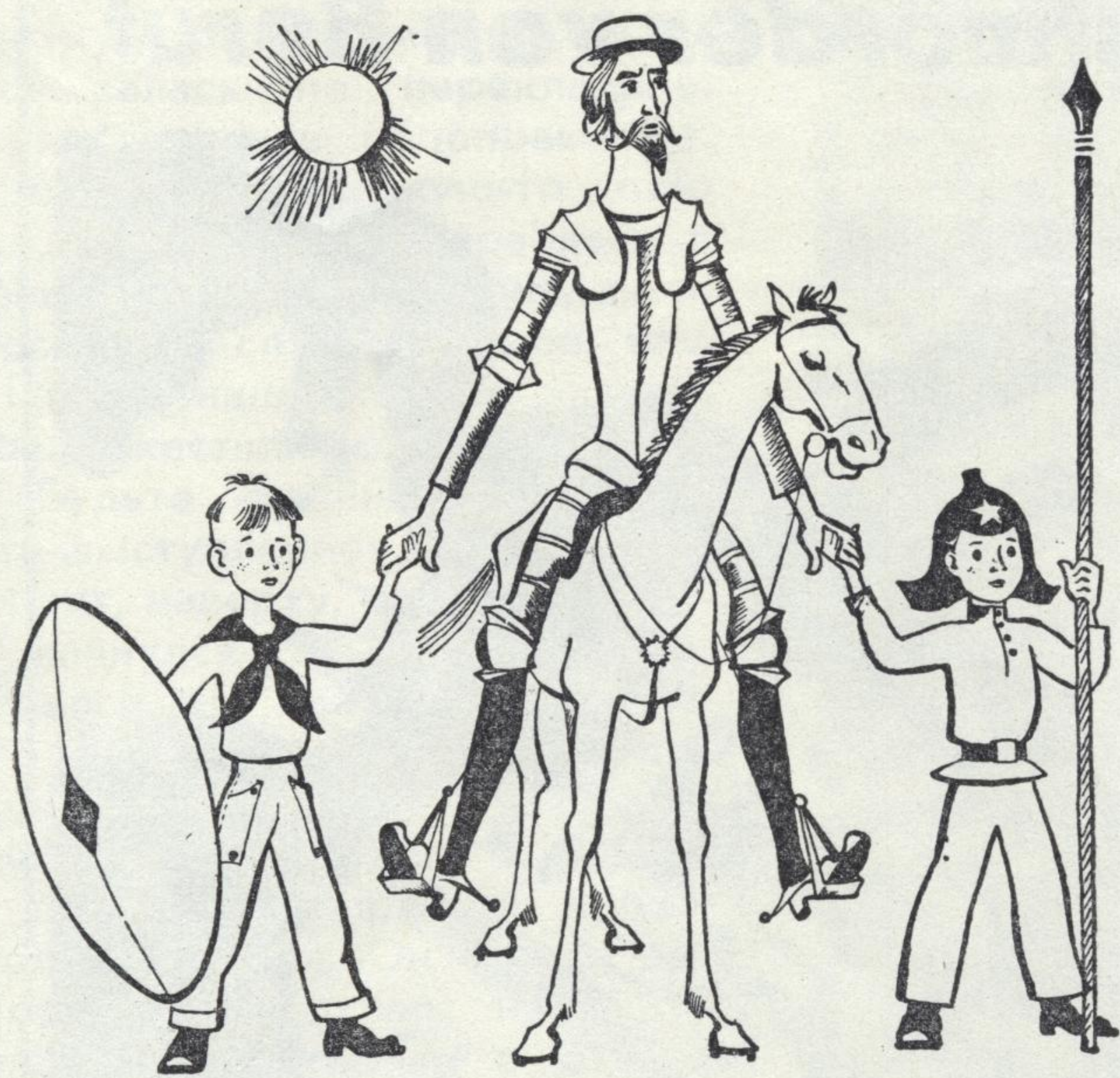

ШИПОВНИК

Шиповник горит предо мною
Сухим непривычным огнем.
Как нынешней много зимою
Коробочек ярких на нем!
Как будто не в памяти где-то,
Не в сердце под душной дохой,
А вот оно, красное лето,
Гремит в погремушке сухой!
Снежок меж ногой и прокладкой
Набьется в ботинок, и вот,
Его доставая, украдкой
Сорву ослепительный плод.
Роскошный декабрь небывалый
Сверкает в просторе пустом,
И отблеск морозный и алый
Разлит над замерзшим кустом.
Как будто багровые розы
Над снегом цветут высоко.
И странно: за рифмой «морозы»
Не надо ходить далеко.

* * *
Удивляюсь, как не скажут,
Или видно только мне?
Вкруг меня стаканы пляшут,
Как лошадки в табуне.
Вазы прыгают быками
И, весельем обуян,
С запеченными боками
Скачет глиняный баран.
И живу я, как затейник.
Прихожу куда-нибудь —
Рысаком кипит кофейник,
Клонит голову на грудь.
Сладкий стол ему забава,
Он трясется и дрожит,
То отклонится направо,
То налево забежит.
Да и сам я, сидя с краю,
Разве слушаю, сижу?
Потихоньку от хозяев
С их кофейником пляшу.
Пляшет сахарница рядом,
Тесный кружится бокал.
Сколько раз я строгим взглядом
Их на место возвращал!

ДОН-КИХОТ

Мы к рыцарским доспехам
Вернемся как-нибудь,
И к рыцарским потехам,
И к сборам в дальний путь.
Стихи украсят наши
Турниры и мечи,
И шаг дворцовой стражи,
И окрики в ночи.

Но нынче наша тема —
Особая статья!
Не блеск стального шлема,
А тазик для бритья!
Сказать: обезопасил —
Принизить лишь его:
Он голову украсил
Безумца одного!

Спросите, каждый скажет,
Встречавшийся со злом:
Оно тенями машет,
Как мельничным крылом.
Ты видишь, мы не сдали!
И все же, Дон-Кихот,
На помощь! Мы устали —
А зло не устает.

Сеньор Кихано Добрый,
Прекрасный Дон-Кихот
Коня худые ребра
Ногами подопрет

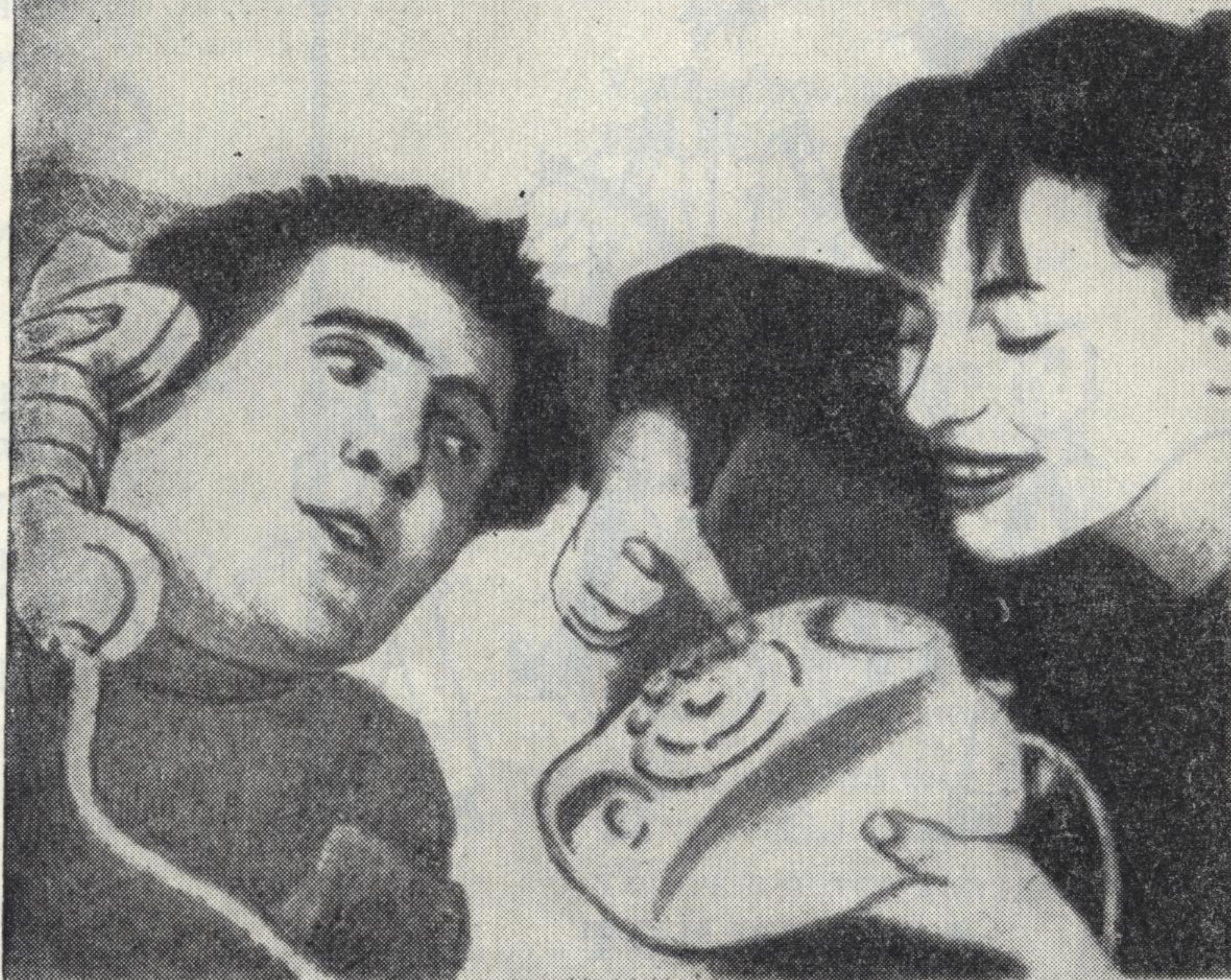
И в битву, как на праздник,
Торопится с конем.
Как этот медный тазик,
Так дух пылает в нем!

* * *

Хороши щегол и сойка,
Угловатый грач-мудрец,
Дятел, крепкий, как настойка,
В темной стеганке скворец.
До чего хорош унылый
Черный ворон, сажа с крыш.
Но всех лучше острокрылый,
Уходящий в небо стриж!
С пухлой грудью, как из ваты,
Серый дрозд хорош в саду,
И удод замысловатый,
Вдруг пугающий: ду-ду.
Или голубь беззащитный,
Или филин, или чиж.
Но всех лучше саблевидный,
Уходящий в небо стриж!

Selbstmörder von Beruf

Die Leitungen des Neckarsulmer Krankenhauses laufen heiß, weil so

В палату, где он лежал, беспрерывно звонили репортеры:

— Собирается ли господин Даль после выздоровления вернуться к своей прежней профессии?

— Да, конечно...

САМОУБИЙЦЫ ПО ПРОФЕССИИ

1

Родители Арнима Даля не имели возможности дать сыну образование, но у мальчика еще в раннем детстве выявились незаурядные способности к легкой атлетике. Уже в 17 лет он стал мастером спорта по прыжкам в воду. Но молодость прошла, а с нею прошла пора спортивных успехов. И вот однажды австриец Арним Даль обнаружил, что у него есть семья и нечем ее кормить.

Чтобы зарабатывать на жизнь, пришлось заключить договор с киностудией. Даль выполнял головокружительные трюки в приключенческих боевиках: бросался в море с двадцатиметровой высоты, спрыгивал с мотоцикла, летящего со скоростью восемьдесят километров

в час, выскакивал из охваченной пламенем машины... Каждый номер требовал тщательной подготовки, А РЕЖИССЕР ТОРОПИЛ: «ВРЕМЯ — ДЕНЬГИ!»

Во время съемок кинокартины «Жизнь, полная опасностей» Даль должен был по веревочной лестнице перебраться с крыши товарного вагона на вертолет. Однако в момент перехода пилот внезапно начал набирать высоту и порывом ветра Даля сбросило под откос. Он ударился спиной о рельс и тут же потерял сознание...

«Должно быть, вы родились в сорочке, — сказал ему врач, — дело могло кончиться для вас гораздо хуже».

2

Их номер назывался «В дружбе со смертью». Каждый вечер публика до отказа заполняла цирк, чтобы посмотреть на головокружительные трюки Курта и Клары Цинн. Вначале они работали с сеткой, но затем владелец цирка

РАСПОРЯДИЛСЯ УБРАТЬ ПРЕДОХРАНИТЕЛЬНЫЕ ПРИСПОСОБЛЕНИЯ: он считал, что это подогреет интерес зрителей и позволит поднять цены на билеты.

В тот вечер сначала все шло как обычно.

Курт готовился уже к своему коронному «прыжку смерти». Клара раскачивалась на перекладине. И тут случилось непоправимое. Расслабившись на какую-то долю секунды, акробатка сорвалась с трапеции и камнем рухнула вниз. А поскольку сетки не было, то...

И тогда напряженную тишину прервал жесткий голос из публики: «Будьте мужчиной, продолжайте выступление».

И тот, наверху, собрав все силы, качнулся на перекладине, оторвался от нее и перелетел через весь цирк к другой трапеции.

На следующий день в редакцию газеты «Ди прессе» явился молодой человек. Он сказал редактору: «Вы должны изменить заключительный абзац в отчете о вчерашнем происшествии в цирке и напечатать газетную полосу еще раз. Необходимо указать, что, несмотря на трагедию, акробат работал великолепно, как и подобает настоящему артисту...»

«Вы сошли с ума! — прервал его редактор. — Ведь газета давно уже распродана...»

«Это неважно, мне нужен только один экземпляр».

«Да кто вы такой, в конце концов?»

«Я тот человек, который убедил акробата продолжать выступление. К сожалению, его все равно уволили. Он уже немолод, и в Вене ему работы не найти, но если вы сделаете то, о чем я прошу, можно будет попытаться счастья в провинции...»

«Но почему именно вы принимаете такое участие в его судьбе?»

«Потому что я — единственный сын этой артистической пары».

Английский акробат-эквилибрист Виктор Борроу снимается в военно-приключенческом фильме „Маневры в Баварии“.

Этих людей называют солдатами цирка и кино; их мужеству, находчивости, высокому мастерству рукоплещут зрители во всех уголках планеты.

Однако на Западе жизнь этих смельчанов как правило в руках беззастенчивых дельцов. Поэтому там их чаще называют профессиональными самоубийцами...

НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ В БАРХАНАХ

А. Томили

Командировка кончалась... Билет на самолет «ИЛ-18» — и, значит, через несколько часов — Ленинград, дом... Но — встреча на геологической базе — и старый приятель шофер-экспедиционер Академии наук Виталий Федорович Селиверстов изменил мои планы: «Возвращаешься, Николаич? (Это — мне). Я — тоже. Своим ходом до Москвы. Пошли вместе...»

Соблазн был велик. Я оказался в кабине экспедиционного вездехода на шоссе Ташкент — Бухара и дальше, дальше...

Сто десятый километр шоссе Чарджоу — Термез. Здесь нам поворачивать, уходить в пески. Первый колодец. Первая стоянка чабанов.

...В тени машины на корточках сидят двое. Шофер-туркмен, смуглый, поджарый, с черными блестящими волосами под кепкой. Виталий — полная противоположность ему: светло-волосый, крепко сколоченная фигура.

Виталий выясняет дорогу, мешая туркменские слова с русскими. Наконец, оба шофера поднимаются на ноги.

— Порядок, Николаич. До Нички дорога накатанная. Садись.

Знаю, что Ничка — поселок на берегу Каракумского канала, примерно третья или четвертая часть пути по бездорожью. Через десять минут на асфальт не остается и намека. Вездеход с ревом берет первые барханы...

Вот они какие, Каракумы. Бесконечное море застывших волн песка. Скелеты кустов. Остатки высохших трав.

Между прочим, пора бы уже добраться. Где же канал? «Накатанная» дорога чуть заметным следом прыгает в свете фар. Вспоминаю напутствие: «В пустыне тысяча дорог, лабиринт. Смотрите не сбейтесь». Но Виталий безмятежен. Успокаиваюсь и я.

Сначала появились кусты. С листьями, не сухие. Потом юрты, дома. Даже комары. Тучи комаров, столько, сколько песка в барханах. Откуда комары в пустыне?

— Клевер, — объясняет Берды Амалиев, чабан колхоза имени Ленина. Около его юрты мы остановились спросить путь к переправе. Гасим фары. Может быть, в темноте не так легко нас найти. Нет, находят... А Берды уже угощает зеленым чаем путников. Закон гостеприимства. Древний, славный закон.

Поперек канала — большой понтон со сходнями. Переправа. В самое сердце пустыни пришла вода, сокровище этих мест. Сейчас уже первая и вторая очереди Каракумского канала работают на полную мощность. И все равно мало. Не хватает воды этой плодородной, несправедливо обиженной земле. По каналу буксиры гонят грузы через Каракумы, снуют самоходные баржи, легкие катера раз-

возят школьников по домам. По берегам канала воюют с песками две тысячи человек. Защищают воду.

— Поезжайте баржей, — сказали нам утром в конторе монтажного управления. — Для машины в песках дороги нет.

— А скоро придет баржа?

— Дня через три, может, через пять...

У нас тяжелая большая машина ГАЗ-69, это во-первых. Пять дней, а то и неделя — слишком большой для нас срок, это во-вторых. Посоветавшись, решаем идти в глубь песков, ориентируясь по колодцам.

Утром солнце вынырнуло из песков красным. Рваные облака не предвещали ничего хорошего. И все-таки вперед, к центральному колодцу Сенгир! Барханы дымятся рыжими косичками песка и пыли. Чуть заметный след от колес огибает холмы. Ветер крепчает.

Через полчаса в наглухо закрытой кабине нечем дышать. Буро-желтая мгла закрыла солнце. Вот уже не различить песчаных гор, по которым карабкается наш «газик». Наконец, у самых колес обрывается колея. Афганец! Страшный юго-восточный ветер. Бич Каракумов. Мы вылезаем из кабины, пробуем оглядеться. Куда там! Раскаленный песок, поднятый дыханием афганца, сечет лицо. Мелкая пыль забивается в глаза, в уши, в нос. Термометр в кузове показывает сорок четыре.

...Трудно сказать, сколько мы блуждали в песчаной мгле. Неожиданно из сплошной стены пыли вынырнули силуэты сбившихся в кучу овец. Вскоре, наклонившись против ветра, крепко втыкая посох в песок, к нам подходил старик.

— Здравствуйте.

— Здравствуйте! — двумя руками в знак особой радости жмем темную сухую руку.

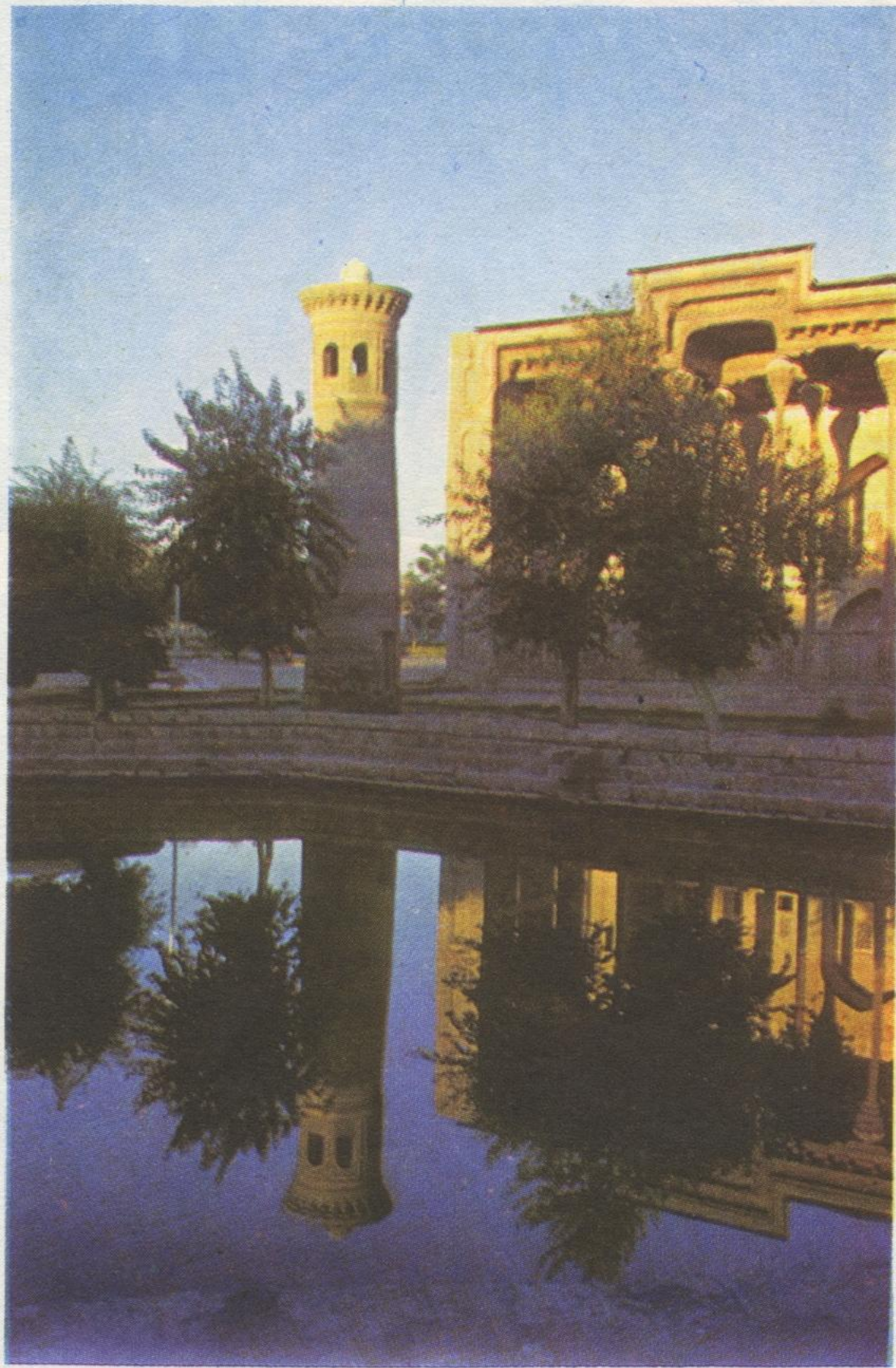
— Чего ищем? Дорога терял? Афганец — дома надо сидеть...

Потом мы слышим обо всем, что нас интересовало.

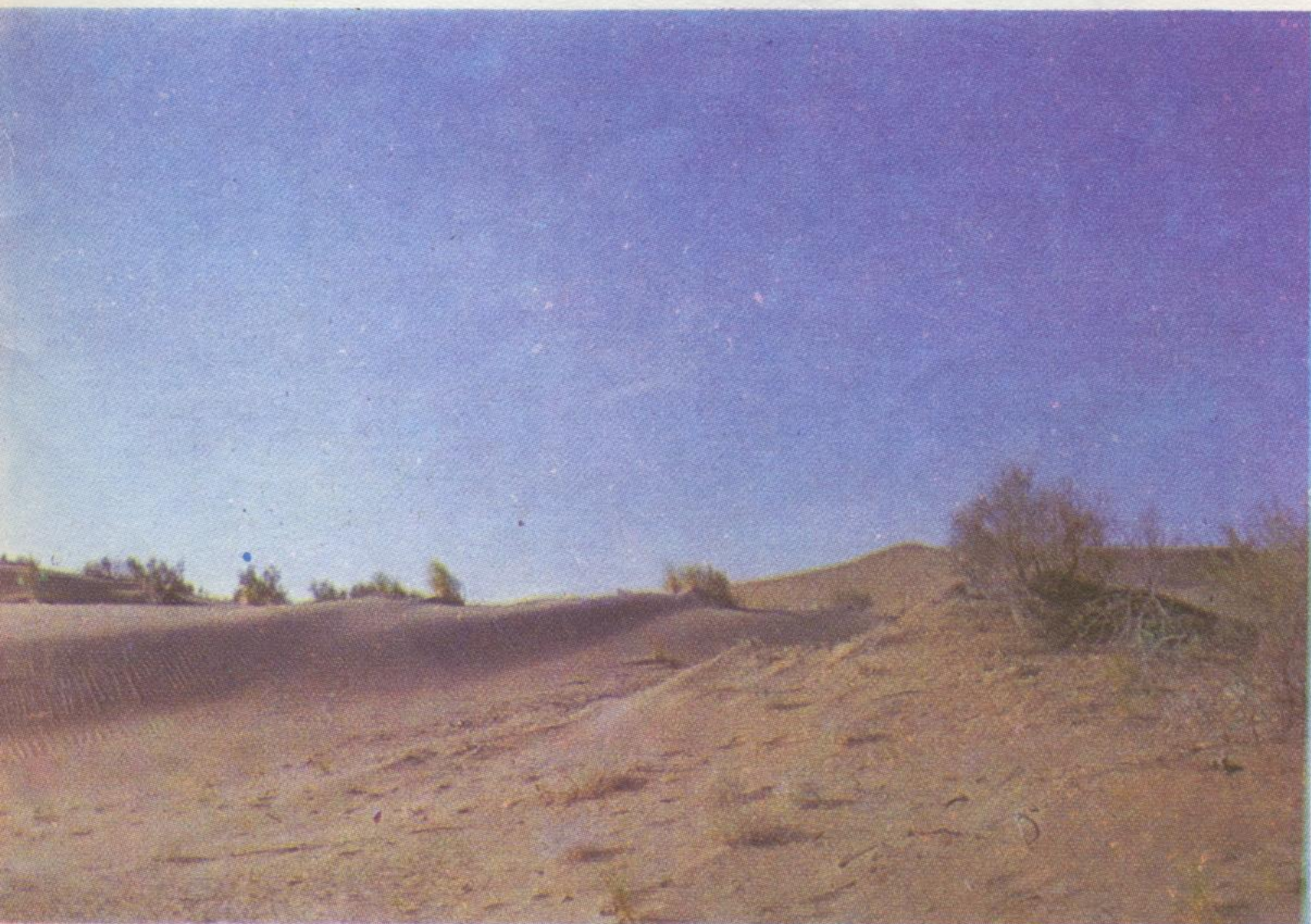
— ...Ничего, ничего, скоро ветер кончится. Мало-мало дует.

Два часа спустя в рассеивающемся пыльном тумане мы разглядели очертания домов и юрт знакомого поселка. Мы вернулись.

На вклейке фото автора

Бухару называют жемчужиной Средней Азии. Народные мастера украсили ее дворцы и площади. Так выглядит ранним утром здание дворцового ансамбля эмира бухарского.

Каракумские барханы никогда не бывают одинаковы. Дунул ветер, и рисунок уже не тот...

Тысячелетиями лежала нефть под раскаленными песками. Пришли люди и раскопали клад.

КАК ПЕТУХ ГРОЗИЛСЯ ЛЕС ПОДЖЕЧЬ

АФРИКАНСКАЯ СКАЗКА

Анна Гарф

Рисунки Е. Захарова

Было время, когда куры в лесу жили и дикие коты курам служили: пищу добывали, хижины строили, нянчили цыплят.

Чуть что петуху не понравится, крыльями захлопает, ногами затопаёт, голову задерет и кричит на весь лес:

— Всех спалю-у-у-у! Пламенем своего гребешка сожгу-у-у-у!

Кошки так огня боялись, что днем не смели говорить громко, а ночью не отваживались мяукать. Даже малым цыплятам старые коты уступали дорогу. Те и кукарекать еще не умеют, а пищат:

— Лю-лю-лю-у-у-у-у!

— Это они говорят «спалю-у-у», — шепчут кошки котяткам.

Однажды погас в доме кошек огонь.

И вот кошка-мать сказала своему сыну:

— Ты к цыплятам пойдешь, у них огонька попроси.

Пришел котенок, а в курином доме нет никого, только один петух на циновке лежит и храпит. Котенок не посмел беспокоить хозяина и вернулся домой ни с чем.

Мать велела:

— Возьми пучок сухой травы, подойди к спящему петуху, приложи траву к его гребешку, и как только трава вспыхнет, беги домой.

Котенок послушался, сделал все, как мать учила. Но трава не загорелась, хотя он держал ее у огненно-красного петушиного гребня до тех пор, пока лапа не устала.

И снова пришел котенок домой, не добыв огня.

— Видно, ты побоялся подойти к петуху поближе, — рассердилась мать.

Сплела она из сухой травы жгут и сама пошла. Осторожно, на животе подползла к спящему, тихонько приложила траву к ярко-алому гребешку. Трава не вспыхнула.

«Не может быть, — подумала кошка, — чтобы от петушиного гребешка трава не загорелась, иначе петух не грозился бы, что спалит весь лес».

И принялась она дуть на траву. Дула, дула, но ни единой искры не вылетело. В хлопотах кошка нечаянно тронула огненно-яркий гребень, а он холодный! Хотя и красный, как огонь.

Тут кошка осмелела, стегнула жгутом по гребню.

Петух вскочил, захлопал крыльями, как громом загремел, поднял голову, заорал:

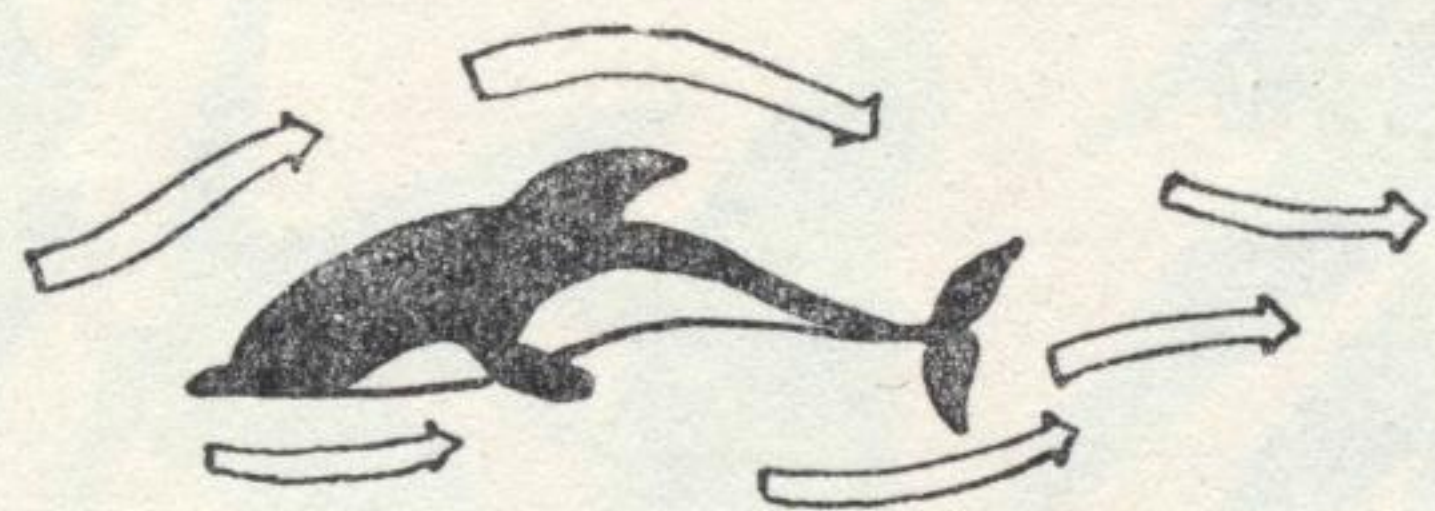
— Подпалю-у-у-у! Сожгу-у-у-у!

Но кошка только посмеивалась. Посмеялась, посмеялась да и выпустила когти.

Петух всполошился, побежал в деревню к людям, за ним куры, за курами цыплята. И до сих пор они все в деревне живут. Гребень у петуха и сегодня, как пламя, яркий, и хлопает крыльями петух, как громом гремит, и кричит громче всех, да кто его боится? Все знают: гребень у него яркий, да не жаркий.

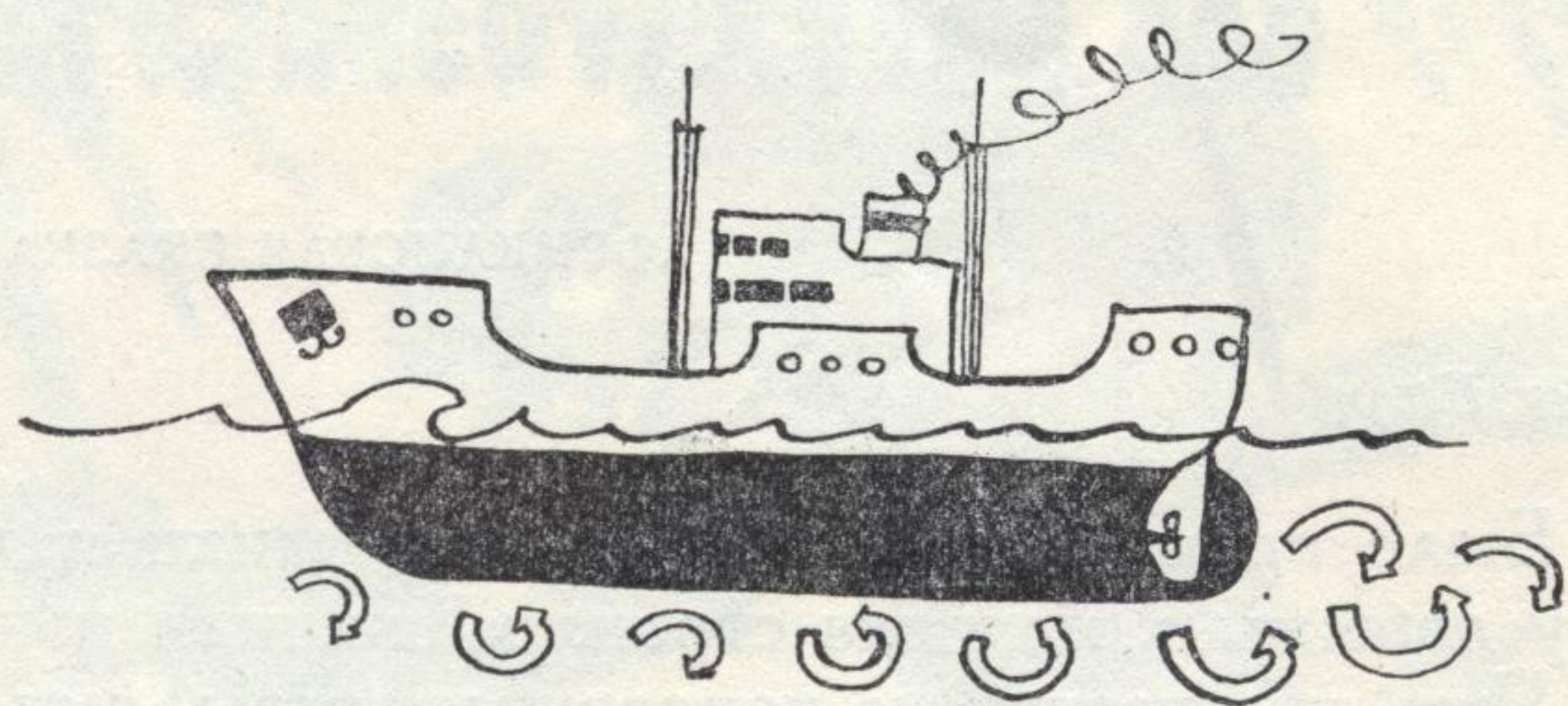

Превосходство дельфинов очевидно

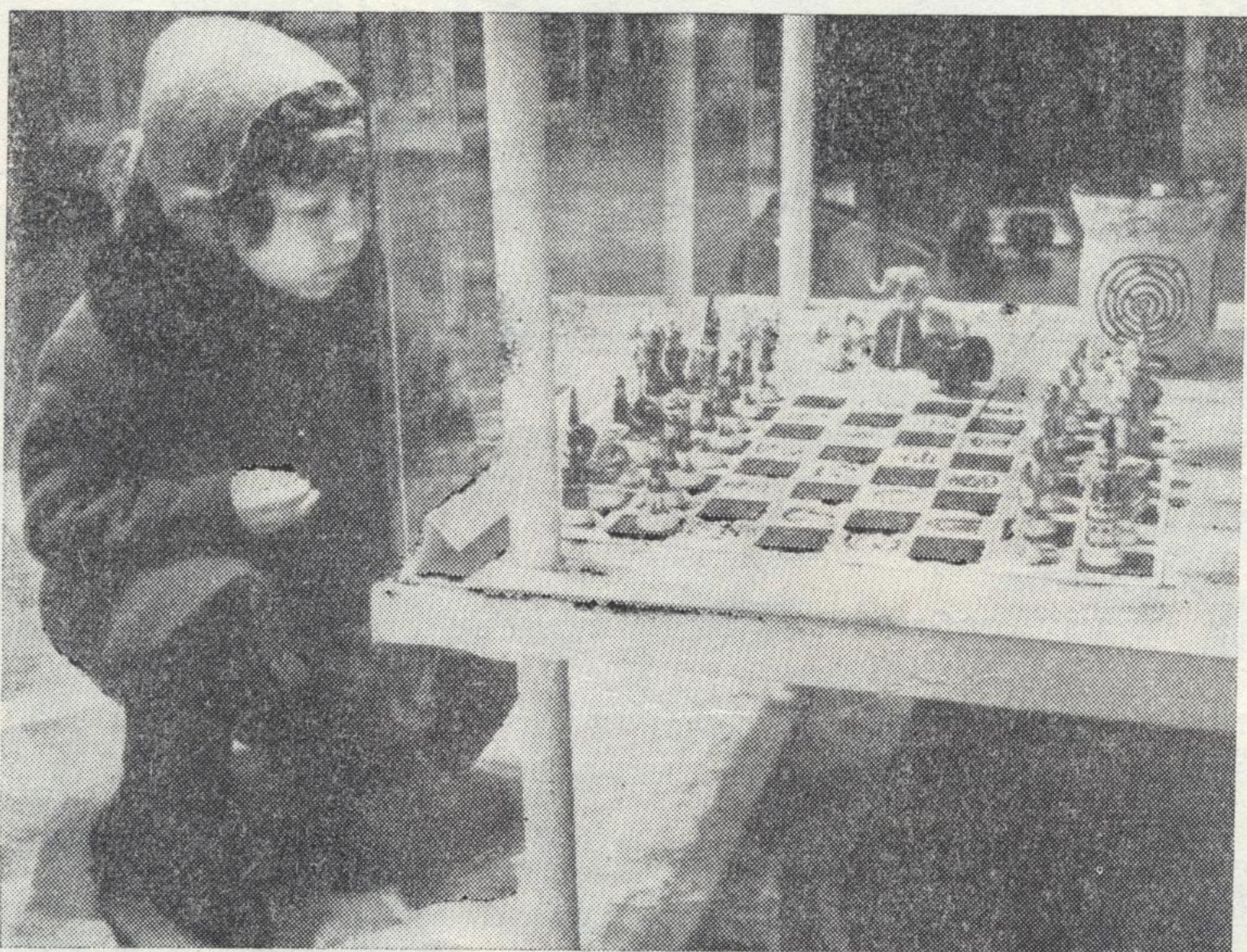

От носа идущего корабля всегда тянутся «усы» — волны с белыми гребешками, а вдоль бортов рождаются маленькие водовороты — буруны. На это совершенно бесполезное для человека «взбалачивание» моря уходит едва ли не половина мощности судового двигателя.

Вот почему черноморский дельфин — афалина — с одной-единственной «дельфиньей» силой перегоняет океанские суда с тысячами лошадиных сил в машинах. Когда дельфин плавает, вода обтекает его

тело, не создавая ни волн, ни бурунов, ни завихрений. Поэтому и высок «коэффициент полезного действия» дельфинов. Они не тратят сил зря, все силы идут только для движения вперед. Этому способствует строение дельфиньей кожи.

Единственные в своем роде

«Вот бы поиграть в эти шахматы», — думает мальчик, глядя через стекло витрины на фарфоровые шахматные фигуры. Нарядные дамы, кавалеры и солдаты в мундирах петровских времен стоят на клетках, украшенных рисунками парусных кораблей, старинных крепостных башен, древними морскими знаками.

Оригинальные шахматы созданы мастером декоративно-прикладного искусства А. Ивановым. Мастер долго изучал рисунки, гравюры и рукописи петровских времен, чтобы верно воссоздать время. Шахматы расписаны цветной надглазурной живописью.

Редкие шахматы несколько месяцев путешествовали по Европе и недавно вернулись на свою родину, в Ленинград.

Фото В. Кривошеина

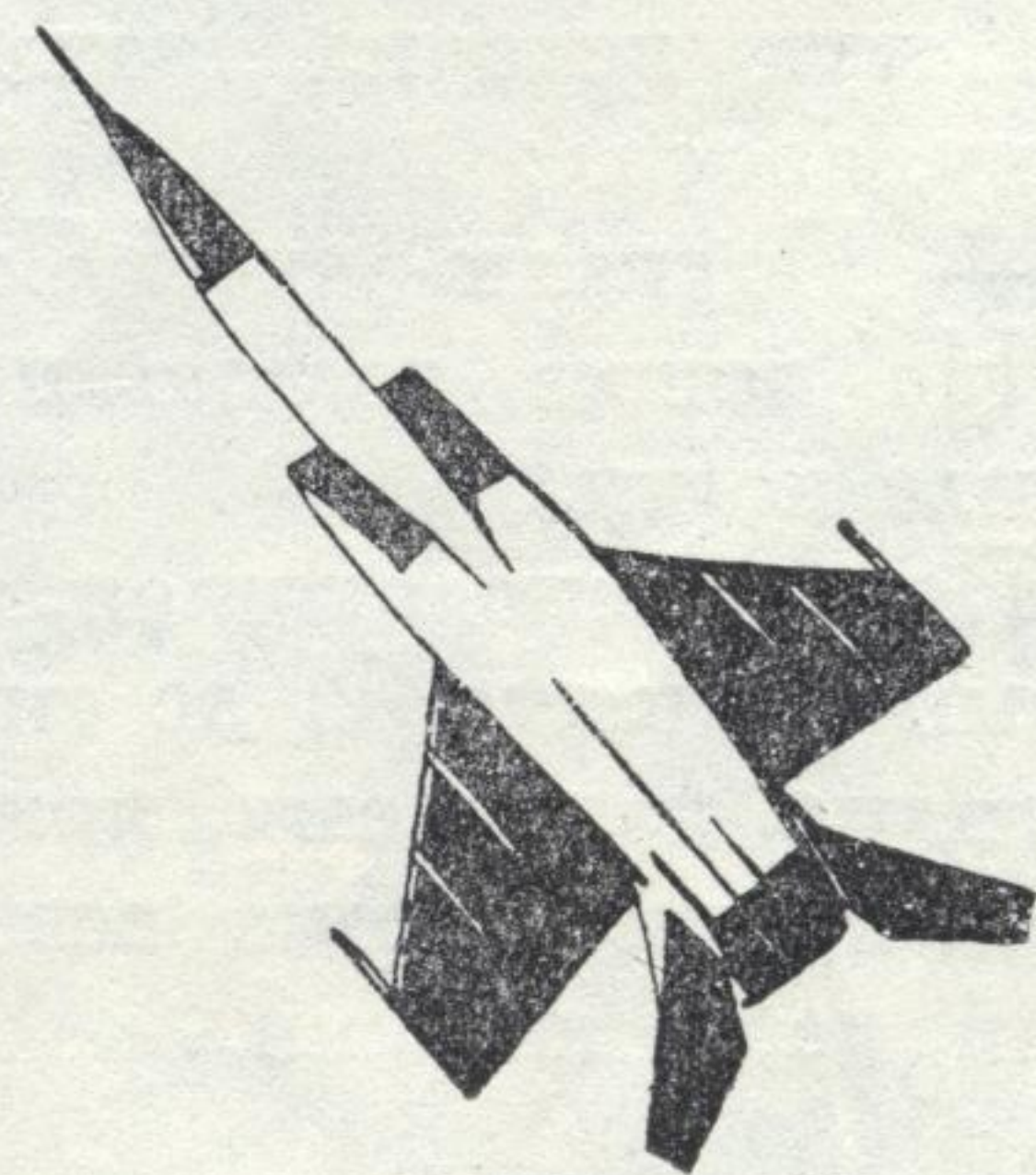
„Струи угля“

До сих пор уголь называли «хлебom промышленности». Его можно было бы переименовать в «покорителя небес», после того как французские энергетика предложили «рецепт» карбожета, топлива из каменноугольного пека для реактивных самолетов. Карбожет (по-русски «струи угля») при низких температурах, существующих на высоте нескольких тысяч метров, сохраняет текучесть.

Металл будущего

Обшивка сверхзвукового самолета, скорость которого не меньше 3 000 километров в час, из-за трения о воздух нагревается до 200 градусов. Значит, из алюминия такой самолет не построишь: при температуре более 150 градусов алюминиевые сплавы теряют прочность.

Авиаконструкторы называют титан металлом будущего. Он так же легкий, как алюминий, прочен и не боится нагрева почти до 300 градусов.

Хлеб наш насущный

РАССКАЗ

«Детство мое закончилось рано и как-то сразу: за участие в нелегальной деятельности в гимназии я был арестован и приговорен к тюремному заключению. В тюрьме я просидел около двух лет — вплоть до 9 сентября 1944 года». Наверное, эти слова болгарского писателя Кольо Георгиева объясняют, почему у него много рассказов о детстве. Мы печатаем один из этих рассказов.

Кольо Георгиев

Рисунки В. Орлова

Когда мы кончили ужинать, отец собрал хлебные крошки в горсть, высыпал их в рот и сказал:

— Так-то. Все идет гладко, когда человек сыт. Иным кажется мир. И хочется прочесть слова молитвы: «Хлеб наш насущный даждь нам...» Забыл. Как там дальше?

— Да ты разве когда-нибудь помнил? — сказала бабушка, помогая маме убирать со стола.

— Учили ж когда-то. Когда я был вот такой... — отец взял меня сзади за шею двумя пальцами и подмигнул.

— Что ж ты тогда ему не даешь ни молитвы учить, ни в церковь ходить? — заметила бабушка.

— Ты одно время часто ходила, только какой с того прок? Что-то ты своими молитвами во время войны ни мужа от пули не уберегла, ни братьев. Да и сейчас, сколько ни молись, не воскресишь.

— И все же...

— Да ладно, как знаешь. Скажи лучше, какие там слова в этой молитве, уж больно интересные.

— погоди, может, и я запомню, — бабушка поставила на место софру,* прищурилась, припоминая, и начала: «Отче наш, иже еси на небесех, да святится имя твое, да придет царствие твое, да будет воля твоя... Хлеб наш насущный даждь нам днесь...»

— Хватит, знаешь урок, — снова подмигнул мне отец. — Об этих словах я и говорил: «Хлеб наш насущный даждь нам днесь», а остальное вздор, пустое.

— Говорить-то всякое можно. Но лучше ты меня спроси, как я себя утешала этой молитвой. Боже ты мой, — всплеснула она руками, — страшно вспомнить. Мой-то ушел на войну, оставив меня с тремя малолетними детьми, что все в руки смотрят, все есть просят и не могут понять, что есть-то нечего. И чего я только не делала, чтобы не ложились они спать голодными! Да и чего им дашь? По куску сухого хлеба. А сама — целый день в поле, и окапы-ваешь, и жнешь, и снопы возишь, а снопы тяжелые... во рту ни маковой росиночки. Как по-

темнеет в глазах, прикрою их, обопрюсь обо что-нибудь и начну читать вот эту самую молитву... шепчу, шепчу, голод и поутихнет. От веры ли это было или от невежества...

— От невежества, — сказал отец. — Молитвой не прокормишься. У тебя в желудке от голода урчит, а ты знай читай молитвы, коли другого дела нет.

— Кто его знает... — ответила бабушка.

— Я-то знаю. — Отец взял из рук мамы хлебный каравай, посмотрел на него пристально, словно видел его впервые, и торжественно произнес: — Вот в этом каравае все и заключается, в этом сухом, черном, горьком хлебе насущном. Будет он, и мы не пропадем. А твои молитвы гроша ломаного не стоят...

Я все никак не мог взять в толк, чего это отец так нахваливает этот хлеб. Может, хлеб и не так уж плох, но, если есть его часто, он так опротивеет, что от одной только мысли о нем становится тошно. Я сам это не раз испытал, возвращаясь из школы голодным. Утром один хлеб еще куда ни шло — ведь всю ночь у тебя не было во рту ни кусочка, да к тому же случилось, мама или бабушка делали из него тюрю, прибавляя в теплую воду немножечко подсолнечного масла. Но один только хлеб и после школы — это уж никуда не годилось. А очень часто меня ждал на обед один только хлеб. Мама отрезала мне от караваея ломоть, я в середине его делал вмятину, куда насыпал соль, и отправлялся в огород. Там я срывал с грядки зеленые перья лука или чеснока и ел их, макая в соль. Я откусывал от ломтя до тех пор, пока у меня в руках не оставался маленький, до горечи соленый кусочек мякиша, который я каждый раз собирался кинуть воробьям и каждый раз проглатывал сам в надежде, что с этим последним кусочком наступит, наконец, ощущение сытости. Но оно так и не наступало, и я, чувствуя во рту нестерпимую горечь, бежал домой, чтобы выпросить у мамы еще чего-нибудь.

Однажды в школе я так проголодался и мне стало до того тошно, что я не пошел домой, а взобрался неподалеку от дома на пригорок и закричал что было силы:

— Ма-ма! Я есть хочу, ма-а!

* Софра — низкий круглый стол.

Очень уж мне хотелось, чтобы в этот день меня ждало что-нибудь вкусное. Я даже представил себе, как мама выйдет на порог, махнет мне радостно рукой и я со всех ног брошусь к дому. Тут я даже попытался себе представить, что бы это могло быть — вкусное...

Но мама появилась на пороге с метлой. Она погрозила мне и крикнула, чтобы я шел домой и не позорил ее на все село.

Но я упрямо продолжал кричать:

— Мама, есть хочу, ма-а-а!

— Иди, коли хочешь! — крикнула она мне.

— А что? Опять пустой хлеб? — спросил я, хотя спрашивать было бесполезно.

— Нет, испекла тебе баницу.*

— Да-а, знаю я, какую баницу...

Видя, что добром меня не унять, мама даже погналась за мной. Но я отбежал на безопасное расстояние и продолжал кричать:

— Мама, есть хочу, ма-а-а!

Мама вернулась в дом, пригрозив, что не пустит меня на порог.

После этого, сколько я ни кричал, она так больше и не показалась. Я побрел в наш сад и спрятался там в зарослях бузины — оттуда дом был виден как на ладони. Теперь я уже не кричал, а примирившись с тем, что и на этот раз мне придется обедать хлебом с луком, стал ждать, когда мама начнет меня разыскивать. Я даже раскаивался в том, что так ее разозлил — ведь она сама говорила: «Если бы от меня зависело, так я бы тебя одним медом да маслом кормила. Сама бы ничего не ела, чтобы тебе побольше перепало». И еще я вспомнил, как в другой раз, когда я очень уж ее рассердил, она сказала: «Вот подожди, умру, тогда узнаешь, как тяжело, когда некого матерью назвать». При этой мысли тишина, воцарившаяся дома, показалась мне как-то тревожной. Тогда я нарочно стал мяукать, скулить по-щенячьи, кудахтать и раскачивать ветки бузины, надеясь все превратить в шутку. Но никто не обратил на меня внимания. Тогда я совсем вышел из кустов.

Мама дома не оказалось. Вскоре я услышал ее голос, доносившийся от соседей. Видно, она

здорово рассердилась, потому что заперла буфет и ушла по своим делам. Итак, я до самого вечера должен был сидеть голодным.

Мысль об этом настолько разожгла мой аппетит, что я почувствовал: мне вот-вот станет дурно, если я не проглочу хоть кусочек чего-нибудь. Другого выхода не оставалось, как бежать к деду — там как раз в это время сиделись обедать.

Мама часто говорила:

— Запрещаю тебе ходить к деду в полдень. Ты сам знаешь: когда дед голоден, он не терпит, чтобы посторонние маячили у него перед глазами. Он тогда и бабушку-то едва терпит.

И действительно, дед мой от голода становился злющим-презлющим, и тогда всем от него попадало. Бабушка говорила, что она просто не знает, что это с ним в такие минуты делается — целый день ходит веселый, улыба-

ется, а как подойдет время обедать, так непременно найдет к чему придраться. «Просто не смею никого к столу пригласить», — жаловалась она.

Я направился к деду, решив, что еще от ворот начну плакать и причитать: мол, мама не дает мне есть. «А если они меня пожалеют, — думал я, — и скажут: «Как это не дает? Уж не хочет ли она уморить тебя голодом?» — я отвечу: «Да, она хочет уморить меня голодом...»

* Баница — слоеный пирог.

Но я забыл о своем намерении, так как, подойдя к дому, услышал сердитый голос деда. Когда я вошел, стол уже был накрыт, в середине стояла миска с дымящейся фасоловой похлебкой, а вокруг миски лежали длинные, срезанные во весь каравай, ломти хлеба. Но к еде еще никто не притрагивался. Дед громко бранил бабушку за то, что она куда-то задевала его ложку. Дедушкина ложка была особая — большущая, величиной с мою горсть. Она с трудом пролезала деду в рот. Но с тех пор, как дед вернулся из плена с острова Трикери, он признавал только эту ложку. Ее сделал из алюминия какой-то дедов приятель, предсказав, что, пока дед ест этой ложкой, он будет здоровым, а как только ее потеряет, на него свалятся бесчисленные недуги.

— Подавай ложку! — кричал дед бабушке. — Весь дом перевернуть заставлю... Из-за своей ложки человека убить могу!

Бабушка обшарила посудные полки, перерыла постель, заглянула в печь, даже вышла зачем-то за порог, а дед вертелся вьюном на своей трехногой табуретке и кричал ей вдогонку:

— Без ложки лучше не возвращайся!

— Что ж это такое? — оправдывалась бабушка. — Когда на стол собирала, я ее перед тобой положила, хорошо помню. Что ж это такое?

— Что ты можешь помнить с твоим-то куриным умом? Я вот тебе покажу! — крикнул дед и угрожающе взмахнул рукой.

Бабушка взглянула на его руку и в изнеможении опустилась на кровать.

— Чтоб тебе... — сказала она. — Так человека с ума свести можно, душегубец ты эдакий. Посмотри лучше, что в руке-то держишь.

Дед взглянул на свою руку и глаза вытаращил от удивления: в кулаке у него была зажата ложка. Просто он ее не заметил, потому что от злости все время размахивал рукой.

— Что ж ты мне до сих пор не сказала? Сама говоришь — на место положила. Делаешь из меня дурачка. ...Что я тебе?..

— А я видел, что она у тебя в руке, дедушка, —

сказал я радостно, решив, что дедов гнев утих и мы сможем приступить к обеду.

— Ах ты, негодник! — гаркнул совершенно неожиданно дед. — Видел и молчал! Над дедом смеяться вздумал! Марш отсюда!

— Что ж это ты ребенка гонишь? — возразила ему бабушка и схватила меня за рукав, потому что я заплакал от обиды и направился было к дверям.

Дед вытер ложку ладонью, зачерпнул похлебки и тотчас утих. Он даже поднял свои косматые брови, взглянул на меня весело и усмехнулся одними только глазами.

Бабушка придвинула к софре трехногую табуретку, вынула из буфета ложку, пододвинула большой ломоть хлеба и сказала:

— Ну, чем богаты, тем и рады. Садись-ка подле меня.

Но я остался стоять, опершись спиной о стенку и глядя себе под ноги. Не мог я сесть за стол после слов деда, а уйти у меня просто не хватало силы воли.

— Давай-давай, садись, а то, пока ждешь уговоров, на столе ничего не останется, — прошамкал дед, набивая рот.

— Сам обидел, а потом к столу приглашаешь, — упрекнула его бабушка. Она к еде и не прикоснулась.

— Чем же это я его обидел? Голодным нечего обижаться...

— А я и не голодный, — поспешил вставить я. Но чего мне стоило произнести эти слова!

— Не голодный... — передразнил меня насмешливо дед. — Будто я по глазам твоим не вижу, что тебе так хочется есть, что хоть реви.

— А вот и не хочется, — шепотом повторил я.

— Оставь ребенка в покое, — заступилась за меня бабушка, — от твоих слов и аппетит пропадет. Иди, иди садись, внучек. — Она протянула ко мне руку, но я отстранился.

— Не хочется мне, ба...

Я уже слышал, как дедушкина ложка скребла по дну миски.

— Давай-давай, от хлеба хоть не отказывайся, — настаивала бабушка.

— Говорят же, не голодный я, ба... — проглотил я слюнки, готовый уже подсесть к столу.

— Да что ж ты думаешь, мы тебя, как принца, будем упрашивать, что ли? — сказал безжалостно дед. — Человека до трех раз приглашают, а мы тебя с бабушкой сколько раз звать будем? В последний раз предлагаю...

Так вот значит как! До трех раз! Что ж он раньше-то об этом не сказал? Мне показалось, что дед надо мной просто смеется, и я, хорошо

сознавая, что последует за моими словами, выдавил через силу:

— Я сыт.

— А раз сыт, отправляйся домой. Не желаю, чтоб ты надо мной стоял, как жандарм какой.

Я разревелся и выскочил во двор. Следом за мной выбежали и дед, и бабушка.

— Не слушай ты мои глупые слова, — крикнул дед, — вернись! Не обижайся на деда! Я сам себя ненавижу, да вот, поди ж ты...

Бабушка тоже меня уговаривала, но я уже был на дороге.

Мне так захотелось умереть! И чтобы дед рыдал над моим гробом, а я поднялся бы и

сказал: «Вот видишь, что ты наделал? Только ты один во всем виноват...»

Голод начал мучить меня с новой силой. Но тут я вспомнил слова бабушки о мировой войне и начал шептать: «Отче наш, иже еси на небесех, да святится имя твое, да приидет царствие твое... Хлеб наш насущный даждь нам днесь...» Я остановился на словах о хлебе в надежде, что произойдет чудо, но голод не ослабевал, и я снова начал читать молитву. Несколько раз доходил я до слов о хлебе, но ничего не помогало, тогда я так разозлился, что стал что есть мочи кричать: «Даждь! Даждь! Даждь!»

Но и это не помогло.

Перевела с болгарского Т. Колева

ЮМОР И ЗЛОДЕЙСТВО

Есть шутки — мороз подирает по коже.

Отборные душегубы, сменявшие друг друга на императорском престоле Древнего Рима, приучили свой народ не удивляться жестокости. И все же император Гай Калигула каждый день приводил римлян в изумление. Он лил кровь не хмурясь, весело, с прибаутками.

Однажды на пиру Калигула беседовал с гостями о поэзии. (Он был к тому же весьма начитан, этот изверг.) Внезапно, оборвав собеседника на полуслове, император расхохотался.

— Чему изволит смеяться цезарь? — осведомились гости.

— А я подумал, что стоит мне мигнуть, и вам всем отрубят головы. Вот смех меня и разобрал!..

У РОЯЛЯ АНТОН РУБИНШТЕЙН

Знаменитый пианист Антон Рубинштейн давал однажды концерт в особняке великой княгини Елены Павловны, родственницы царя Николая I. После концерта знатная хозяйка завела с музыкантом скучный, высокопарный разговор.

— Дорогой господин Рубинштейн, — промолвила она, — справедливо ли утверждают иные, будто пианистом надо родиться?

— Это правда, ваше высочество, — ответил Рубинштейн. — Невозможно играть на рояле, не родившись!

И АКАДЕМИК, И ГЕРОЙ, И МОРЕПЛАВАТЕЛЬ, И ПЛОТНИК

Костя Теркин лихо взбежал по лестнице, пронесся по длинному коридору, распахнул двери кабинета...

Часы показывали одиннадцать сорок пять. До отправления этой страницы в типографию оставалось пятнадцать минут.

— Вот портреты, — сказал Теркин. — Это — ученый. Это — отважный ветеран.

голову вязаный колпачок, а у плотника такой вид, будто он пытается приподнять танк? Ничего не понимаю! Объясни мне, пожалуйста!

Костя всплеснул руками:

— Потеропился! Зарезал! Напечатал шесть на девять вместо девять на двенадцать!

*Доктор
технических наук
профессор
Иван Кулагин*

*Герой
Советского Союза
полковник
Андрей Потопольский*

*Капитан
Борис Панов*

*Плотник
Альберт Шаталов*

Это — моряк. Это — мастер рубанка. Как было приказано: так сказать, и академик, и герой, и мореплаватель, и плотник...

— Позволь, — удивился редактор, — мне кажется, ты что-то перепутал в спешке. Почему у тебя ученый в белой фуфайке? Почему подмигивает моряк? Почему герой надел на

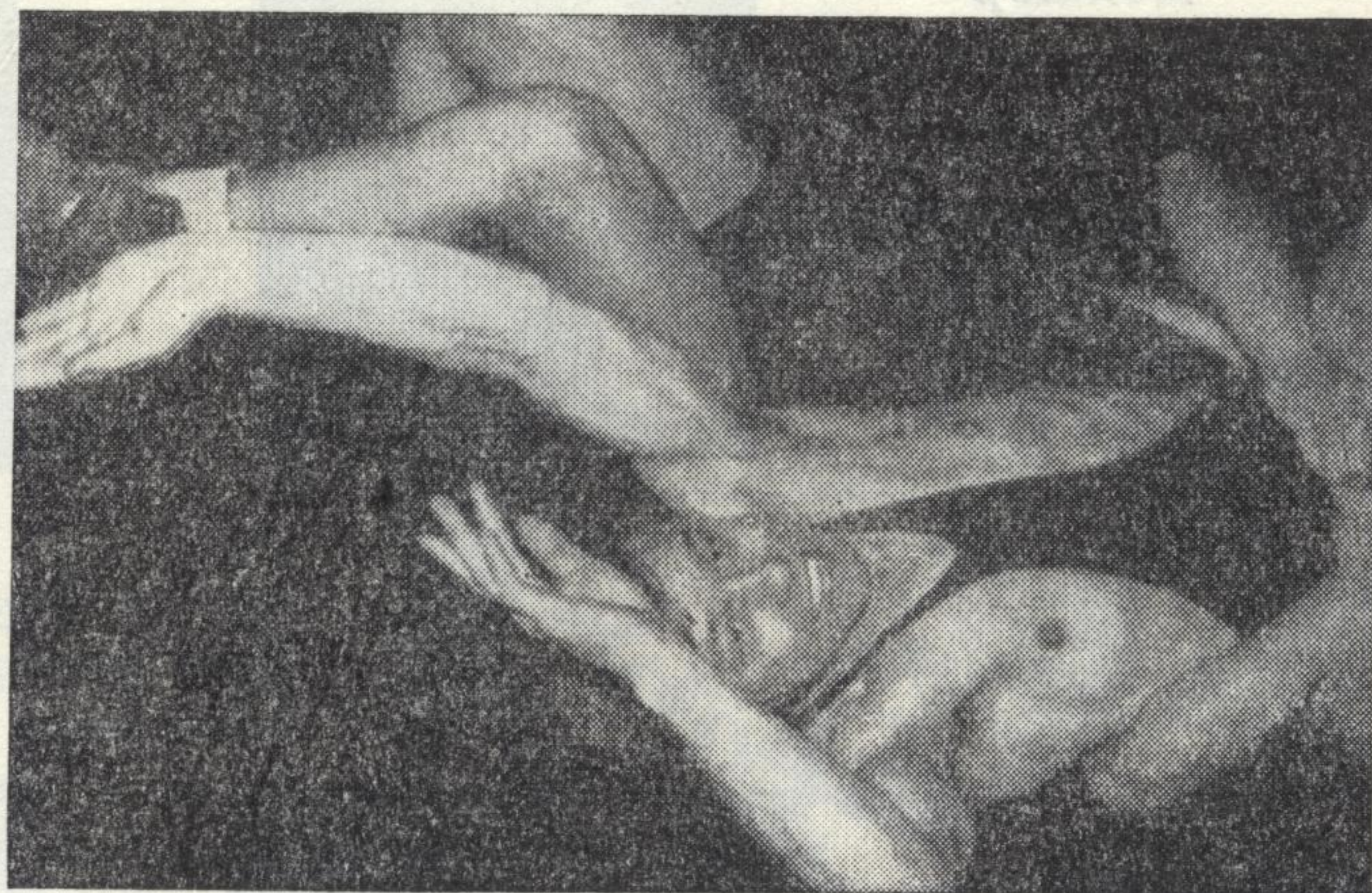
— Эх, ты! — сказал редактор. — Нечего делать. Эти снимки пока что пойдут в печать, а ты печатай снова, как следует.

Так и поступили.

Но так как настоящие снимки немного запоздали, они попали на следующую страницу.

И АКАДЕМИК, И ГЕРОЙ, И МОРЕПЛАВАТЕЛЬ, И ПЛОТНИК

И АКАДЕМИК, И ГЕРОЙ, И МОРЕПЛАВАТЕЛЬ, И ПЛОТНИК

— Вот теперь все ясно, — сказал редактор, разглядывая эти фотографии и горячо пожимая руку Косте Теркину. — Ясно, во-вторых, что все эти люди выглядят вовсе не странно, а спортивно.

А ВО-ПЕРВЫХ, ясно, что заслуженный деятель науки доктор технических наук профессор Иван Иванович Кулагин не мог бы стать крупнейшим специалистом в мудреной науке авиационных двигателей, не мог бы проводить ежедневно долгие часы за рабочим столом и за профессорской кафедрой, если бы каждый день не получал великолепную зарядку на теннисном корте;

что Герой Советского Союза полковник Андрей Дмитриевич Потопольский не смог бы в течение одиннадцати суток под ураганным огнем немецких пушек наводить переправу через один из рукавов Волги, если бы не был закаленным, разносторон-

ним спортсменом — лыжником, конькобежцем, парашютистом, гимнастом;

что капитан Борис Панов только благодаря высоким результатам в стрелковом спорте обрел выдержку, находчивость, хладнокровие, необходимые судовому врачу в дальнем плавании;

что плотнику Альберту Шаталову занятия борьбой помогли не только легко поднимать на пятый этаж строящегося дома дверной блок весом в семьдесят пять килограммов, но при случае и расправляться с хулиганами и бузотерами, нарушающими общественный порядок.

Теперь я вижу, что здесь сфотографированы настоящий ученый, настоящий храбрец, настоящий моряк, настоящий рабочий — **ЧЕТЫРЕ НАСТОЯЩИХ СПОРТСМЕНА!**

Фоторепортаж С. Юревой

И АКАДЕМИК, И ГЕРОЙ, И МОРЕПЛАВАТЕЛЬ, И ПЛОТНИК

За садом-

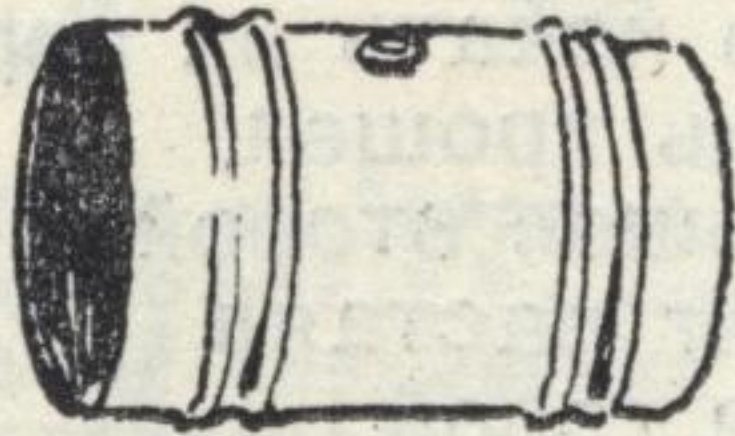
В саду клум-

Над клумбой стре-

Над стрекозой ба-

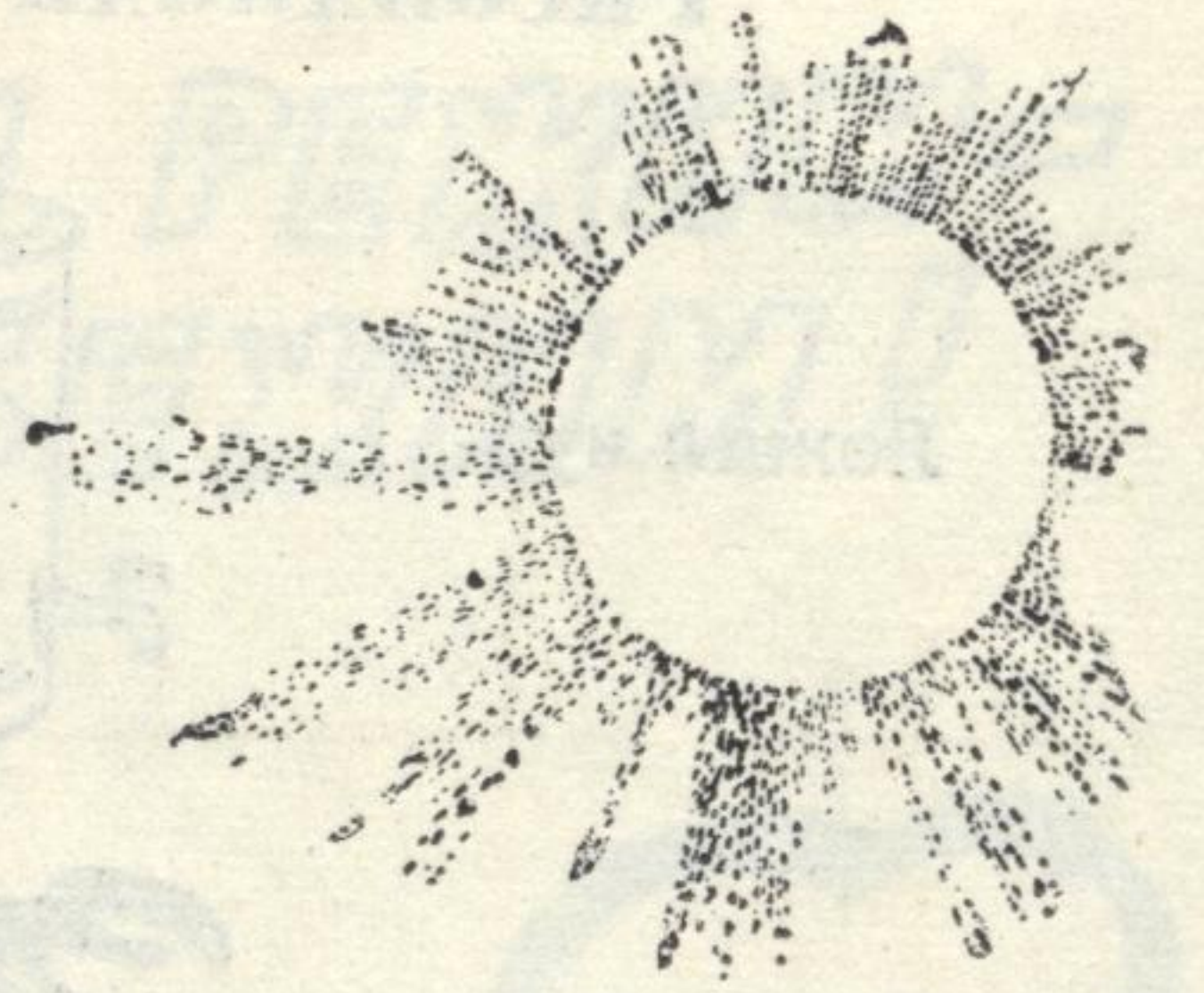

ПЕРЕСТАВЛЕННЫЕ БУКВЫ

Мама мол пыла,
Дочка маму рыла,
Отец воск нязал,
А сын тоску десал.

О. Григорьев

8

Уголёк

№ 3

ПРОСТАЯ ИСТОРИЯ

Надежда Полякова

Потерял я рукавицы
И спросил
У черной птицы,
И спросил
У белой птицы:
Может быть,
Летали птицы
И видали
Рукавицы?

1

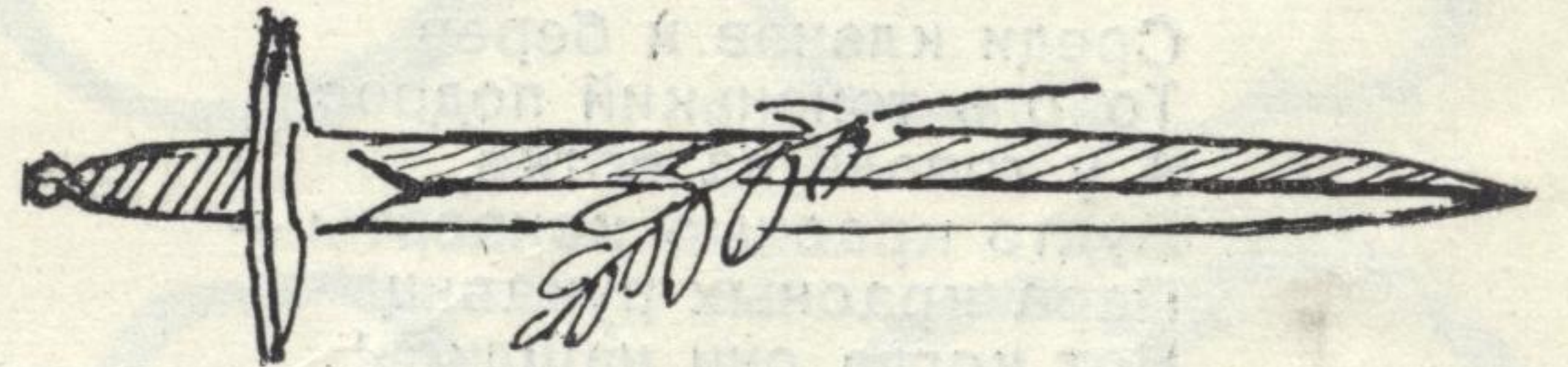

СТРАШИЛА

На подоконнике — альбом.
Склонясь, малыш рисует в нем.
Неслышно мама подошла:
— Ой!... —
Закричала вдруг, —
Усы!
Шесть лап и два крыла!
Какой опасный жук!...
— Не бойся, мама,
Рот
Пока
Не нарисован у жука.

Н. Гольдин
Рисунок Е. Захарова

4

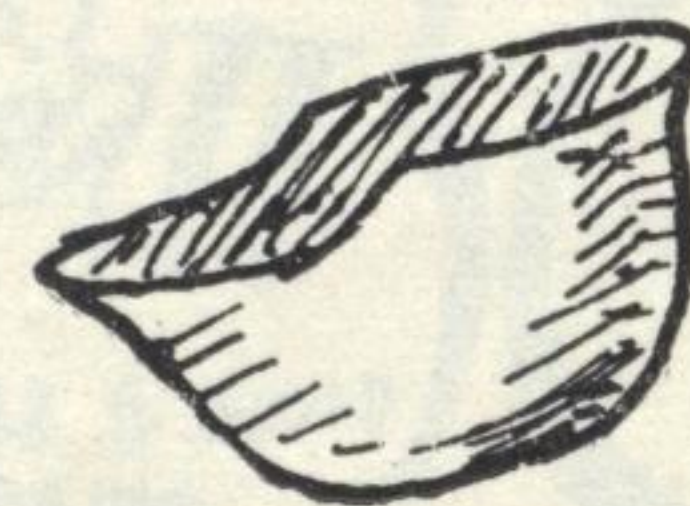

СБОР МЕТАЛЛОЛОМА

(ШУТКА)

— Дайте нам, дайте, дайте
Все, что на слом идет.
Ржавые банки кидайте,
Железо, что зря гниет.
Стертые ложки бросайте,
Ванну, в которой течь.
Мятые ведра дайте,
Каску и старый меч.
— Берите, берите, берите
Все, что на слом идет,
Ржавые банки берите,
Железо, что зря гниет.
Мятые ведра берите
И весь этот ржавый хлам.
Битую каску ловите,
Но старый меч не отдам!

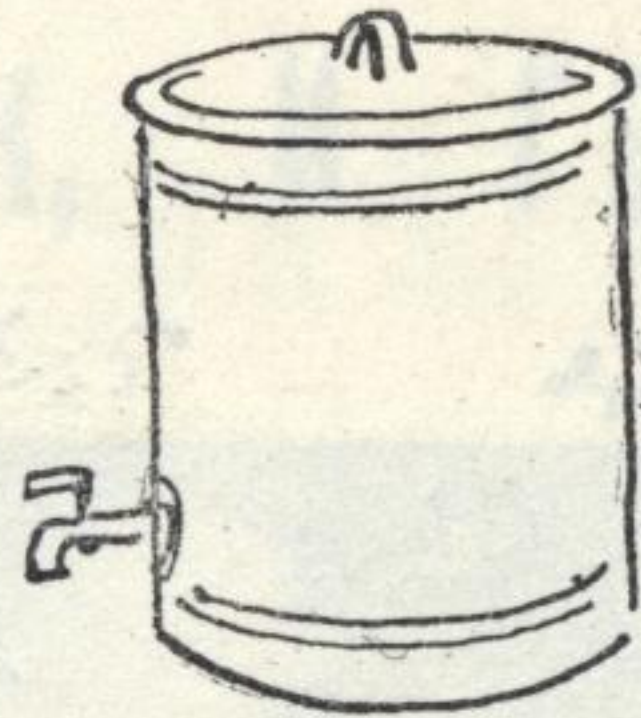
О. Григорьев
Рисунок Н. Муратова

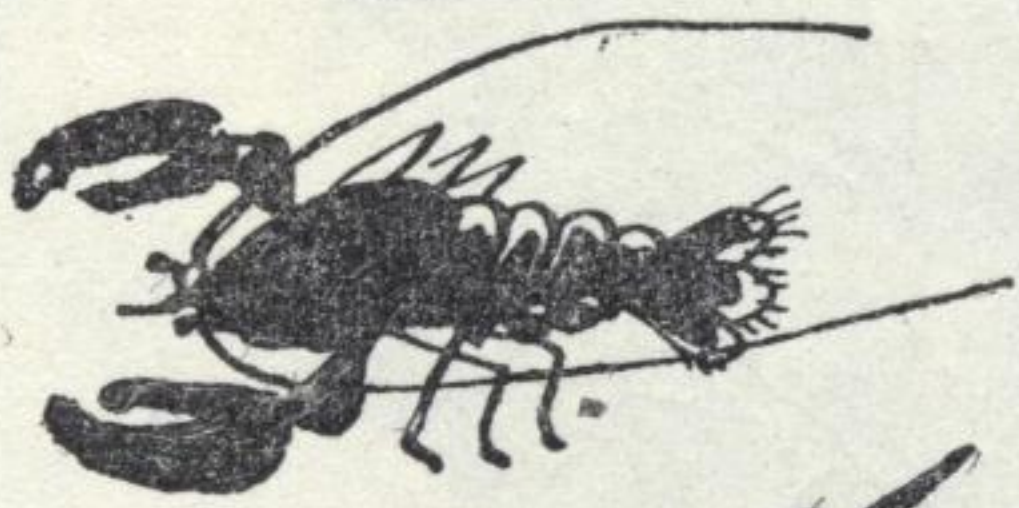
5

РИСОВАННАЯ РИФМА

Лежал чур-

Стоял ба-

Стучал каб-

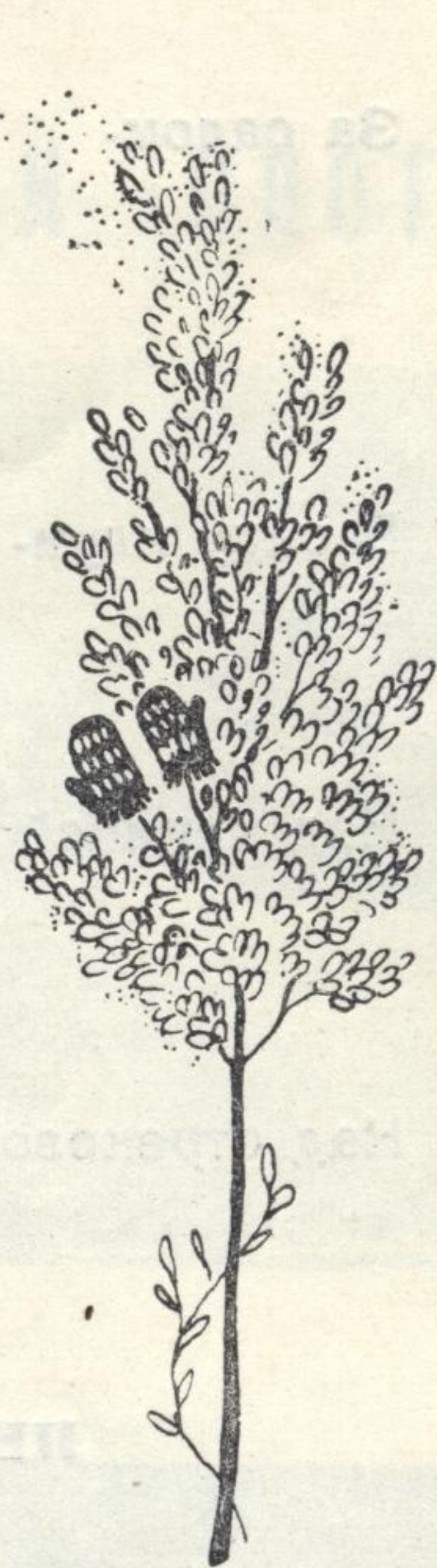

Скрипел баш-

7

Но один ответ у птиц:
— Не видали рукавиц!
Я спросил у трех прохожих,
На меня чуть-чуть
Похожих.
Но у них один ответ:
— Нет!
Походил еще немножко
По заснеженной дорожке.
Посмотрел на все скамейки.
Посмотрел под все скамейки.
А потом я так устал,
Что искать их перестал.
День прошел,
Прошел второй.
Снег растаял
Под горой.
Санки спрятали
В кладовку.
Шар купили
Голубой.
Я хожу один по саду.
Здесь покрасили ограду.
Здесь на тихую аллею
Ставят новую
Скамейку.

2

Среди кленов и берез
Тополь тоненький подрост.
А у тополя на ветке,
Будто красные конверты —
Пара красных рукавиц!
Вот когда они нашлись!
Вместе с этим тополем
Мы в ладоши хлопали,
Мы ногами топали,
Пели на весь сад:
— Светит солнце ясное!
Светит солнце ясное!
Рукавицы красные
На веточке висят!

Рисунки А. Януса

3

Шкое Гасан

То-то весело горланит
Петушиный дружный хор:
В час рассветный, зябкий, ранний
Ночь бежит в испуге с гор.
Прочь из нашего селенья!
А вослед: „Ку-ка-ре-ку!“
Бурку черную в ущелье
Обронила на скаку.
И не спрятаться, не скрыться
Ни в лесу, ни за хребтом,
Солнце весело искрится,
Солнце гонит ночь копьем.

*Перевод с курдского В. Шумилина
Рисунок Н. Муратова*

6

ШКОЛА

спринт

СОБЛЮДАЕМ РЕЖИМ- БЫСТРЕЕ БЕЖИМ!

ВСТАВАТЬ ВСЕГДА
В ОДНО И ТО ЖЕ ВРЕМЯ.

СРАЗУ ЖЕ ЗАРЯДКА
10-20 МИНУТ. ВКЛЮЧИ
В НЕЕ УПРАЖНЕНИЯ
СПРИНТЕРА.

ПОБЕГАЙ 5-10 МИНУТ
НА СВЕЖЕМ ВОЗДУХЕ.

ПОСЛЕ ПРОБЕЖКИ
ВОДНЫЕ ПРОЦЕДУРЫ.

ПЕРВЫЙ ЗАВТРАК.

ШКОЛА. А ЕСЛИ ЗАНЯТИЯ
ВО 2-Ю СМЕНУ, 3 ЧАСА
НА УРОКИ.

ВТОРОЙ ЗАВТРАК
(ДОМА ИЛИ В ШКОЛЕ).

ИЗ ШКОЛЫ БЕЖИМ,
ИЛИ...

ОБЕД. В МЕНЮ СЛЕ-
ДУЕТ ВКЛЮЧИТЬ:
ТВОРОГ, СЫР, ФРУКТЫ,
МЯСО, РЫБУ, ОВОЩИ.

ПОСЛЕ ОБЕДА ОТДЫХ.
(ЛУЧШЕ ВСЕГО ПОСПАТЬ
И ПОГУЛЯТЬ).

ПОСЛЕ ОТДЫХА
ЗА УРОКИ.

ПОСЛЕ УРОКОВ ОТДЫХ,
А ЗАТЕМ ТРЕНИРОВКА.
ТРЕНИРОВКА КОНЧЕТ-
СЯ НЕ ПОЗДНЕЕ 19 ЧАСОВ

УЖИН ЗА ДВА ЧАСА
ДО СНА. ПОСЛЕ УЖИ-
НА НИКОГДА НЕ ТРЕ-
НИРУЙСЯ!!!

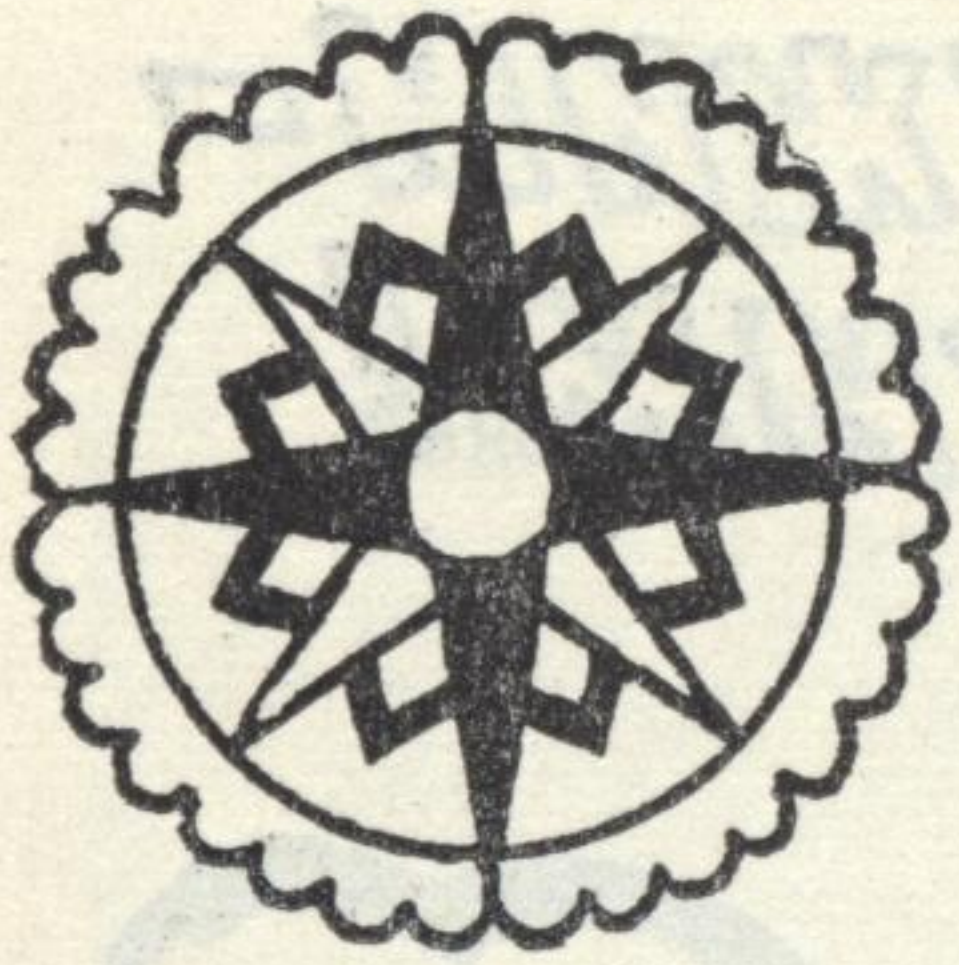

ПЕРЕД СНОМ УМОЙСЯ,
ПОЧИСТИ ЗУБЫ, ВЫ-
МОЙ НОГИ ПРОХЛАД-
НОЙ ВОДОЙ.

СПАТЬ ВСЕГДА В ОДНО
И ТО ЖЕ ВРЕМЯ.

ВСЕ УЧЕНАКИ И
ШКОЛЫ "СПРИНТ"
В 1968 Г. ПОЛУ-
ЧАТ ПОДРОБНУЮ
КОНСУЛЬТАЦИЮ
ПО РЕЖИМУ ДНЯ
И ТРЕНИРОВОК.

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Год издания двенадцатый

Выходит
под редакцией
капитана
второго ранга
С. Сахарнова

В следующем выпуске «Морской газеты» читайте правила приема в Ленинградское Нахимовское училище

ДЕЛЬФИНИЙ ОСТРОВ

(Продолжение)

Перевернувшись в воздухе, Русалка плюхнулась и обдала нас фонтаном брызг. Собаки жалобно закулили.

— Вот видите, что она умеет? — сказал я собакам. — Пройдут годы, и дельфины тоже станут друзьями человека.

Я взял палку, свистнул и, размахнувшись, бросил ее в воду. Пират и Макс дружно бросились за ней. Первым настиг ее Макс, он схватил палку зубами и поплыл назад. У самого помоста он остановился и потянулся ко мне, не выпуская палки из зубов.

И тут пудель и овчарка не выдержали. Носить поноску было их главным умением. Они оцетинились, шерсть на их загривках поднялась дыбом. Собаки вскочили и, упираясь лапами в помост, свирепо залаяли.

Из домиков на берегу выбежали люди. Они бросились к вольеру.

Первой сообразила, что им влетит, дворняжка. Она что-то твякнула своим друзьям и пулей кинулась прочь. За ней, оглядываясь и огрызаясь, мчались пудель и овчарка.

Мне попало. Я последний проходил калитку и оставил ее открытой.

Идите все сюда

В вольер посадили партию дельфинов — шесть громадных, только что пойманных в море животных. Вожаком у них был Копченый. Его прозвали так за темную, отливающую черным кожу. Остальные в стае были самки, они плавали за ним, уступали ему рыбу, которую бросали в вольер, и терпели, когда он, расвирепав, кусал их, оставляя на головах и спинах частые белые бороздки — шрамы.

У Копченого был сварливый непокорный нрав и, наверно, поэтому, стая плохо приручалась.

Однажды к вольеру подошел катер. Матрос, который стоял на носу его, не рассчитал и, бросив якорь, задел его лапой сеть.

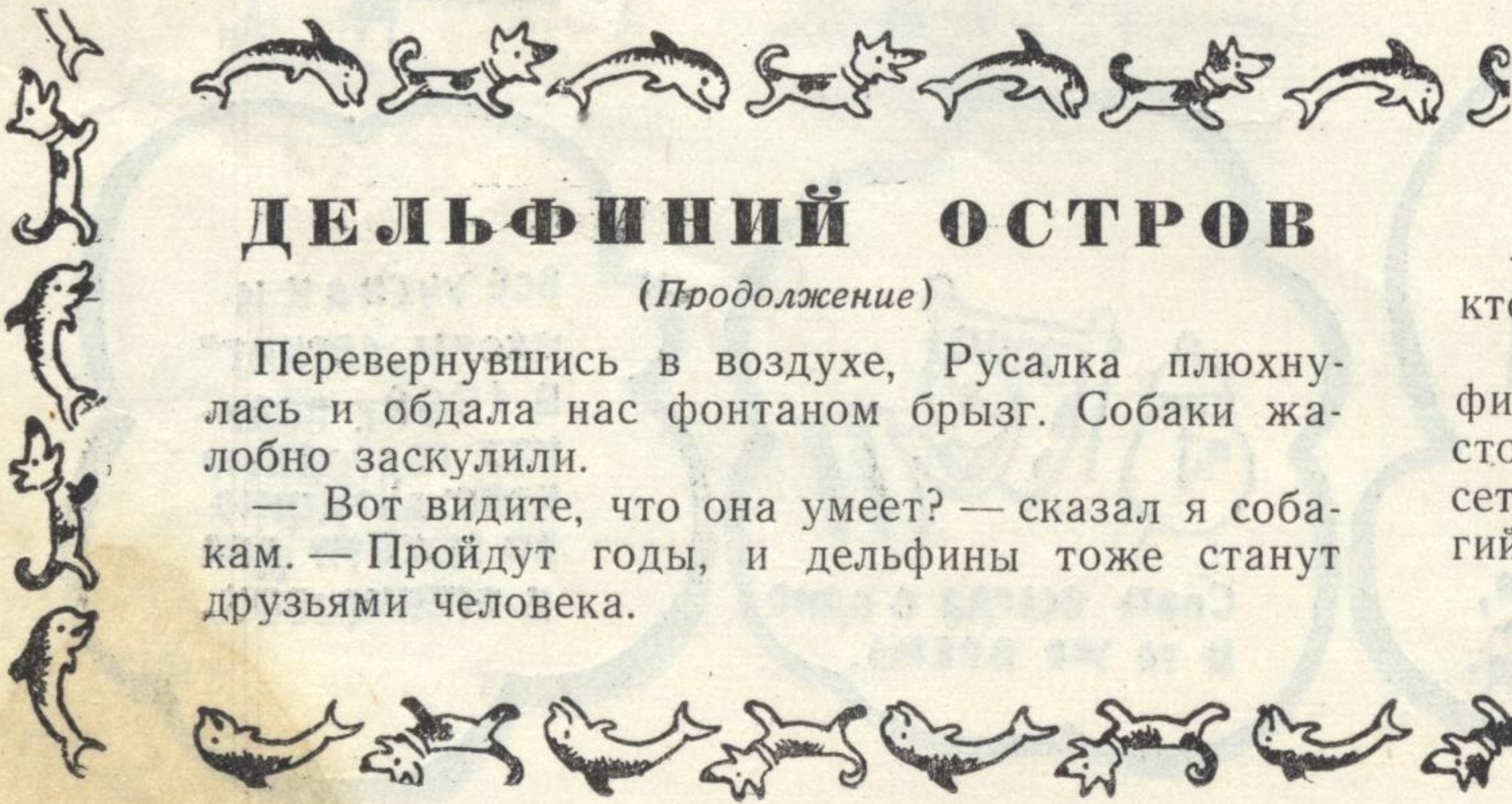
— Эй, там, на вольере! — крикнул он.

Подбежали люди и, свесив головы, увидели, что несколько колец в сети разорвано.

— Смотрите, Копченый уже здесь! — сказал кто-то.

К месту происшествия подплывал темный дельфин. Он приближался, медленно покачивая из стороны в сторону головой, по-своему обследуя сеть. Заметив дыру, он остановился и издал долгий торжествующий писк.

С. Сахарнов.
(Окончание в следующем номере)

ТАЙНА

Знаете ли вы, что такое «резаный удар», или, как его иногда называют, «сухой лист»? Даже заядлые болельщики не всегда могут как следует объяснить это удивительное явление.

Приходилось ли вам видеть гол, забитый с углового удара? Это великолепное зрелище. Футболист бьет по мячу, и мяч летит не вдоль лицевой линии, а чуточку отклоняется в сторону поля. Затем происходит нечто неожиданное. Повинуясь какой-то таинственной силе, мяч изменяет направление полета и, словно живое существо, устремляется прямо в ворота. Выглядит это волшебно, а объясняется довольно просто. Из физики известно, что мячу, которому придано вращательное движение, обязательно должен изменить траекторию полета и отклониться в ту сторону, в которую он вращается. Футболист бьет не в центр мяча, а косо, сбоку. От этого удара мяч, подчиняясь так называемому эффекту Магнуса, начинает вращаться в полете. Если игрок ударит по левой стороне, мяч в полете отклонится вправо. И наоборот, «срезкой» по правой стороне мяч направляется влево. Чем ближе к краю нанесен удар, тем круче будет траектория полета.

Косой удар футболисты умеют наносить не только сбоку, но и по нижнему краю мяча. Они его как бы подсекают. В этом случае мяч получит «обратное вращение».

Описывая дугу, он в высшей ее точке неожиданно круто падает вниз. Таким ударом очень удобно послать мяч через голову противника.

Таким же приемом пользуются волейболисты, давая «резаные» подачи. При «срезке» мяч летит не очень быстро, но зато неожиданное направление полета не дает противнику возможности, особенно если он не очень опытен, вовремя отразить такой мяч.

Использовать удивительную силу вращения научились и теннисисты. Вообще теннис, хотя он внешне кажется совсем несложной игрой, таит в себе много неожиданностей.

Когда игрок ударяет ракеткой, почти невозможно уловить глазом то мгновение, когда ра-

кетка прикасается к мячу. Один кинооператор снял во время игры самые разнообразные удары, производимые мастерами теннисной ракетки. При этом киносъемка велась с ускорением в несколько сот кадров в секунду. Когда пленка была прокручена, все увидели на экране удары по мячу как бы под микроскопом...

Мяч медленно плывет по воздуху навстречу движущейся к нему ракетке. Вот он коснулся ее струнной поверхности. Струны прогнулись, и мяч вошел в углубление. Он лежал в нем, словно камень в праще. И так же, как праща некоторое расстояние несет камень, прежде чем метнуть его в воздух, ракетка сопровождает мяч. В этом сопровождении и заключается секрет скорости. Сопровождающий удар можно сравнить с выстрелом из пушки.

Сопровождающий удар ракетки не только увеличивает скорость полета мяча, но и позволяет игроку послать мяч прицельно — туда, куда он сочтет более выгодным.

Несколько лет назад в Москве на чемпионате мира по волейболу звание сильнейших среди женщин завоевали японки.

Японская команда играла дружно, велика была у нее воля к победе. Но вот что интересно. Внимание спортсменов и многочисленных зрителей привлекла одна особенность во всех встречах. Четырнадцать раз в четырех партиях японки выигрывали очко с первого удара, с подачи.

Удивительно, не так ли? Заговорили о так называемой планирующей подаче и главной ее исполнительнице Ёсико Мацумуре. Когда эта небольшого роста подвижная девушка брала в руки мяч и старательно примеривалась, прежде чем произвести подачу, для всех становилось ясно: этот мяч никто не сумеет перехватить, верное очко! И в самом деле, разве можно предусмотреть, куда полетит мяч, если он неожиданно меняет траекторию полета и почти отвесно падает вниз, когда его меньше всего ждут. Никто не знал, как это происходит. Спрашивали у капитана команды Самаэ Касая. Она пожимала плечами и, улыбаясь,

„Сухого места“

отвечала: «Это блуждающий мяч. Наш тренер, изучая однажды описание древних игр с мячом, нашел этот необычный прием».

Но вот закончился чемпионат мира, и спортсмены разъехались по домам. Однако тайна японской подачи не давала покоя советским волейболисткам. Они решили обратиться к ученым. Чтобы выяснить причины странного поведения мяча, аспирант Академии наук Украинской ССР, большой любитель спорта В. Познахирев и тренер В. Лисянский проделали довольно простой опыт. Они заказали несколько облегченных мячей, имеющих так же, как и обыкновенный волейбольный мяч, воздушный клапан, через который накачивается воздух. Кроме того, они взяли точно такие же мячи, какими играли спортсменки на чемпионате мира. Десятки, сотни раз исследователи разнообразными ударами посылали мяч в воздух, они внимательно рассматривали фотоснимки и киноплёнки, на которых был снят полет мяча, вычерчивали график, склонялись над формулами. Несколько раз удавалось послать мяч «по-японски». Он летел и падал так же эффектно, как и у японок.

И вот что удалось узнать. Если мячу специальным ударом по одной из его сторон придать вращение, то траектория его полета от-

клонится в ту сторону, куда вращается мяч. Такие «резаные» удары, как вы уже знаете, известны спортсменам и довольно хорошо применяются в футболе. Но ведь все дело в том, что в «японской подаче» мяч не вращается в воздухе, а планирует.

Вспомнилась одна любопытная деталь. Японские волейболистки, перед тем как подбросить мяч и произвести подачу, долго вертели его в руках, словно стараясь найти удобное положение для него. Удар наносился неподвижной кистью или кулаком. Для чего это делалось? Ответ пришел совершенно неожиданно.

Одна из причин «блуждания» мяча — это воздушный клапан. Вес его незначителен. Все же он несколько утяжеляет одну сторону мяча. И, прежде чем подбросить его, спортсменка старается, чтобы клапан находился в определенном положении. Ударяя неподвижной кистью, она добивается того, что мяч не вращается при полете. Затем вступает в действие известный закон физики, ставящий в зависимость скорость полета и сопротивление воздуха...

Прошло немного времени, и уже не в лаборатории, а на игровых площадках волейболисты успешно применили выводы ученых.

А. Светов

АРЧЕБЕК НА МАРШЕ

Вперед и только вперед!

ко ведьма с Заколдованного острова хочет нам помешать. Возле АРЧЕБЕКА так и шныряют какие-то подозрительные личности, которые стараются все выведать. Но мы продвигаемся в обстановке строгой секретности!

— Куда держит путь АРЧЕБЕК? — спросил сегодня один такой малый.

— Вперед и только вперед! — ответил Ферзьбери.

— Но куда вперед? На юг? На север? На восток? На запад?

— А вам это необходимо узнать? — прищурился главнокомандующий. — Хорошо. Найдите, как белые тут выигрывают, и я вам скажу.

Белые: Крa1, Лf6, п. h6; черные: Крс1, Лd2.

Пока малый пытался над доской, АРЧЕБЕК сделал 17 поворотов. Тайна продвижения сохранена.

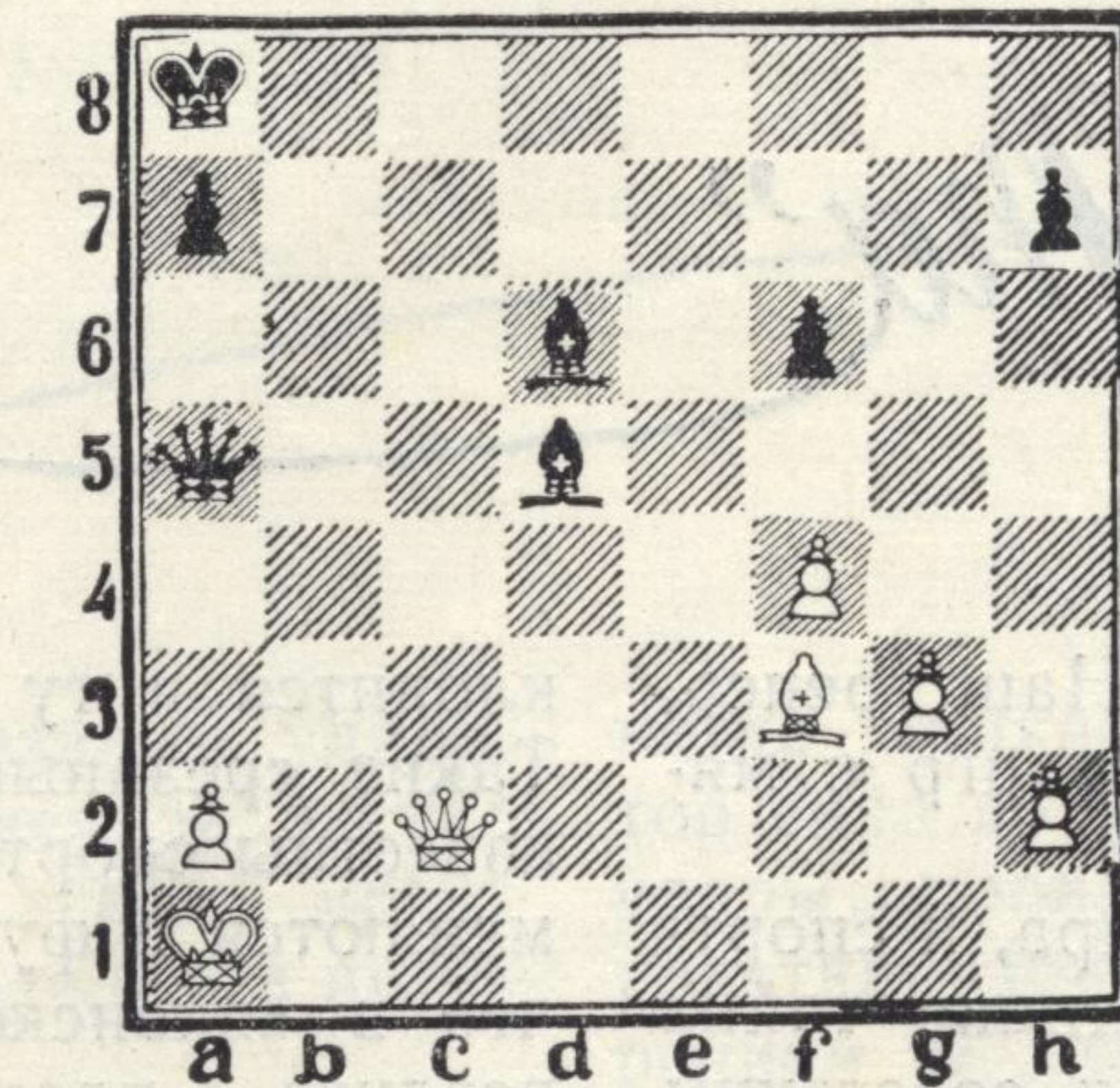
Мы продолжаем поиски волшебной шахматной доски. И, видно, не толь-

Сообщение ТАШШ

(телеграфное агентство шахматистов и шашкистов)

Специальное конструкторское бюро АРЧЕБЕКА разработало новое шахматное оружие — быстромат. Беглый огонь из быстромата по черному и белому королям можно вести в любую погоду, но при отсутствии ветра (в голове!). Прицельный огонь ведется из трех положений — стоя, сидя, лежа. Наилучшая поражаемость цели достигается при стрельбе с дистанции от одного до пяти ходов. Быстроматы успешно прошли прицельные испытания на горизонталях, вертикалях и диагоналях шахматной доски и приняты на вооружение в отрядах АРЧЕБЕКА.

Шахмат-адмирал Ферзьбери призвал своих рыцарей в кратчайшие сроки овладеть стрельбой из быстромата, для чего немедленно присту-

пить к тренировке в следующих сложных условиях.

А. Диаграмма.

Б. Белые: Kpb1, Фd1, Лg1, Лh1, Kh3, п. b2.

Черные: Kph8, Фb8, Лb5, Лb7, Cf8, пп. g6, g7.

В обоих случаях цель — черный король. Белые начинают и дают мат как можно быстрее!

* * *

— Шахмат-капитан Пешкоедов! Приказываю вам завести открытый почтовый ящик!

— Есть завести ящик, товарищ шахмат-адмирал! Но для чего?

— Чтобы там отвечать на письма, за которые их авторам впору объявить шах!

И вот приказ выполнен. Перед вами —

почтовый ящик „С добрым шахом!“

«Дорогой Ферзьбери!

Это пишу тебе я. Я играю в шахматы неплохо, и даже можно считать, очень хорошо. Я уже обыгрываю всех ребят из нашего четвертого «б» класса и хочу теперь вызвать и победить какого-нибудь гроссмейстера. Устрой мне такую встречу, Ферзьбери!

И еще тебя прошу. Объясни мне толком, как ходят кони! А то в нашем классе их передвигают, кому как вздумается.

С шахматным приветом Коля».

С добрым шахом, дорогой бесфамильный Коля!

Я рад, что ты очень хорошо игра-

ешь в шахматы, даже не зная, как ходят кони! И опасаясь объяснить тебе это: а вдруг, узнав, как они ходят, ты начнешь играть хуже?

Твою встречу с гроссмейстером я постараюсь устроить. Но чтобы уравнять ваши силы, поищу такого гроссмейстера, который бы тоже не знал, как ходят кони.

Шахмат-адмирал Ферзьбери

Приказ № 3

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕКОМ, приказываю:

§ 1. Шахматным рыцарям — доложить мне: а) о задаче для подозрительного малого; б) о результатах стрельбы из быстромата.

§ 2. Рыцарям — стрелкнуть (цель — черный король) из быстромата в по-

ложении — белые: Kph2, Фh6, Ле1, пп. f2, f6, g2; черные: Kpg8, Фf8, Ла2, пп. f7, g6, h7.

§ 3. Шашечным рыцарям — найти комбинацию за белых а) белые: b2, c1, d4, f2, g1, g3; черные: a7, b4, b6, f6, h4, h6; б) белые: a3, b4, d4, f2, g1; черные: b6, b8, f4, h4, h8; в) бе-

лые: a3, e3, f2, f4, g3, h6; черные: b4, c5, d6, e5, f8, g7.

Шахмат-адмирал Ферзьбери

На конверте пишите: АРЧЕБЕК. Указывайте свой адрес.

Рисунок на обложке И. Казаковой
На четвертой странице обложки рисунок Б. Семенова

Главный редактор В. В. Торпыгин

Редакционная коллегия: Г. И. Барина, А. А. Крестинский, Б. Н. Никольский, А. И. Пантелеев, А. Ф. Пахомов, Р. П. Погодин, С. В. Сахарнов, Е. В. Серова, Н. В. Теребинская (ответственный секретарь), Н. А. Ходза, Г. М. Чернякова, Ю. А. Юркан (зам. редактора)

Художник-редактор
Ю. П. Мезерницкий

Рукописи не возвращаются

Технический редактор
А. А. Двораковская

Корректор В. А. Маевская

Адрес редакции: Ленинград, С-15, Таврическая, 37, телефон А4-57-76

М-25056

Тираж 330 000 экз.

Подписано к печати 12/II 1968 г.

Формат 84×108¹/₁₆.
Заказ № 1038

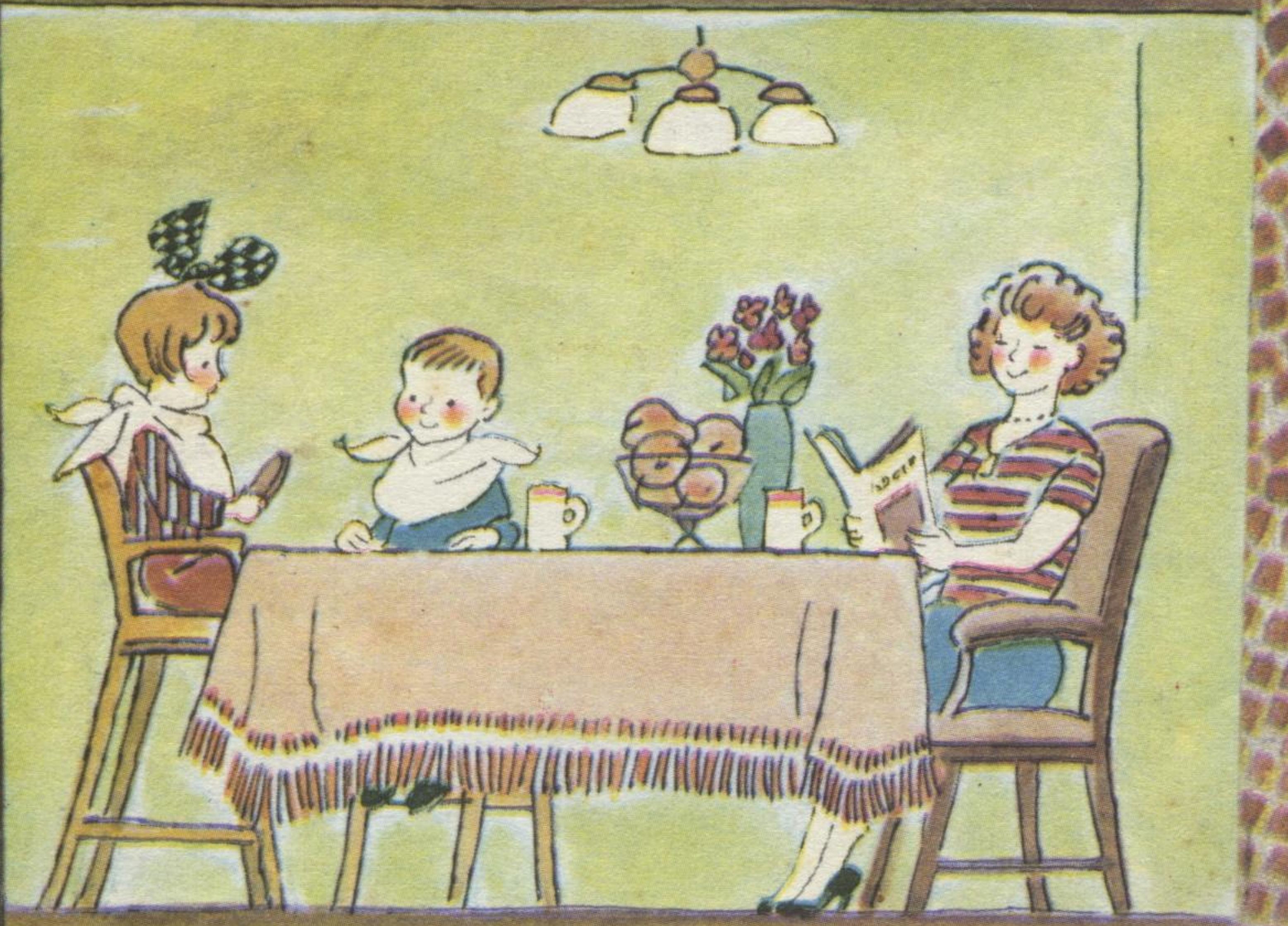
Печ. л. 8+1.

6,36 усл., 8,8 уч.-изд. л.
Цена 25 к.

Ленинградская типография № 2 имени Евгении Соколовой Главполиграфпрома
Комитета по печати при Совете Министров СССР. Измайловский пр., 29.
Обложка и вклейки отпечатаны на 1-й Ленинградской фабрике офсетной печати.

Уст. суп 8-4
Дарун.

Попросили меня соседи вручить к 8 марта подарки. А кому что подарить — забыл, хоть плачь.

Ну, соску-то ясно кому. А вот как бы не перепутать — кому торт, а кому — цветы? И кто должен получить по цветному яркому шарикуну?